

БОЛЬШИЕ КНИГИ

Ивлин Во

ЛЮБОВЬ
СРЕДИ РУИН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
РАССКАЗОВ

« И Н О С Т Р А Н К А »

Иностранная литература. Большие книги

Ивлин Во

**Любовь среди руин.
Полное собрание рассказов**

«Азбука-Аттикус»

1998

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Во И.

Любовь среди руин. Полное собрание рассказов / И. Во —
«Азбука-Аттикус», 1998 — (Иностранная литература. Большие
книги)

ISBN 978-5-389-22112-3

Ивлин Во (1903–1966) – выдающийся британский писатель, биограф и журналист, один из самых тонких английских стилистов, а также признанный мастер черного юмора и убийственно едкой сатиры (нередко пронизанной скрытым лиризмом, за которым угадывается ностальгическое чувство и автобиографичность сюжета); создатель гротескно-смешных фантазий, где причудливо преломляются жизненный уклад и идеологические парадоксы уходящей в прошлое Британской империи. Среди романов Ивлина Во такие известные произведения, как «Пригоршня праха», «Сенсация», «Возвращение в Брайдсхед», «Незабвенная» и др. Кроме того, творческое наследие писателя включает несколько сборников рассказов; они были написаны в разные годы жизни и в миниатюрной форме соединили элементы, которые составили автору репутацию величайшего прозаика XX века. По отзывам критиков, рассказы Ивлина Во – это своего рода квинтэссенция стиля, «наброски и фальстарты к более длинным произведениям», а также убедительное свидетельство того, что один из самых почитаемых и любимых английских романистов был еще и непревзойденным мастером малой формы. В настоящем издании представлено полное собрание рассказов Ивлина Во, большая часть которых на русском языке публикуется впервые.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-22112-3

© Во И., 1998

© Азбука-Аттикус, 1998

Содержание

Ивлин Во	7
Коротенький отпуск мистера Лавдэя и другие ранние рассказы	8
Равновесие	8
Интродукция	8
Обстоятельства	9
Клуб «Кокатрис»[4], 2:30 ночи. Средоточие лондонской ночной жизни	9
Всем по нраву моя крошка[5]	10
Следующее утро, 8:30	11
Центр лондонского Латинского квартала. Художественная школа Молтби	12
Одна из жизненных неурядиц	13
11:00. Перерыв	14
Понт-стрит, 158. Лондонский дом мистера Чарлза и леди Розмари Квест	14
Полдень	15
13:10. Обеденный зал ресторана «Тур-де-Форс»	16
13:45	16
14:30	17
Четверть часа спустя	18
Ave imperatrix immortalis, moriturus te salutant[19]	19
Книжная лавка мистера Макассора	20
Паддингтонский вокзал	21
Оксфорд	21
Кинг-Эдвард-стрит. Комната лорда Бейсингстока	21
Комната мистера Сейла в Мертоне[30]	22
Комната мистера Генри Квеста в еще более мерзкой части Магдалины[33]	22
Комната мистера Эджертон-Вершойла в Пеквотере[37]	23
Комната мистера Фернесса на соседней лестнице	23
Комната мистера Суизина Ланга на Бомонт-стрит[38]	23
Часом позже	24
Комната мистера Эрнеста Вогана	24
Полчаса спустя	25
Час спустя. В «Короне»	25
Либеральная ассоциация Оксфорд-сити. Танцы в ратуше	27
Le vin triste	27
Спустя полчаса. Спальня в отеле	27
Боже, храни короля	28
Заключение	28
Продолжение	32
Благородное семейство	34
Хозяин «Кремля»	41
Любовь на спаде	45
Избыток терпимости	51
Вылазка в действительность	54

Происшествие в Азании	62
Бал Беллы Флис	72
Морское путешествие	79
Человек, который любил диккенса	83
Не в своей тарелке	94
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Ивлин Во
Любовь среди руин: Полное собрание рассказов

Evelyn Waugh

THE COMPLETE SHORT STORIES OF EVELYN WAUGH

Copyright © 1998, The Estate of Evelyn Waugh

All rights reserved

Перевод с английского Виктора Голышева, Ларисы Житковой, Елены Калявиной, Марии Лорие, Анны Лысиковой, Владимира Муравьева, Раисы Облонской, Владимира Харитонova

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© В. П. Голышев, перевод, 2022

© Л. Н. Житкова, перевод, 2022

© Е. Ю. Калявина, перевод, 2022

© М. Ф. Лорие (наследник), перевод, 2022

© А. А. Лысикова, перевод, 2022

© В. С. Муравьев (наследники), перевод, 2022

© Р. Е. Облонская (наследник), перевод, 2022

© В. А. Харитонов (наследники), перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022 Издательство Иностранка®

Коротенький отпуск мистера Лавдэя и другие ранние рассказы

Равновесие Канитель из старого доброго времени широких штанов и джемперов с высоким горлом

Интродукция

– Знаете, пожалуй, я все же не смогу прочесть свое. Это довольно жестоко.

– Надо, Бэзил, надо.

– Пожалуйста, Бэзил.

И так всякий раз, когда Бэзил играл в «Ассоциации»¹.

– Да не могу я, – видите, как тут все перепуталось.

– Ну, Бэзил, голубчик, не томи!

– Ну пожалуйста, Бэзил!

– Ты должен, дорогой Бэзил.

– Нет. Имоджен рассердится.

– Не рассердится. Правда, Имоджен?

– Имоджен, скажи ему, что не рассердишься.

– Да читай же, наконец, Бэзил!

– Ну ладно, только если вы пообещаете, что не возненавидите меня. – И он разгладил бумажку:

«Цветок – кактус.

Спиртное – ром.

Материя – сукно.

Мебель – качалка-лошадка.

Еда – оленина.

Город – Дублин.

И животное – удав-констриктор».

– О, как чудесно, Бэзил!

– Бедняга Адам, я никогда не связывал его с Дублином, – просто идеально!

– А почему кактус?

– Похож на фаллос, моя милая, и вдобавок с колючками.

– И с этими вульгарными цветками.

– Удав-констриктор – блеск!

– Да уж, с его-то пищеварением.

– И ужалить не может – только удавить.

– И гипнотизирует кроликов.

– Надо мне будет написать портрет Адама, гипнотизирующего кролика.

И тут же:

¹ «Ассоциации» – Занимательная психологическая игра, основанная на свободных ассоциациях. Согласно правилам, один из участников называет какое-либо слово, а остальные пишут на своих карточках слова, с которыми оно ассоциируется. По завершении сеанса каждый из участников должен зачитать свои ассоциации. – *Здесь и далее примеч. переводчика.*

- Имоджен, ты не идешь?
- Не могу. Меня дико клонит в сон. Не напивайся, хорошо? И разбуди меня утром.
- И все-таки ты на меня сердишься, Имоджен.
- Я слишком устала, милый мой, чтобы на кого-то сердиться. Спокойной ночи. Дверь закрылась.
- «Милый мой»... Она в бешенстве.
- Так и знал, зря вы заставили меня это читать.
- Она весь вечер была какая-то странная, я считаю.
- Мне она сказала, что, перед тем как спуститься, обедала с Адамом.
- И надеюсь, переела. У Адама все переедают, ты не находишь?
- А всё либидо.
- Но, знаете, я все равно очень горжусь этим персонажем. Интересно, почему раньше никому из нас не приходила мысль о Дублине?
- Бэзил, ты и правда считаешь, что у Имоджен может быть роман с Адамом?

Обстоятельства

ПРИМЕЧАНИЕ. Помимо пропуска некоторых согласных, никаких попыток передать фонетические особенности речи Глэдис и Ады, кухарки и горничной из небольшого домика в Эрлс-Корте², предпринято не было, и, надо полагать, так они и говорят.

Смысл диалогов в фильме опытный киноман угадывает по жестам актеров, реальными же «субтитрами» являются только фразы, выделенные прописными буквами³.

Клуб «Кокатрис»⁴, 2:30 ночи. Средоточие лондонской ночной жизни

На «титульной заставке» натюрморт с бутылкой шампанского, бокалами и комической маской – или она зевающая?

- *Ой, Глэдис, началось! Так и знала, что опоздаем.*
- *Пус'яки, милая, я хорошо вижу в темноте. Ой, простите... Честное слово, думала, места не заняты!*
- Эротическое хихиканье и легкая потасовка.*
- *Да отстань ты, нахаленьши, дай пройти!*
- *Сюда, Глэдис, 'он там два места!*
- *Не, ну надо же... пытался усадить меня к себе на колени!*
- *Да ланно, Глэдис, проехали! Что хоть за картина-то? Комичная?*
- Экран почти весь затемнен, будто пленка сильно передержана. Прерывистый, но яркий луч кинопроектора высвечивает густую толпу танцующих, болтающих, жующих.
- *Нет, Ада, – это гроза. Я бы даже сказала, песчаная буря. Видела на днях с Фредом похожий фильм.*

² Эрлс-Корт – район в западной части центрального Лондона, округ Кенсингтон и Челси.

³ Рассказ написан в эпоху немого кино, за два года до премьеры первого полнометражного звукового фильма «Певец джаза» 6 октября 1927 года в Нью-Йорке.

⁴ *Кокатрис* – мифическое существо из средневековых bestiaries в виде двуногого дракона с головой петуха, иначе – Василиск.

Всем по нраву моя крошка⁵

Крупный план: голова девушки.

– А 'от и его крошка. Мотри, не она ль?

Довольно милая головка, стрижка «фокстрот»⁶, превосходная посадка. Только начинаешь оценивать изысканность ее формы (пленка слишком плоха, чтобы составить хоть какое-то впечатление о текстуре) – а в кадре вместо головы уже тучный пожилой мужчина с саксофоном. Пленка мутнеет – в духе авангардных киностудий континентальной Европы: саксофонист уже превратился в воронку вихревого движения, лица высвечиваются и снова исчезают, а обрывочные субтитры не дожидаются, когда их прочтут.

– Ну а я буду считать, что он легкий.

Голос с кембриджским акцентом с более дорогих мест:

– Экспрессионизмус!

Глэдис тихает Аду в бок и шепчет:

– Иностранец!

После нескольких переключений перспективы фокус внезапно становится стереоскопически ясным. Девушка сидит за столом, наклоняясь к молодому человеку, который подносит зажигалку к ее сигарете. К ним подсаживаются еще трое-четверо мужчин. Все в выходных костюмах.

– Нет, Ада, он не комичный – это из жизни «общества».

– «Общество» тоже бывает комичным, тебе ли не знать!

Девушка настаивает, что ей надо идти.

– Адам, я должна. Мама думает, что я пошла в театр с тобой и твоей матерью. Не знаю, что будет, если она узнает, что я не там.

Общее прощание и оплата счетов.

– По-моему, Глэдис, он слегка перебрал, тебе не кажется?

Герой и героиня садятся в такси и уезжают. На полпути до конца Понт-стрит⁷ героиня останавливает машину.

– Пусть дальше не едет, Адам. Леди Р. услышит.

– Доброй ночи, Имоджен... любимая.

– Доброй ночи, Адам.

Секунду она колеблется, но все же целует Адама.

Такси с Адамом уезжает.

Адам крупным планом. Молодой человек лет двадцати двух, гладко выбрит, с очень темными густыми волосами. Его бесконечно грустный вид выводит Аду из равновесия. Она потрясена.

– И это называется смешно?

– Бастер Китон⁸ тоже иногда выглядит грустным, и что?

Ада веселеет.

У Бастера Китона грустный вид, но Бастер Китон смешной. У Адама грустный вид, но Адам смешной. Яснее не- куда!

⁵ Популярный хит Фэтса Уолера (1904–1943) «Everybody Loves My Baby».

⁶ Стрижка «фокстрот» – короткая стрижка с высоким затылком, один из вариантов стрижки «шингл-боб», популярной в 1910–1920-е годы; разновидности этой стрижки получали названия модных танцев.

⁷ Понт-стрит – фешенебельная улица в Королевском квартале Кенсингтон и Челси, проходит по районам Найтсбридж и Белгравия, на северо-востоке упирается в площадь Белгравия.

⁸ Бастер Китон (1895–1966) – американский комедийный актер, режиссер, сценарист, каскадер.

Кеб останавливается, Адам отдает ему все свои деньги. Тот желает Адаму «доброй ночи» и растворяется в темноте. Адам отпирает входную дверь.

Поднимаясь к себе, он попутно забирает почту со столика в вестибюле: два счета и приглашение на танцевальный вечер.

Заходит в свою комнату, раздевается и некоторое время сидит, с отвращением пялясь на себя в зеркало. Затем ложится в постель. Он не решается выключить свет – знает, что, если он это сделает, комната сразу же начнет вращаться; он должен лежать пластом и думать об Имоджен, пока не протрезвеет.

Затемнение пленки. Комната плывет и вскоре встает на место. Тьма сгущается. Оркестр очень тихо наигрывает первые аккорды песенки «Всем по нраву моя крошка». Полный мрак.

Крупный план: героиня.

Крупный план: герой спит.

Затемнение.

Следующее утро, 8:30

Герой все еще спит. Свет все еще горит.

Входит мымристого вида горничная, выключает свет и поднимает жалюзи. Адам просыпается.

– Доброе утро, Парсонс.

– Доброе утро, сэр.

– Ванная свободна?

– Кажется, туда только что прошла мисс Джейн.

Она поднимает с пола вечерний костюм Адама.

Адам снова ложится и размышляет о том, какое из двух зол меньше: не попасть в ванную или не успеть занять место в студии.

Мисс Джейн у себя в ванной.

Адам предпочитает встать.

Измученный, хотя сна ни в одном глазу, Адам одевается. Затем спускается к завтраку.

– *Какое же это «общество», Глэдис? Они не едят грейпфрут.*

– *И дом совсем маленький.*

– *И дворцового нет.*

– *А 'он и старушка-мать. Спорим, в конце она сделает из него человека!*

– *Да и одежда у них совсем не шик-модерн, если хочешь знать.*

– *Но если этот фильм не смешной, не про убийства и не про высшее общество, то какой же он тогда?*

– *Может, еще и до убийства дойдет.*

– *Ладно, будем считать, что он легкий.*

– *Гляди-ка, получил от графини приглашение на танцевальный вечер.*

– *Не кино, а не пойми что какое-то!*

Приглашение от графини.

– *Ха! Еще и конверт без коронетки!*

Старушка-мать наливает Адаму чаю и пересказывает сообщение из газеты «Таймс» о смерти какого-то знакомого, а когда он допил чай и доел рыбу, выпроваживает его из дома.

Адам доходит до поворота и там садится в автобус. По всем признакам это район Риджентс-парка⁹.

⁹ Риджентс-парк – один из главных королевских парков Лондона, разбит в 1811 году на границе между Вестминстером

Центр лондонского Латинского квартала. Художественная школа Молтби

Ни одна мелочь не была упущена продюсерами для создания аутентичной атмосферы. К приходу Адама главная студия школы Молтби уже наполовину заполнена студентами. Работа еще не начата, но в помещении бурлит жизнь, все заняты приготовлениями. Одна молодая женщина в рабочем халате, больше похожая на хористку, чем на художницу, отмывает палитру, вымазываясь в краске; другая по соседству устанавливает мольберт; третья затачивает карандаш; четвертая курит сигарету, вставленную в держатель на длинной ручке. Молодой человек, также в рабочем халате, держит рисунок и, чуть склонив голову набок, оценивает его с расстояния вытянутой руки; с ним полемизирует длинноволосый молодой человек. Старый мистер Молтби, внушительная личность в потрепанном шелковом халате, выговаривает заплаканной студентке, что если она пропустит еще одно занятие по композиции, то ее исключат из школы. Секретарша мисс Филбрик прерывает спор между двумя молодыми людьми и напоминает им, что ни тот ни другой не внес плату за следующий месяц. Девушка, которая устанавливала мольберт, пытается раздобыть какого-нибудь «фиксатива»¹⁰; его одалживает ей девушка с сигаретодержателем. Мистер Молтби сетует на то, что нынешний уголь сильно крошится. Ну чем не Латинский квартал, право слово?

«Декорации» тоже разрабатывались на совесть. Стены увешаны горшками, сковородками и картинами: последние – это главным образом остатки серии довольно упитанных ню, которые не сумел распродать молодой мистер Молтби. Над помостом в дальнем конце болтается чрезвычайно загорелый скелет.

– *Слушай, Глэдис, а его натурщиц покажут? Как ты думаешь?*

– Ой, не смейся, гуля моя!

Входит Адам и устремляется к стенду со схемой расположения мольбертов; к нему подходит девица, одолжившая «фиксатив». Она все курит.

– У МЕНЯ СВОБОДНО СОСЕДНЕЕ МЕСТО, ДУР, ИДЕМТЕ ТУДА.

Крупный план девушки.

– *Она в него влюблена.*

Крупный план Адама.

– *А он в нее – нет!*

Место, на которое указывает девушка, лучшее во втором ряду; другое такое, помимо крайнего спереди и крайнего сзади, только одно, рядом с печью, закругленное сбоку. Адам ставит против него свои инициалы.

– ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ... БОЮСЬ, Я ДОЛЖЕН ПРИЗНАТЬСЯ, ЧТО МЕНЯ БЕСПОКОИТ СВЕТ С ТОГО МЕСТА, ГДЕ ВЫ РАСПОЛОЖИЛИСЬ... БУДЕТ СЛИШКОМ МАЛО ТЕНЕЙ... ВЫ НЕ НАХОДИТЕ?

Девушку это не обескураживает – она закуривает очередную сигарету.

– Я ВИДЕЛА ВАС ВЧЕРА ВЕЧЕРОМ В «КОКАТРИСЕ», А ВЫ МЕНЯ НЕТ.

– В «КОКАТРИСЕ»... ВЧЕРА ВЕЧЕРОМ... АХ ДА... КАКАЯ ЖАЛОСТЬ!

– КТО ВСЕ ТЕ ЛЮДИ, ЧТО БЫЛИ С ВАМИ?

– О, ПОНЯТИЯ НЕ ИМЕЮ, ПРОСТО КАКИЕ-ТО ЛЮДИ, ЗНАЕТЕ ЛИ.

Он порывается уйти.

– А ЧТО ЭТО ЗА ДЕВУШКА, С КОТОРОЙ ВЫ ТАК МНОГО ТАНЦЕВАЛИ?... БЕЛОКУРАЯ КРАСОТКА... В ЧЕРНОМ?

и округом Камден; назван в честь регентства принца-регента, будущего короля Георга IV.

¹⁰ *Фиксатив* – в рисовании жидкость для укрепления рисунка, выполненного карандашом или углем на бумаге.

– КАК, ВЫ НЕ ЗНАЕТЕ? ВАМ НАДО КАК-НИБУДЬ С НЕЙ ПОЗНАКОМИТЬСЯ... ПОСЛУШАЙТЕ, Я ДИКО ИЗВИНЯЮСЬ, НО МНЕ НУЖНО СРОЧНО СПУСТИТЬСЯ К МИСС ФИЛБРИК ЗА БУМАГОЙ.

– Я МОГУ ВАМ ОДОЛЖИТЬ.

Но его уже и след простыл.

Ада говорит:

– Не много ли болтовни в этой картине, а, Глэдис? – И тут вступает голос с кембриджским акцентом, вещающий что-то об «удалении субтитров».

Одна из жизненных неурядиц

Входит молодая женщина, кутаясь в халат, впереди – младший мистер Молтби.

– *И это называется натурщица? Ну, знаешь...*

Женщина слегка простужена, чихает в крошечный комочек носового платка; она поднимается на помост и неуклюже садится на стул. Младший мистер Молтби кивком приветствует тех учеников, которые ловят его взгляд; девушка, говорившая с Адамом, тоже ловит взгляд учителя, тот улыбается.

– *У него с ней шуры-муры.*

Она отвечает ему приветливой улыбкой.

Молодой мистер Молтби громыкает печью, приоткрывает световой люк, затем поворачивается к натурщице; та сбрасывает халат и вешает его на спинку стула.

– *Ой, мамочки... Ада! С ума сойти!*

– *Чтоб я когда...*

Молодой человек из Кембриджа продолжает заносчиво рассуждать о Матиссе, будто хорошо знаком с предметом. Хотя на самом деле он сильно заинтригован.

Натурщица обнажила рыхлые розовое тело, коротковатые ноги и руки с красными локтями; как и у большинства профессиональных натурщиц, пальцы у нее на ногах изуродованы и все в мозолях. Младший мистер Молтби сажает ее на стул в позе, отвечающей стандартам художественной школы. Класс приступает к работе.

Адам возвращается с несколькими листами бумаги и пристраивает их у себя на планшете. Потом какое-то время стоит, сверля натурщицу брезгливым взглядом, так и не проведя ни одной линии.

– *Он в нее влюблен. – Но на сей раз Ада не угадала.*

Затем начинает набрасывать основные очертания позы.

Он работает пять-шесть минут, но ему досаждают жар от печи. Сзади, пылая табачным дымом, подходит старший мистер Молтби.

– Ну как, все разметил? Что у тебя в центре? Куда будет смотреть стопа? Куда встанет макушка?

Адам ничего не разметил – он яростно стирает все, что рисует, и начинает заново.

Тем временем между молодым мистером Молтби и девицей, которая была влюблена в Адама, завязывается оживленный флирт. Мистер Молтби наклоняется к ней, указывая на ошибки, и кладет руку ей на плечо, но она в джемпере с глубоким вырезом, и большой палец учителя соскальзывает на ее голую шею, щекоча кожу, – девица благодарно извивается. Он забирает у нее уголь и начинает что-то рисовать в уголке листа – ее волосы касаются его щеки, – ни ей, ни ему нет никакого дела до того, что он рисует.

– *Нет, ну эти богемные совершенно не умеют держать себя в руках, правда, Глэдис?*

За полчаса Адам трижды стирал свой рисунок. Стоит ему обнаружить какое-то необычное сочетание форм, как натурщица подносит к носу комочек носового платка и после каждого чиха слегка меняет позу. Антрацитовая печь пышет жаром, Адам работает еще полчаса.

11:00. Перерыв

Почти все девушки достают сигареты; мужчины же, число которых увеличилось за счет притока опоздавших, кучкуются в уголке отдельно от них. Один мужчина читает «Студио». Адам раскуривает трубку и, отступая назад, с отвращением изучает свой рисунок.

Крупный план: рисунок Адама. В действительности он совсем не плох. Фактически на порядок удачнее любого в зале; один, правда, может стать лучше к концу недели, но в данный момент на нем видны лишь цифры замеров и геометрические фигуры. Его автору невдомек, что натурщица отдыхает, – он увлечен определением границ медиального отдела ее фигуры и производит вычисления в уголке листа.

Адам выходит на лестницу, заполненную женщинами из нижней студии. Они подкрепляются плюшками из пакетиков. Он возвращается в студию.

Девушка, которой давал наставления молодой мистер Молтби, подходит к Адаму и рассматривает его рисунок.

– Довольно типично для понедельничного утра.

Слово в слово повторила отзыв молодого мистера Молтби о ее рисунке.

Натурщица снова садится в заданную позу и снова чуть-чуть иначе; бумажные пакетики убраны, трубки выбиты; многообещающий ученик просчитывает зону прямоугольника.

Смена декораций.

Понт-стрит, 158. Лондонский дом мистера Чарлза и леди Розмари Квест

Судя по интерьеру, продюсеры таки предприняли наконец кое-какие попытки удовлетворить социальные чаяния Глэдис и Ады. Да, там очень мало мрамора и нет напудренных лакеев в бриджах, но в помещениях с высокими потолками и мебелью в стиле Людовика Шестнадцатого атмосфера несомненного величия все же присутствует, и даже имеется один лакей. Молодой человек из Кембриджа оценивает затраты на содержание дома в шесть тысяч в год, и при избыточной щедрости этого предположения оно вполне оправданно. На заднем плане видна коллекция лиможского фарфора, принадлежащая леди Розмари.

Имоджен Квест у себя в спальне наверху звонит по телефону.

– Ой, Ада, какая миленькая кимоношка!

Мисс Филбрик входит в верхнюю студию Молтби именно в тот момент, когда наконец у Адама начинает проклевываться интерес к рисунку.

– МИСС КВЕСТ ЖЕЛАЕТ ПОГОВОРИТЬ С ВАМИ ПО ТЕЛЕФОНУ, МИСТЕР ДУР. Я ОБЪЯСНИЛА ЕЙ, ЧТО ЭТО ПРОТИВОРЕЧИТ НАШИМ ПРАВИЛАМ. СТУДЕНТАМ РАЗРЕШЕНО ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ТЕЛЕФОНОМ ТОЛЬКО В ОБЕДЕННЫЙ ПЕРЕРЫВ, – (мисс Филбрик и старший мистер Молтби издавна ведут бесконечную потешную игру, делая вид, что где-то существует свод правил, которые все должны соблюдать), – НО ОНА УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ДЕЛО КРАЙНЕ ВАЖНОЕ. ЖЕЛАТЕЛЬНО, ЧТОБЫ ВЫ ПОПРОСИЛИ СВОИХ ДРУЗЕЙ НЕ ЗВОНИТЬ ВАМ ПО УТРАМ.

Адам кладет уголь и следует за ней в кабинет.

Над телефоном в кабинете висит выцветшее объявление, написанное староанглийским шрифтом, который мисс Филбрик постигала на вечерних курсах на Саутгемптон-роуд:

«Студентам запрещено пользоваться телефоном в рабочее время».

– ДОБРОЕ УТРО, ИМОДЖЕН.

– ДА, ВПОЛНЕ БЛАГОПОЛУЧНО... ТОЛЬКО СТРАШНО ВЫМОТАН.

– НЕ МОГУ, ИМОДЖЕН... ДЛЯ НАЧАЛА, У МЕНЯ НЕТ ДЕНЕГ.

– НЕТ, ТЕБЕ ЭТО ТОЖЕ НЕ ПО КАРМАНУ. В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ Я УЖИНАЮ У ЛЕДИ Р.

– ТЫ ВЕДЬ ПОТОМ РАССКАЖЕШЬ?

– ПОЧЕМУ НЕТ?

– А КТО ТАМ ЖИВЕТ?

– УЖ НЕ ТОТ ЛИ ЖУТКИЙ БЭЗИЛ ХЕЙ?

– ВСЕ ВОЗМОЖНО.

– ВИДЕЛСЯ ИНОГДА С НИМ В ОКСФОРДЕ.

– ЧТО Ж, ЕСЛИ ТЫ ТОЧНО СМОЖЕШЬ ЗАПЛАТИТЬ, ТО Я С ТОБОЙ СЕГОДНЯ ПООБЕДАЮ.

– ЗАЧЕМ? ТАМ ЖЕ БЕЗУМНО ДОРОГО.

– СТЕЙК «ТАРТАР»? А ЧТО ЭТО?

«Абсолютно сырой, знаете, с оливками, каперсами, уксусом и разными специями», – объясняет кембриджский го- лос.

– СМОТРИ, РАДОСТЬ МОЯ, ОБОРОТНЕМ СТАНЕШЬ.

– ТЕБЕ ПОНРАВИЛОСЬ, ЗНАЧИТ, И МНЕ ПОНРАВИТСЯ.

– ДА, БОЮСЬ, У МЕНЯ ПОЯВЛЯЕТСЯ СКЛОННОСТЬ К МЕЛАНХОЛИИ.

– ГДЕ-ТО В ЧАС. НЕ ОПАЗДЫВАЙ, ПОЖАЛУЙСТА... В МОЕМ РАСПОРЯЖЕНИИ ЛИШЬ СОРОК ПЯТЬ МИНУТ.

– ДО СВИДАНИЯ, ИМОДЖЕН!

Вот и все, что уши мисс Филбрик смогли выловить из этого запретного разговора.

Адам возвращается в студию и набрасывает несколько грубых невыразительных линий.

Затем стирает, но они грязными пятнами въедаются в пористую бумагу. Он разрывает рисунок, старый мистер Молтби протестует, молодому мистеру Молтби не до Адама – он занят объяснением строения стопы.

Адам принимается за новый рисунок.

Крупный план: рисунок Адама.

– Он думает о ней.

В яблочко, Ада!

– Эти фильмы были бы гораздо убедительнее, если бы в них брали квалифицированных чертежников, чтобы они делали рисунки за героя, – тебе не кажется?

Браво, культурная буржуазия!

Полдень

Повторение всех блужданий предыдущего часа.

Подающий надежды студент высчитывает соотношение двух кубов. Девушка, изучавшая строение стопы, подходит к студенту сзади и заглядывает ему через плечо; он испуганно вздрагивает и сбивается со счета.

Адам берет шляпу, трость и выходит.

Адам в автобусе.

Адам изучает Пуссена¹¹ в Национальной галерее.

Крупный план: Адам изучает Пуссена.

– Он думает о ней.

Часы на колокольне церкви Святого Мартина-в-Полях¹² бьют один час. Адам покидает Национальную галерею.

¹¹ Пуссен Никола (1594–1665) – французский художник.

¹² Церковь Святого Мартина-в-Полях – самая знаменитая приходская церковь Лондона, находится на Трафальгарской

13:10. Обеденный зал ресторана «Тур-де-Форс»

Входит Адам; озирается по сторонам, но, как он и ожидал, Имоджен еще не явилась. Он садится за столик, накрытый на две персоны, и ждет.

Ресторан «Тур-де-Форс», хотя на самом деле он и не в Сохо, безошибочно производит впечатление космополитично-театрального заведения – что Ада суммировала в слове «богемный». Столики расставлены идеально, вина превосходные, но и неимоверно дорогие.

Адам заказывает бокал хереса и ждет, разделяя внимание между дверью, в которую должна войти Имоджен, и соседним столиком, где немолодой юрист, крупный авторитет в политической сфере, пытается развлечь скучающего изысканно-красивого юношу лет восемнадцати.

13:45

Входит Имоджен.

Посетители за другим столиком говорят: «СМОТРИТЕ-КА, ИМОДЖЕН КВЕСТ! НЕ ПОНИМАЮ, ЧТО ЛЮДИ В НЕЙ НАХОДЯТ, А ВЫ ЧТО СКАЖЕТЕ?» или «КТО ЭТО ТАКАЯ, ИНТЕРЕСНО? НЕ ПРАВДА ЛИ, ОНА ПРИВЛЕКАТЕЛЬНА?»

– ПРОСТИ, ДОРОГОЙ, Я ЖУТКО ОПОЗДАЛА. У МЕНЯ С УТРА БЫЛ ДИЧАЙШИЙ МАРАФОН ПО МАГАЗИНАМ С ЛЕДИ Р.

Она садится за столик.

– ТЕБЕ ЖЕ НЕ НАДО СРЫВАТЬСЯ С МЕСТА И СЛОМЯ ГОЛОВУ НЕСТИСЬ В ШКОЛУ? МЫ ВЕДЬ С ТОБОЙ БОЛЬШЕ НЕ УВИДИМСЯ. НИКОГДА. СЛУЧИЛОСЬ САМОЕ УЖАСНОЕ... ЗАКАЖИ МНЕ ЧТО-НИБУДЬ ПОЕСТЬ, АДАМ. Я СТРАШНО ГОЛОДНА. ХОЧУ СТЕЙК «ТАРТАР», НО БЕЗ НАПИТКОВ.

Адам заказывает.

– ЛЕДИ Р. ГОВОРИТ, Я С ТОБОЙ ЧЕРЕСЧУР ЧАСТО ВИЖУСЬ. НЕ СЛИШКОМ ЛИ ЭТО УЖАСНО?

Глэдис наконец в своей стихии. Жанр фильма определен. Первая любовь рушится из-за родителей-толстосумов, кичащихся своим богатством.

Имоджен отмахивается от тележки с hors d'œuvre¹³.

– Она устроила мне сцену. Заявилась, когда я была еще в постели, и потребовала полного отчета о вчерашнем вечере. Очевидно, слышала, как я вошла в дом. Ох, Адам, не могу передать, сколько жутких мерзостей она о тебе наговорила. Какой-то дурацкий обед, дорогой, – ты заказал все, чего я на дух не переношу.

Адам допивает бульон.

– И ВОТ ПОЭТОМУ СЕГОДНЯ МЕНЯ ОТПРАВЛЯЮТ В ТАТЧ¹⁴. А вечером леди Р. хочет с тобой серьезно поговорить. Она даже отменила визит Мэри и Эндрю, чтобы встретиться с тобой один на один. Адам, с чего ты взял, что я все это съем? А себе даже выпить не заказал.

Адам съедает весь омлет сам. Имоджен крошит хлеб и говорит:

– Но знаешь, милый мой, ты не должен осуждать Бэзила – учти, я дико его обожаю, к тому же у него наипрелестнейшая и наивульгарнейшая мамаша – тебе бы точно понравилась.

Выкатывается стейк «Тартар» и готовится тут же при них.

площади.

¹³ С закусками (фр.).

¹⁴ Татч – небольшой населенный пункт в Англии, ныне не существует.

Крупный план: блюдо мелко порубленного, истекающего кровью мяса; руки, чересчур щедро посыпающие его приправами.

– Знаешь, Адам, что-то мне расхотелось есть это после всего. Так напоминает мне о Генри...

14:30

Адам закончил с обедом.

– ТАК ЧТО ТЫ ДОЛЖЕН ПОНЯТЬ, МОЙ ДОРОГОЙ, ЧТО МЫ С ТОБОЙ БОЛЬШЕ НИКОГДА-НИКОГДА НЕ УВИДИМСЯ – ПОДОБАЮЩИМ ОБРАЗОМ, Я ИМЕЮ В ВИДУ. НУ ВОТ, Я ДАЖЕ ЗАГОВОРИЛА КАК ЛЕДИ Р. – ЕЕ СЛОВАМИ, ТЫ НЕ НАХОДИШЬ?

Имоджен протягивает руку через стол и касается руки Адама.

Крупный план: рука Адама, на мизинце кольцо-печатка, а на сгибе большого пальца – пятно от краски. Рука Имоджен – совершенно белая, с маникюром – ползет по экрану и при- трагивается к пятну.

Глэдис тихо всхлипывает:

– ТЫ ВЕДЬ НЕ СИЛЬНО ОГОРЧЕН, ПРАВДА, АДАМ?

Адам огорчен – и, разумеется, сильно. Очень. Он съел достаточно, чтобы основательно раскиснуть.

Ресторан «Тур-де-Форс» почти пуст. Адвокат пошел своим грешным путем, а официанты беспокойно топчутся поодаль.

Имоджен оплачивает счет, и они с Адамом выходят на улицу.

– АДАМ, ТЫ ДОЛЖЕН ПОЕХАТЬ НА ЮСТОНСКИЙ ВОКЗАЛ¹⁵ МЕНЯ ПРОВО- ДИТЬ. МЫ ВЕДЬ НЕ МОЖЕМ ВОТ ТАК РАССТАТЬСЯ – НАВСЕГДА? ХОДЖЕС ВСТРЕ- ТИТ МЕНЯ ТАМ С БАГАЖОМ.

Они садятся в такси.

Имоджен вкладывает руку в его ладонь, и в течение нескольких минут они так и сидят, не проронив ни слова.

Затем Адам наклоняется к ней, и они целуются.

Крупный план: Адам и Имоджен целуются. В глазах у Адама стоят слезы (что момен- тально находит отклик у Глэдис и Ады, которые безудержно рыдают); губы Имоджен сладостно приоткрылись в ответ на прикосновение губ Адама.

– *Как Венера Бронзино!*¹⁶

– НА САМОМ ДЕЛЕ, ИМОДЖЕН, ТЕБЕ ВЕДЬ ВСЕГДА БЫЛО ВСЕ РАВНО. ИНАЧЕ ТЫ БЫ ВОТ ТАК ВОТ НЕ УЕХАЛА. СКАЖИ, ТЕБЕ ХОТЬ КОГДА-НИБУДЬ БЫЛО НЕ ВСЕ РАВНО – ТОЛЬКО ЧЕСТНО?

– РАЗВЕ Я ТЕБЕ ЭТО НЕ ДОКАЗАЛА? Адам, дорогой, ну что ты вечно задаешь какие- то нудные вопросы. Неужели ты не понимаешь, насколько это невыносимо? У нас всего пять минут до Юстона.

Они опять целуются.

Адам говорит:

– Черт бы побрал эту леди Р.

Они подъезжают к Юстону.

Ходжес их уже ждет. Она позаботилась о багаже. Она позаботилась о билетах. Она даже купила журналы. Делать больше нечего.

¹⁵ Юстонский вокзал – железнодорожный вокзал в центральной части Лондона, открыт в 1837 году.

¹⁶ Бронзино Альоло (1503–1572) – итальянский живописец, выдающийся представитель маньеризма; вероятно, имеется в виду его картина «Аллегория с Венерой и Купидоном».

Адам стоит рядом с Имоджен в ожидании отправления поезда; она просматривает еженедельную газету.

– Взгляни на это фото Сибил. Странное какое-то, правда? Когда, интересно, оно снято? Поезд вот-вот тронется. Она садится в вагон и протягивает руку:

– Прощай, дорогой. Ты ведь приедешь в июне на танец с матерью?¹⁷ Если нет, меня это очень огорчит. А может, и раньше увидимся. Прощай!

Поезд отъезжает от вокзала и набирает ход.

Крупный план. Имоджен в вагоне изучает странное фото Сибил.

Адам на платформе глядит вслед исчезающему поезду.

Затемнение.

– *Ну и как тебе это, Ада?*

– *Мило.*

– *Странно все-таки, что они никак не могут заставить героев и героинь разговаривать как леди и джентльмены – тем более в минуты душевных волнений.*

Четверть часа спустя

Адам еще в Юстоне, стоит, бесцельно уставившись на книжный киоск. Перед ним на экране мелькают картины его жизни.

У Молтби. Антрацитовая печь, натурщица, любвеобильная студентка («Вамп»), студент с математическими наклонностями, его собственный рисунок.

Семейный обед. Его отец, мать, Парсонс, сестра с ее глупым прыщавым личиком и тупой завистью ко всему, что говорит, делает и носит Имоджен.

Обед на Понт-стрит, голова к голове с леди Розмари.

Обед в одиночестве в каком-то дешевом ресторане в Сохо. А в конце неизменное вечное Одиночество и мысли об Имоджен.

Крупный план: лицо Адама выражает отчаяние, постепенно переходящее в решимость.

Адам в автобусе – едет к Хэновер-Гейт¹⁸.

Подходит к дому.

Парсонс. Парсонс открывает дверь. Миссис Дур нет дома; мисс Джейн нет дома; нет, Адам не хочет чаю.

Комната Адама. Чудесная, под самой крышей, откуда открывается вид на верхушки деревьев. В полнолуние доносятся звуки из Зоологического сада. Адам входит и запирает дверь.

Глэдис тут как тут:

– *Самоубийство, Ада.*

– *Да, но она явится в последний момент и остановит его. Вот увидишь!*

– *Не обольщайся. Это не простое кино, совсем не прос- тое.*

Он подходит к письменному столу, открывает один из ящичков и достает из него маленький синий пузырек.

– *Ну, что я говорила?! Яд.*

– *Легкость, с которой персонажи фильмов ухитряются обеспечить себя инструментами смерти...*

Он ставит пузырек на стол, берет лист бумаги и пишет.

– *Предсмертная записка для нее. Ишь, дает ей, время приехать, чтобы его спасти.*

¹⁷ Традиционный танец матери невесты с дочерью или женихом на свадьбе или помолвке.

¹⁸ Хэновер-Гейт (Hanover Gate) – один из входов в Риджентс-парк.

Ave imperatrix immortalis, moriturus te salutant¹⁹

Идеально! И очень тонко.

Он складывает листок, отправляет его в конверт и надписывает адрес.

Далее медлит в сомнениях.

Возникает видение:

Дверь в комнату Адама. К ней подходит миссис Дур, переодетая к ужину, и стучится в дверь, стучится еще несколько раз, затем в тревоге зовет мужа. Профессор Дур дергает ручку, трясет ее. Подходят Парсонс и Джейн. Через некоторое время решают взломать дверь, профессор Дур возится с ней, миссис Дур в ажитации. Джейн делает тщетные попытки ее успокоить. Волнение нарастает. Наконец все врываются в комнату. Адама обнаруживают мертвым на полу. Сцена неопишуемой пошлости со слезами, истерикой, телефоном, полицией. Затемнение.

Крупный план: Адам кривится от отвращения.

Очередное видение:

Деревня африканских туземцев у края джунглей; из низенькой соломенной хижины выползает смертельно больной голый мужчина, за ним – его причитающие жены. Он тащится в джунгли, чтобы умереть там в одиночестве.

– *Ос-споди, Глэдис! Вот-те и мораль.*

Еще одно видение:

Рим времен Петрония²⁰. Молодой патриций возлежит в окружении своих гостей. Продюсеры, не жалея сил, трудились над созданием атмосферы великолепия и роскоши. Мраморный зал, будто построенный в горячечном бреду какого-нибудь Альма-Тадемы²¹, щедро освещен горящими христианами. Слева и справа мальчишки-рабы, дети варваров, вносят блюда с жареными павлинами. В центре зала девочка-рабыня танцует с пумой. Выход нескольких гостей в вомиторий²². За павлинами следуют молочные поросята, тушенные в меду, фаршированные трюфелями и соловьиными язычками. Зверь, воспламененный внезапной страстью, прыгает на девушку, валит ее на пол и стоит над ней, упираясь одной лапой в ее грудь, на которой проступают крошечные капли крови. Она лежит на альматадемском мраморе, вызывая к хозяину полным ужаса взглядом. Но тот ее не замечает, он забавляется с одним из мальчишек-слуг. Еще несколько гостей удаляются в вомиторий. Пума пожирает девушку. Наконец в самый разгар пира вносят зеленую мраморную чашу. В нее вливают пахучую кипящую воду. Хозяин погружает туда руку, а негрityнка, подобно некоему ангелу смерти сидевшая подле его ложа на протяжении всего пира, выхватывает из-под набедренной повязки нож и с силой вонзает ему в запястье. Вода в зеленой чаше становится красной. Гости постепенно расходятся, и хозяин с величавой учтивостью, хотя и не покидая ложа, прощается с каждым поименно. Вскоре он остается один. Мальчишки-рабы ежатся в уголках, жмутся друг к другу голыми плечами. Обуреваемая диким желанием, негрityнка вдруг начинает целовать и глодать без-

¹⁹ СЛАВЬСЯ, БЕССМЕРТНАЯ ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА, ИДУЩИЙ НА СМЕРТЬ ПРИВЕТСТВУЕТ ТЕБЯ (парафраз выражения Ave Caesar, Imperator, morituri te salutant (Здравствуй [Славься], Цезарь, император, идущие на смерть приветствуют тебя) – приветствие римских гладиаторов (идущих на морское сражение, устроенное им на Фукинском озере), обращенное к императору <Клавдию>. (Светоний. «Божественный Клавдий», 21.)

²⁰ *Петроний Арбитр* (ок. 14–66) – автор древнеримского романа «Сатирикон», в котором, в частности, описывается пир Трималхиона; рассказ завершается мнимыми похоронами Трималхиона.

²¹ *Альма-Тадема Лоуренс* (1836–1912) – британский художник нидерландского происхождения, писал картины в основном на исторические сюжеты.

²² *Вомиторий* (от *лат.* vomere – исторгать, извергать, в том числе содержимое желудка). Существует расхожее мнение, что так называли пристройку к обеденному залу в древнеримском доме, где пирующие могли освободить желудок для очередного блюда; по другой версии, это проходы или коридоры между рядами в амфитеатрах, служившие для того, чтобы толпы зрителей могли быстро покинуть места зрелищ в случае пожара.

жизненную руку. Он вялым жестом приказывает ей удалиться. Догорающие мученики постепенно затухают, огромный зал погружается во тьму, изредка прорезаемую тускло мерцающими огоньками. Запах жареного уплывает на террасу и растворяется в ночном воздухе. Виден лишь силуэт пумы, вылизывающей лапы во мраке.

Адам раскуривает трубку и нервно постукивает по столешнице уголком конверта. Затем кладет пузырек в карман и отпирает дверь.

Потом вдруг разворачивается, подходит к книжным шкафам и просматривает их содержимое. Книжные шкафы Адама: довольно необычная библиотека для мужчины его возраста и состояния. Большинство книг представляют собой библиографическую редкость, многие старательно переплетены; также имеются старинные фолианты немалой ценности, их ему время от времени дарит отец.

Лучшие он сваливает в кучу на полу.

Книжная лавка мистера Макассора

В книжной лавке мистера Макассора присутствует что-то от личной библиотеки неметодичного ученого древних времен. Книги повсюду: на стенах, на полу, на предметах мебели, будто их ненадолго отложили из-за какой-то помехи и тут же об этом забыли. Первые издания и старинные иллюстрированные книги прячутся между сборниками проповедей и томами «Синих книг»²³ в ожидании страстного искателя приключений. Мистер Макассор заботливо маскирует свои сокровища.

В данный момент некий пожилой мужчина увлеченно роется в куче пыльных томов, а мистер Макассор склоняется над столом, углубившись в трактат по алхимии. Тут спина книгоискателя выпрямляется: его любопытство вознаграждено, и он выныривает на свет, прижав к груди потрепанный, но, несомненно, подлинный экземпляр первого издания «Гидриотафии»²⁴. Он спрашивает у мистера Макассора, сколько тот хочет за книгу. Мистер Макассор поправляет очки, стряхивает с жилета две крошки нюхательного табака и, подойдя с книгой к двери, рассматривает ее как в первый раз:

– О да, восхитительный труд. Да-да, чудесный стиль, – и любовно переворачивает страницы. – «Большие станции мертвых» – как благородно звучит! – Он бросает взгляд на обложку и протирает ее рукавом. – Надо же, я и забыл, что у меня есть этот экземпляр. Когда-то он принадлежал Хорасу Уолполу²⁵, только какой-то шельмец, будь он неладен, украл экслибрис! Единственный оксфордский, между прочим, – геральдический, знаете ли. Ну что ж, сэр, раз уж вы нашли это сокровище, то, полагаю, вы вправе на него претендовать. Пять гиней – и книга ваша! Но мне тяжело с нею расставаться.

Покупатель – человек взыскательный. Найди он ту же самую книгу по убогому описанию в каталоге, то не дал бы за нее и половины запрошенной цены, учитывая ее нынешнее состояние, но азарт охотника и гордость обладания трофеем в гораздо большей степени притупили его чувство ценности, нежели все легенды о Земляничном холме²⁶. С мистером Макассором не поторгуешься, как с каким-нибудь простым торговцем с улицы Черинг-Кросс-роуд²⁷. Покупа-

²³ «Синие книги» (англ. Blue Books) – собрания дипломатических документов, парламентских стенограмм, докладов королевских комиссий, статистических отчетов или иных материалов, издаваемые правительством и разными парламентскими комиссиями; появились в XVII веке (первое упоминание о них относится к 1633 году), выпускались в синих бархатных переплетах, чему и обязаны своим названием.

²⁴ «Гидриотафия» – имеется в виду книга британского врача, писателя, богослова сэра Томаса Брауна (1605–1682) «Hudriotaphia: погребение в урнах, или Рассуждение о погребальных урнах, недавно найденных в Норфолке, 1658», являющаяся первой частью так называемого парного трактата, вторая его часть – «Сад Кира».

²⁵ Уолпол Хорас (1717–1797) – английский писатель, основатель жанра готического романа.

²⁶ Земляничный холм – название поместья Хораса Уолпола, в котором развивается действие его романа «Замок Отранто».

²⁷ Улица Черинг-Кросс-роуд в центральной части Лондона известна множеством книжных магазинов, как специализиро-

тель платит и уходит победителем. Вот потому-то сын мистера Макассора и может позволить себе разводить цветы у себя в колледже Магдалины, а в сезон охотиться по два дня в неделю.

Выбравшись из груженного книгами такси, Адам входит в лавку. Мистер Макассор предлагает ему понюшку из черепаховой табакерки.

– ПЕЧАЛЬНОЕ ЭТО ДЕЛО, МИСТЕР ДУР, КОГДА ПРИХОДИТСЯ ПРОДАВАТЬ КНИГИ. ОЧЕНЬ ПЕЧАЛЬНОЕ. КАК СЕЙЧАС ПОМНЮ, ПРИНОСИТ МНЕ МИСТЕР СТИВЕНСОН КНИГИ НА ПРОДАЖУ, И, ВЫ НЕ ПОВЕРИТЕ, МИСТЕР ДУР, В САМЫЙ ПОСЛЕДНИЙ МОМЕНТ, КОГДА ДЕЛО БЫЛО СЛАЖЕНО, СЕРДЦЕ ЕГО НЕ ВЫДЕРЖАЛО, И ОН ЗАБРАЛ ВСЕ КНИГИ НАЗАД. ВЕЛИКИЙ КНИГОЛЮБ МИСТЕР СТИВЕНСОН.

Мистер Макассор поправляет очки и с нежностью, но, будто одержимый любовным недугом, вампирски впиваясь в каждый изъясн, осматривает книги Адама.

– НУ-С, МИСТЕР ДУР, И СКОЛЬКО ЖЕ ВЫ ЗА ЭТО ХОТИТЕ?

Адам идет ва-банк:

– СЕМНАДЦАТЬ ФУНТОВ.

Но мистер Макассор печально поводит головой.

Через пять минут Адам с десятью фунтами вылетает из лавки и садится в такси.

Паддингтонский вокзал

Адам в поезде на пути в Оксфорд; курит, глубоко засунув руки в карманы пальто.

– *О ней думает.*

Оксфорд

«УЗНАЛ ЛИ ТАЙНУ ТЫ ЕЕ О КНИГЕ, О ТРОЙНОЙ КОРОНЕ?»²⁸

На заставке Книга, Тройная Корона и Бык, переходящий реку вброд²⁹.

Общий вид Оксфорда из поезда: водохранилище, газовый завод и часть здания тюрьмы. Дождь.

Вокзал; два студента-индуса, потерявшие багаж. Устояв перед романтическими призывами нескольких симпатичных водителей кебов – одного даже в сером котелке, – Адам садится в фордовское такси. Вдали видны улицы Квин-стрит и Хай-стрит, Башня Карфакс и читальный зал Бодлианской библиотеки Камера Рэдклиффа.

– *Мотри, Ада, собор Святого Павла!*

Кинг-Эдвард-стрит. Кеб останавливается, Адам выходит.

Кинг-Эдвард-стрит. Комната лорда Бейсингстока

Убранство комнаты лорда Бейсингстока. На каминной полке – фотографии матери лорда Бейсингстока и двух его друзей, у всех те особенные безмятежно-глупые улыбки, что встречаются лишь у студентов выпускного курса Оксфорда, а после – только на фотографиях. Между фотографиями – несколько массивных стеклянных пресс-папье и пригласительных билетов.

На стенах – большие раскрашенные карикатуры Бэзила Хея, написанные им еще в Итоне, гравюра начала девятнадцатого века с изображением дома лорда Бейсингстока, два незакон-

ванных, так и букинистических и антикварных.

²⁸ Начальная строка стихотворения «Альма-матер» сэра Артура Томаса Квиллер-Куча (1863–1944), где упоминается эмблема Оксфорда, на которой изображены книга и три короны: «Know you her secret non can utter; hers of the book, of triple crown?»

²⁹ *Бычий (Воловий) брод* – так переводится название университета Оксфорд.

ченных наброска Эрнеста Вогана к «Изнасилованию сабинянок» и валяная войлочная картина с изображением двух собак и кошки.

Лорд Бейсингсток, против всех ожиданий, не пьет, не играет, не трясется над своими сапогами для верховой езды – он корпит над составлением коллекционных описей для своего наставника.

Лист бумаги, на котором приятным детским почерком лорда Бейсингстока написано:

«БРЭДЛАФ В. ГОССЕТТ. ПО ИТОГАМ ЭТОЙ ЗНАМЕНАТЕЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ БЫЛО УСТАНОВЛЕНО, ЧТО В АНГЛИИ МАРШАЛЬСКИЙ ЗАКОН НЕИЗВЕСТЕН».

Он зачеркивает «маршалский», вписывает «военный», после чего сидит и страдальчески грызет ручку.

– Как мило, Адам! Я и не знал, что ты будешь в Оксфорде.

Они недолго беседуют.

– РИЧАРД, ПОУЖИНАЙ СО МНОЙ СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ. ТЫ ДОЛЖЕН. У МЕНЯ ПРОЩАЛЬНАЯ ВЕЧЕРИНКА.

Ричард бросает печальный взгляд на свою коллекционную опись и отрицательно качает головой.

– Голубчик, никак не могу. К вечеру должен все закончить. Меня того и гляди отчислят.

Адам возвращается к такси.

Комната мистера Сейла в Мертоне³⁰

Цветы, эстампы Медичи и продукция издательства «Нонсач-пресс»³¹. Мистер Сейл крутит на граммофоне «Послеполуденный отдых фавна»³² для некой американской тетушки. Он не сможет поужинать с Адамом.

Комната мистера Генри Квеста в еще более мерзкой части Магдалины³³

Мебель, обеспечиваемая колледжем, не слишком изменилась, разве что прибавилось несколько чудовищных подушек. Присутствуют фотографии Имоджен, леди Розмари и сына мистера Макассора, выигравшего кубок колледжа Магдалины в скачках с препятствиями. Мистер Генри Квест – секретарь Джей-си-ар³⁴, он только что напоил чаем двух первокурсников. Из-за убогой камеры его лицо выглядит почти черным и фактически образует патристическую комбинацию с его буллингдонским галстуком³⁵, к тому же у него светлые усы.

Входит Адам и приглашает его поужинать. Генри Квест не одобряет друзей сестры; Адам не переносит брата Имоджен, но они всегда подчеркнуто вежливы друг с другом.

³⁰ *Мертон* – один из колледжей в составе Оксфордского университета, основан в 1264 году лордом-канцлером Генриха III Уолтером де Мертоном.

³¹ «*Нонсач-пресс*» – частное издательство, популярное в 1920–1930 годы; основано в 1922 году в Лондоне Френсисом Мейнеллом, его второй женой Верой Мендель и их другом Дэвидом Гарнеттом, совладельцем книжного магазина Биррелла и Гарнетта в Сохо.

³² «*Послеполуденный отдых фавна*» – одноактный балет на музыку симфонической поэмы Клода Дебюсси, хореографом и главным исполнителем был Вацлав Нижинский, декорации и костюмы Леона Бакста.

³³ *Магдалина* – имеется в виду колледж Святой Марии Магдалины в составе Оксфордского университета; основан в 1458 году Вильгельмом Уэйнфлетом.

³⁴ *Джей-си-ар* (J. C. R. – Journal Citation Reports) – издание, ежегодно публиковавшее отчеты о цитировании научных журналов; изначально являлось частью Индекса научного цитирования (S. C. I. – Science Citation Index). В настоящее время J. C. R. является самостоятельной услугой и базируется на цитатах, составленных из Science Citation Index Expanded и Social Science.

³⁵ У членов буллингдонского клуба своя униформа: синий фрак с бархатным воротничком, шелковыми лацканами цвета слоновой кости, пуговицами с монограммой клуба и галстук ярко-голубого цвета.

– ПРОСТИ, АДАМ, У НАС ТУТ СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ ВСТРЕЧА С ЧАТЕМОМ³⁶. ИНАЧЕ Я БЫ С ПРЕВЕЛИКИМ УДОВОЛЬСТВИЕМ. Оставайся, выкури сигарету, не хочешь? Ты не знаком с мистером Трейхерном и мистером Биккертон-Гиббсом?

Адаму нельзя задерживаться – его ждет такси.

Генри Квест извиняется перед господами Трейхерном и Биккертон-Гиббсом за вторжение Адама.

Комната мистера Эджертона-Вершойла в Пеквотере³⁷

Мистер Эджертон-Вершойл кутит с друзьями. Адам пихает его ногой, тот оборачивается и говорит заплетающимся языком:

– Там еще есть, в буфете... штопор за этой, как ее... ну, ты знаешь... – и умолкает, не в состоянии связать двух слов.

Комната мистера Фернесса на соседней лестнице

Там пусто и темно. Мистер Фернесс отчислен.

Комната мистера Суизина Ланга на Бомонт-стрит³⁸

Обстановка в бело-зеленых тонах. Акварели мистера Ланга с видами Уэмбли, Ментоны и Татча. Немного ценного фарфора и горы журналов. На каминной полке – цветной, украшенный орнаментом декантер с куантро и несколько бокалов с золотыми бусинками. Повсюду видны остатки чаепития, воздух тяжелый от сигаретного дыма.

Суизин, весь в сером, читает «Татлер»³⁹.

Входит Адам. Следует экспансивный обмен приветствиями.

– Адам, взгляни на эту фотографию Сибил Андерсон. Ухохочешься, правда?

Адам ее уже видел.

Некоторое время они сидят и разговаривают.

– Суизин, сегодня вечером ты должен пойти со мной поужинать... пожалуйста!

– Не могу, Адам. У Гэбриела вечеринка в Баллиоле⁴⁰. Ты там не будешь? Ах да, ну конечно, ты же с ним не знаком. Он там с прошлого семестра – такая душка! И баснословно богат в придачу. А перед вечеринкой я даю в «Короне»⁴¹ обед на несколько персон. Я бы предложил тебе присоединиться, но, если честно, не думаю, что мои гости тебе понравятся. Жаль. А как насчет завтра? Заходи завтра в «Тейм», там и отобедаем.

Адам отрицательно качает головой:

– Боюсь, меня тут уже не будет, – и уходит.

³⁶ Имеется в виду Чатем-Хаус (Chatham House), Королевский институт международных отношений; основан в 1920 году.

³⁷ *Пеквотер*, иначе Пеквотер-Квод (Четырехугольник Пеквотера, сокращенно Пек), – одно из общежитий Оксфордского университета, расположенное на месте средневековой гостиницы, которой управляла семья Пеквотер.

³⁸ *Бомонт-стрит* – улица в центре Оксфорда, в западной части которой находится Вустерский колледж, основанный в 1714 году.

³⁹ «Татлер» – британский журнал о моде и светской жизни, основан в 1901 году.

⁴⁰ *Баллиол* – колледж в составе Оксфордского университета, основан в 1263 году с благословения епископа Даремского Джона де Баллиола.

⁴¹ «Корона» – ресторан в Оксфорде неподалеку от колледжа Баллиол.

Часом позже

Адам, все так же в одиночестве, шагает по Хай-стрит в сторону центра. Дождь перестал, и мокрая дорога вся сияет от света фонарей. Рука Адама ощупывает в кармане пузырек с ядом.

И опять возникает видение африканской деревни с причитающими женами.

ЧАСЫ ЦЕРКВИ СВЯТОЙ ДЕВЫ МАРИИ БЬЮТ СЕМЬ ВЕЧЕРА.

Адам внезапно ускоряет шаг: у него возникла кое-какая идея.

Комната мистера Эрнеста Вогана

Его окно выходит на четырехугольный двор одного из наиболее уродских и наименее популярных колледжей на полпути от уборных до часовни. Жалюзи наполовину вылезли наружу, так что днем в комнате Эрнеста царит сумрак преисподней, а по ночам свет его лампы заливают весь двор, обнажая нутро непревзойденного беспутства. Суизин однажды заметил, что жилище Эрнеста, как и сам Эрнест, являет собой облачный столп днем и огненный – ночью⁴². На стенах ни одной картины, не считая незаконченного наброска сэра Вельзевула, требующего себе рому; но и этот набросок, припиленный туда еще до начала прошлого семестра, пообвис на углах; забрызганный вином и подпираемый несчетным количеством плеч, он стал покрываться почти такой же «патиной», что и стены. Надписи и рисунки Эрнеста, от почти вдохновенных карикатур до пустых или непристойных каракулей, свидетельствуют о разных стадиях его опьянения.

«Какой такой Бах? Впервые слышу. Э. В.», – бежит через дверь спальни полоска нестройных буковок, начертанных красным мелком.

«UT EXULTAT IN COITU ELEPHAS, SIC RICARDUS»⁴³, – венчает мастерски выполненный портрет кроткого Ричарда Бейсингстока.

Над камином просматривается крупная композиция «Рождение королевы Виктории». На столе – разбитые бутылки, грязные стаканы и гранки с невнесенной корректурой; на углу каминной полки – изящный декантер, в котором разбитый стоппер заменен обычной пробкой. Эрнест сидит в хромом плетеном кресле и с неожиданной ловкостью прикрепляет перья к дротикам для дартса. Молодой коренастый крепыш с маленькими злыми глазками под красивым высоким лбом. Его когда-то добротный твидовый костюм заляпан вином и краской, но все же хранит черты несомненной исключительности. Студентки-выпускницы довольно часто влюбляются в него в тех редких случаях, когда он приходит на лекции.

– *Большевик!*

Допустимая ошибка, но – ошибка. До исключения за просроченную уплату членских взносов Эрнест был заметной фигурой среди членов джентльменского Консервного клуба⁴⁴.

Адам входит в ворота колледжа Эрнеста, возле которых толкуются двое-трое юнцов, с отсутствующим видом разглядывая доску объявлений. Когда Адам проходит мимо них, они оборачиваются, бросая на него хмурые взгляды.

– Очередной дружок Вогана.

Теми же взглядами они провожают его через весь двор, до общежития Эрнеста.

⁴² В библейском ветхозаветном повествовании форма дневного явления Бога или Его Ангела при исходе евреев из Египта, а в ночное время – в виде огненного столпа. Исх. 14: 19, Исх. 13: 21, 22, Исх. 33: 8–10, Исх. 4: 5.

⁴³ «Так возмущается же слон половому акту, как Рикардо» – аллюзия на расхожее латинское выражение «Post coitum omne animal triste est sive gallus et mulier» («После соития всякая тварь печальна – кроме петуха и женщины»); выражение приписывается Галену из Пергама, также встречается у Кинси и Фрейда.

⁴⁴ Вероятно, имеется в виду джентльменский Консервный клуб, иначе Каннинг (*англ.* Canning Club), образован в 1911 году в Лондоне, был связан с британским бизнесом в Латинской Америке, что отражалось в его первоначальном названии – Аргентинский.

Эрнест несколько удивлен визитом Адама, который в действительности никогда не проявлял к нему особо теплых чувств. Тем не менее он наливает гостю виски.

Полчаса спустя

Снова полил дождь. В колледже Эрнеста вот-вот подадут ужин, так что крытая галерея битком набита молодыми людьми в потрепанных мантиях, все тупо пялятся на доски объявлений. Тут и там один-другой кричаще яркий костюм с *plus fours*⁴⁵ возвещает о щедрости стипендиального фонда Родса⁴⁶. Адам и Эрнест продираются сквозь толпу мужчин, неодобрительно шипящих им вслед, как крестьяне – вслед какому-нибудь проходящему черному магу.

– НЕ СТОИТ ТАЩИТЬ МЕНЯ НИ В КАКОЙ КЛУБ, ДУР, – БЕЗ ТОЛКУ, Я ДАВНО У НИХ У ВСЕХ В ЧЕРНЫХ СПИСКАХ.

– *Чего только не бывает – и это в Оксфорде!*

Час спустя. В «Короне»

Адам и Эрнест еще только завершают ужин, но оба обнаруживают признаки интоксикации.

Обеденный зал в «Короне» имеет мало сходства с эпикурейской мечтой Адама. От стен, претенциозно расписанных видами Оксфорда, гулко отдается грохот грязной посуды. Званный обед Суизина только что закончился, гости разошлись, оставив помещение неизмеримо более тихим. Те три женщины, что до последнего момента разыгрывали в уголке подборку из Гилберта и Салливана⁴⁷, закончили работу и сели поужинать. Какой-то студент-выпускник, очень широким жестом подписавший счет, полемизирует с управляющим. За соседним с Адамом столиком расположились трое молодых людей с намотанными на шею мантиями и заказали кофе и булочки со сливками; в ожидании они обсуждают профсоюзные выборы.

Адам заказывает очередную порцию двойного виски.

Эрнест настаивает на том, чтобы послать бутылку джина компании за соседним столом. Те отвергают ее с явным отвращением и вскоре поднимаются и уходят.

Адам заказывает еще одну порцию двойного виски.

Эрнест начинает набрасывать на скатерти портрет Адама.

Он дает ему название «*Le vin triste*»⁴⁸, и по мере продолжения ужина Адам и в самом деле становится все грустнее и грустнее, тогда как гость его еще больше развеселился. Он, как заведенный, выпивает и заказывает, выпивает и заказывает.

В конце концов они, изрядно шатаясь, поднимаются на выход.

С этого момента фильм превращается в последовательность обрывочных сцен, разбросанных среди сотен футов абракадабры.

– *Опять все как-то странно, Ада. Считаешь, так и задумано?*

Публичный дом в трущобах. Адам прислоняется к небольшому диванчику и оплачивает бессчетное количество пинт пива для толпищ оборванцев. Эрнест поглощен жаркой перепалкой о контроле рождаемости с нищим, которого он только что обыграл в дарте.

⁴⁵ Бриджи (фр.).

⁴⁶ Фонд Родса (Rhodes Trust) – образовательно-благотворительный фонд, учрежденный в 1902 году по завещанию алмазного магната Сесиля Джона Родса (1853–1902) для обучения в Оксфорде студентов из Британской империи, США и Германии, а в дальнейшем и из других стран.

⁴⁷ Уильям Гилберт (1836–1911) и Артур Салливан (1842–1900) – творческий дуэт либреттиста и композитора, создавших 14 комических опер (оперетт) с элементами абсурда.

⁴⁸ «Грустное вино» (фр.).

Еще один публичный дом: Эрнест, осаждаемый двумя сводниками, яростно сопротивляется, отговариваясь тем, что у него нестандартные вкусы.

Адам обнаруживает в кармане бутылку джина и пытается подарить ее какому-то мужчине, вмешивается его жена, в итоге бутылка падает на пол и разбивается.

Адам и Эрнест в такси; они ездят от колледжа к колледжу, но их никуда не пускают. Затемнение.

ВЕЧЕРИНКА ГЭБРИЕЛА в Баллиоле пользуется грандиозным успехом. Приличное общество, люди в основном непьющие. Есть шампанское, декантеры с виски и бренди, но большинство гостей Гэбриела предпочитают танцы. Другие сидят поодаль и разговаривают. Квартира большая, хорошо обставленная, создается впечатление живописности и удобства. Есть гости в маскарадных костюмах: одна королева Виктория, одна сапфистка⁴⁹ и два генерала Гордона⁵⁰. Актер мюзкомедии, который остается у Гэбриела на уик-энд, стоит возле граммофона и перебирает пластинки; приглашенный в качестве почетного гостя, он умирает от скуки.

Генри Квест сбежал со встречи с институтом Чатема и теперь, попивая виски и посматривая на всех неодобрительным взглядом, пересказывает новости о последних дипломатических назначениях. Лорд Бейсингсток поддерживает с ним разговор, так как его мысли все еще заняты Конституцией Австралийского Содружества. Суизин распускает хвост перед почетным гостем, стараясь вызвать его восхищение. Мистер Эджертон-Вершойл сидит совсем бледный, жалуясь на озноб.

Входит мистер Сейл из колледжа Мертон.

– ГЭБРИЕЛ, ТЫ ТОЛЬКО ПОСМОТРИ, КОГО Я ОБНАРУЖИЛ ВО ДВОРЕ! МОЖНО Я ПРИВЕДУ ЕГО К НАМ?

Он втаскивает Адама в комнату, тот стоит с разбитой бутылкой джина в руке, тупо озираясь вокруг.

Кто-то наливает ему бокал шампанского.

Вечеринка продолжается.

За окном чей-то голос ревет: «АДАМ!» – и в дверь вдруг врывается вдребезги пьяный Эрнест. Волосы взъерошены, взгляд остекленелый, лицо и шея багровые и сальные. Он бухается в кресло и впадает в ступор; кто-то дает ему выпить, он машинально берет бокал и проливает вино на ковер, продолжая смотреть прямо перед собой.

– АДАМ, ЭТО ЧТО, ТВОЙ ДРУГ? НЕВОЗМОЖНЫЙ ТИП, УВЕДИ ЕГО, А ТО ГЭБРИЕЛ ДИКО РАЗОЗЛИТСЯ.

– ЭТО ЧУДЕСНЕЙШИЙ ЧЕЛОВЕК, ГЕНРИ. ПРОСТО ТЫ ЕГО НЕ ЗНАЕШЬ. ПОЙДЕМ ПОГОВОРИМ С НИМ.

И Генри, к его вящему отвращению, ведут через зал и представляют Эрнесту. Сначала Эрнест вроде бы ничего не слышит, но потом медленно поднимает взгляд, пока тот не упирается в Генри; еще одно усилие – и он начинает соображать, чего от него хотят.

– КВЕСТ? КАКОЙ-ТО РОДИЧ БАБЫ АДАМА?

Назревает скандал. Его-то и не хватало для пушей унылости этого вечера – написано на лице актера мюзкомедии. Генри весь презрение и негодование.

– ИМОДЖЕН КВЕСТ – МОЯ СЕСТРА, ЕСЛИ ВЫ ЭТО ИМЕЕТЕ В ВИДУ. КТО ВЫ ТАКОЙ, ЧЕРТ ПОДЕРИ, И НА ЧТО НАМЕКАЕТЕ, ГОВОРЯ О НЕЙ В ТАКОМ ТОНЕ?

Гэбриел бестолково мечется на заднем плане.

– Уймись, Генри, ты что, не видишь, что этот обормот вдрызг пьян? – примирительно вступает Ричард Бейсингсток.

⁴⁹ Последовательница Сафо (Сапфо), лесбиянка.

⁵⁰ *Генерал Гордон* – имеется в виду Патрик Леопольд Гордон Охлурицкий (1635–1699, в России известен как Петр (Патрик) Иванович Гордон), выдающийся шотландский и российский военачальник, генерал (1687) и контр-адмирал (1694) русской службы; основал в Москве первый в России постоянный католический храм.

Суизин просит Адама увести Эрнеста. Все крайне взбудоражены.
Но Эрнест по-своему избавляет всех от лишних треволнений:
– ЗНАЕТЕ, МЕНЯ, КАЖЕТСЯ, СЕЙЧАС СТОШНИТ.

И беспрепятственно, с безупречным достоинством проделывает путь во двор. Из граммофона льется «Всем по нраву моя крошка». Затемнение.

Либеральная ассоциация Оксфорд-сити. Танцы в ратуше

Билеты продают при входе, цена – полтора шиллинга.

На верхнем этаже стол с кувшином лимонада и тарелками со сливовым пирогом. В главном зале играет оркестр, под который танцуют молодые либералы. Одна из официанток «Короны» сидит возле двери, обмахиваясь носовым платком.

Эрнест с сияющей улыбкой медленно обходит помещение, предлагая сидящим поодаль парочкам сливовый пирог. Одни хихикают и берут, другие хихикают и отказываются, третьи отказываются, состроив мину чрезвычайного высокомерия.

Адам прислоняется к дверному косяку и наблюдает за Эрнестом.

Крупный план: на лице Адама все то же выражение беспросветного страдания, которое было у него в такси прошлой ночью.

Le vin triste

Эрнест пригласил на танец официантку из «Короны». Неосмотрительно с его стороны: все еще пребывая в приподнятом настроении, он сталкивается с несколькими парами, теряет устойчивость, оступается и давно бы повалился на пол, если бы не партнерша. Церемониймейстер в вечернем костюме просит Адама увести Эрнеста.

Широкая каменная лестница.

Возле ратуши припарковано несколько машин. Эрнест забирается в первую попавшуюся – дряхлый «форд» – и включает зажигание. Адам пытается его остановить. Подбегает полисмен. Колеса вывернуты, рывок – и автомобиль снимается с места.

Полисмен свистит в свисток.

На полпути до конца улицы Сент-Олдейтс автомобиль натывается на поребрик и, вылетев на тротуар, врывается в витрину магазина. Со всех сторон стекаются обитатели Сент-Олдейтс; в каждом окне маячат силуэты любопытствующих; прибывают полицейские. Толпа отступает, давая дорогу тем, кто выносит что-то непонятное.

Адам отворачивается и бесцельно бредет в сторону Карфакса.

Часы церкви Святой Девы Марии бьют полночь.

Снова пошел дождь.

Адам один.

Спустя полчаса. Спальня в отеле

Адам в полной амуниции лежит ничком поперек постели. Переворачивается и садится. И снова видение туземной деревни: дикарь дотащился до самого края джунглей. Спина его лоснится на вечернем солнце. Из последних сил он поднимается на ноги, быстрым нетвердым шагом доходит до первых кустов и вскоре пропадает из виду.

Адам приводит себя в устойчивое положение возле изножья кровати, подходит к туалетному столику и, наклонясь над ним, долго разглядывает свое отражение в зеркале.

Затем подходит к окну и всматривается в дождь.

Наконец достает из кармана синий пузырек, откупоривает его, нюхает и без дальнейших колебаний выпивает содержимое. Кривится от горечи и на мгновение замирает в нерешительности. Затем, повинуясь какому-то странному инстинкту, выключает свет и, свернувшись калачиком, закутывается в покрывало.

Дикарь неподвижно лежит у подножия низкого баньяна⁵¹. На плечо его садится большая муха; на ветке над ним расположились два стервятника, выжидают. Тропическое солнце движется к закату, и в краткие минуты сумерек животные начинают рыскать в поисках утоления непристойных прихотей плоти. Вскоре становится совсем темно.

В ночи вспыхивает фотография его величества короля в морской форме.

Боже, храни короля

Кинотеатр быстро пустеет.

Молодой человек из Кембриджа отправляется в ресторан «Оденино» пропустить кружку «Пильзенского».

Ада и Глэдис проходят сквозь ливрейный строй обслуживающего персонала.

Глэдис, наверное, раз в пятидесятый за вечер произносит свою коронную фразу: «Ладно, бу'ем считать, что он легкий».

– *От бы она больше не приходила!*

Снаружи толпа народу, все хотят ехать в Эрлс-Корт. Ада и Глэдис мужественно сражаются за возможность пробиться в автобус и в итоге обеспечивают себе места на втором этаже.

– *Ты! Куда прешь? Мотреть надо!*

Добравшись до дому, они, разумеется, выпьют перед сном какао, а может, съедят и по кусочку хлеба с баночным селедочным паштетом. В целом вечер был не ахти, сплошное разочарование. Но в кино, как говорит Ада, приходится принимать и добро, и зло.

Глядишь, на следующей неделе покажут что-нибудь повеселее.

С Ларри Семоном⁵², к примеру, или Бастером Китом – ну, вдруг?

Заключение

I

Чай остывал на тумбочке для ночного горшка. Адам Дур лежал, уставившись в пустоту.

Вчерашнего дождя как не бывало, и маленькую спальню заливало солнце, озаряя ее приветливыми, но не приветствуемыми лучами. С площадки под окном доносилось назойливое тарахтение автозапуска, безуспешно пытавшегося реанимировать холодный двигатель. В остальном все было спокойно.

Он мыслил – следовательно, существовал⁵³.

Из гнетущего множества настигших его болезней и груза беспорядочных воспоминаний одно лишь это суждение навязывало себя с опустошительным упорством. Каждый из проступающих образов выдвигал очередное доказательство его существования; в полной амуниции, он всем телом вытянулся под покрывалом и с непостижимым отчаянием уставился в потолок,

⁵¹ Баньян, или бенгальский фикус, – дерево семейства тутовых с многочисленными воздушными корнями, произрастает в Индии, Бангладеш и Шри-Ланке. В переводе означает «дерево просветления», бодхи; используется в буддийском религиозном культе.

⁵² Ларри Седон (1889–1928) – американский комедийный актер, режиссер, продюсер, сценарист в эпоху немого кино.

⁵³ Парафраз афоризма Декарта «Je pense, donc je suis» («Рассуждение о методе», 1637), больше известный в переводе на латынь: «Cogito, ergo sum» – «Мыслю, следовательно, существую».

тогда как его воспоминания о предыдущем вечере – об Эрнесте Вогане с раздувшейся шеей и немигающим взглядом, о трущобном баре и алчных физиономиях парочки тамошних сводников, о ханжески покрасневшем Генри, о продавщицах в шелковых блузках, угощавшихся сливовым пирогом, о помятом «форде» в разбитой витрине – боролись за приоритет в его пробуждающемся сознании, пока не расположились в довольно стройном хронологическом порядке, хотя последним неизменно оставался синий пузырек – плюс ощущение грубо сорванного финального акта. В данный момент пузырек стоял на туалетном столике, пустой, лишенный того, что давало полномочия отсрочить исполнение смертного приговора, чай же остывал на тумбочке для ночного горшка.

После всех хаотичных впечатлений, которые так болезненно и неуклюже старался упорядочить Адам, на удивление четко проступили последние минуты перед тем, как он выключил свет. Он видел безутешное белое лицо, смотревшее на него из зеркала; он ощущал горько-соленый вкус яда на спинке языка. А потом, когда призрак этого вкуса начал главенствовать в поле его сознания, внезапно, будто прорвав некий заградительный барьер, нахлынуло еще одно воспоминание, смывая мощной волной все прочие. Он вспомнил, словно в каком-то кошмаре, отдаленно и в то же время бесконечно ясно, как просыпается во тьме, ощущая в сердце холод смерти; он встал с постели, доковылял до окна и высунулся наружу, подставив лицо прохладным флюидам ночного воздуха и слушая, как ровная монотонность дождя забивает барабанную дробь крови, пульсирующей у него в голове. Мало-помалу, пока он, сам не зная, как долго, стоял там не шелохнувшись, к горлу подкатила тошнота; он отогнал ее усилием воли, но она вернулась вновь; опьяненный разум ослабил сопротивление: Адам, напрочь забыв о цели и отбросив сдержанность, всем существом отдался порыву, и его вытошнило прямо во двор под окном.

Чай медленно и неощутимо остывал на тумбочке для ночного горшка.

II

В незапамятные времена извечного детства Адама утомленный игрой с ним Озимандия⁵⁴ запрыгнул на шкаф для игрушек. Это была странная игра и для него самого, и для Озимандии, игра в охоту, которую Адам сам придумал и в которую играл лишь в тех редких случаях, когда оставался один. Сначала Озимандию надо было искать по всем комнатам, переходя из одной в другую, а найдя – отнести в детскую и запереть. Адам наблюдал за ним несколько минут, пока тот расхаживал по полу и обследовал комнату кончиком хвоста, всем своим видом выражая безмерное отвращение к европейской цивилизации. Затем, вооружившись ружьем, мечом, ракеткой или горстью метательных кубиков и испуская садистские вопли, Адам круг за кругом гонялся за Озимандией по комнате, выдворяя его из одного укрытия за другим, пока тот, ошалев от ярости и страха, не приседал по-звериному, прижав уши к голове и ошетилившись, как дикобраз. Тут Адам обычно успокаивался, а после небольшой передышки игра превращалась в настоящую профессиональную охоту. Озимандию предстояло заново покорить ради любви и собственного удовлетворения. Адам то садился на пол невдалеке от него и с подкупающей нежностью начинал его подманивать. То ложился на живот, приблизив лицо к Озимандии, насколько тот позволит, и шепотом расточал щедрые похвалы его красоте и грации, по-матерински успокаивал, бранил некоего вымышленного мучителя, уверяя, что тот уже никогда не сможет причинить ему боль: Адам его защитит, Адам проследит, чтобы тот гадкий мальчишка

⁵⁴ *Озимандия* – греческая версия тронного имени фараона Рамсеса II – Усермаатра, чья статуя в виде фрагмента головы и торса (XIII век до н. э.) была в 1816 году приобретена Британским музеем. В английский литературный обиход Озимандия вошел благодаря одноименному сонету Перси Биши Шелли, опубликованному 11 января 1818 года в еженедельной газете «Экзаминер». «Я Озимандия, я царь царей!» Основная тема сонета Шелли – забвение, которое грозит всем историческим событиям и личностям, даже царям царей.

больше близко к нему не подошел. Постепенно ушки Озимандии начинали клониться вперед, глазки закрывались, и ритуал подолыщения неизменно заканчивался ласками жаркого примирения.

Но в тот памятный вечер Озимандия играть не захотел и, как только Адам внес его в детскую, расположился в недоступном святилище – на высоком шкафу для игрушек. Он сидел в пыли среди сломанных паровозиков, домиков и лошадок, а мальчик, не отступая от своей цели, все звал и звал его, с печальным видом сидя на полу. Но Адама не так-то легко было сломить в его семь лет, и вскоре он начал двигать к шкафу детский столик. Придвинув столик, он водрузил на него солдатский сундук, а на сундук поставил стул. Места было мало, Адам крутил стул и так и сяк, но все четыре ножки на сундуке не помещались, тогда, удовлетворившись неустойчивым равновесием, он взгромоздился на него, балансируя на трех. Когда его руки находились в какой-то паре дюймов от мягкой шерстки Озимандии, он, опрометчиво ступив на безопорную часть стула, сверзился вместе с ним сначала на стол, а со стола – с грохотом и криком на пол.

Адам был слишком хорошо воспитан, чтобы жить воспоминаниями о своем дошкольном детстве, но этот инцидент засел в его памяти и с годами всплывал все яснее и ярче, будучи первым случаем осознания боли как субъективной реальности. До этого жизнь его была так надежно ограничена предупреждениями об опасности, что на тот момент казалось невыносимым, чтобы он смог так легко прорваться в сферу допустимости телесного повреждения. Это и в самом деле казалось настолько несовместимым со всем предшествующим опытом, что потребовался весьма ощутимый период времени, чтобы Адам смог убедиться в непрерывности своего существования; но благодаря богатству гебраических и средневековых образов, в которых символически отображалась жизнь вне тела, он в тот момент мог с легкостью поверить в свое собственное физическое угасание и в нереальность всех окружающих его физических объектов. Позднее он научился воспринимать эти периоды между своим падением и пугающим пришествием помощи снизу как первые порывы к борьбе за обособление, в которой он потерпел поражение, что не без почти безумного усилия окончательно признал в спальне оксфордского отеля.

Первая фаза обособления прошла, и наступила фаза методичного исследования. Почти одновременно с принятием своего непрерывного существования пришло понимание боли – поначалу смутное, как исполняемая кем-то мелодия, которую его органы чувств воспринимали приступообразно, – но постепенно оформлявшееся вокруг него в виде осязаемых, реально приобретенных предметов, пока наконец не возникло как конкретная вещь, внешняя, но внутренне с ним связанная.

Подобно тому как сгоняют ложкой шарики ртути, Адам гонял боль по стенам своего сознания, пока наконец не загнал в тот угол, где мог исследовать ее на досуге. Продолжая неподвижно лежать с момента падения, обхватив руками и ногами деревянные ножки стула, Адам сумел сосредоточить внимание на каждой части своего тела по очереди, исключить хаотичные ощущения, вызванные падением, и отследить по вибрирующим каналам некоторые компоненты болевых импульсов до их источников в местах физических повреждений. Процесс был почти завершен, когда появление няни позволило мальчику залиться слезами и разорвало все его запутанные логические цепочки.

И вот в каком-то таком расположении духа Адам примерно час спустя после пробуждения шагал по бечевнику⁵⁵ прочь из Оксфорда. Он был в той же одежде, в которой заснул, но в состоянии интеллектуальной взъерошенности его мало волновало, как он выглядит. Все витавшие вокруг него призраки начинали рассеиваться, уступая место более четким образам. Он

⁵⁵ Бечевник – сухопутная дорога вдоль берега реки или канала, предназначенная для буксирования людьми (бурлаками) или лошадьми.

позавтракал в мире фантомов, в огромном зале, полном недоумевающих глаз, гротескно выпирающих из монструозных голов, нависших над дымящейся овсянкой; марионеточные официанты совершали вокруг него пируэты неуклюжими жестами. Вся эта макабрическая пляска призраков кружилась и мельтешила вокруг него, и, лавируя между ними внутри и снаружи, Адам набрел на свой путь, осознавая одну лишь насущную потребность, просочившуюся к нему из внешнего мира, – срочно сбежать со сцены, на которой разыгрывалась бестелесная арлекинада, в третье измерение за ее пределами.

И за то время, что он шел вдоль реки, очертания рисунка то проступали, то снова исчезали, а призраки минувшей ночи то разлетались, то сбивались в кучу, то выстраивались в перспективу, и Адам точно так же, как ребенком в детской, начал чувствовать свои синяки.

Где-то среди красных крыш за рекой вразнобой звонили колокола.

Двое мужчин сидели на берегу и удили рыбу. Они с любопытством глянули на него и вновь сосредоточили внимание на своей пустой забаве.

Мимо прошествовала маленькая девчушка, в фрейдрианском экстазе посасывая большой палец.

Через некоторое время Адам сошел с тропинки, улегся под насыпью и милостью Божьей заснул.

III

Сон не был ни долгим, ни непрерывным, но после него Адам ощутил прилив сил и, немного переждав, снова пустился в путь.

На белом пешеходном мостике он притормозил и, разжигая трубку, посмотрел вниз, на свое преломленное рябью отражение. По нему со спенсерианской⁵⁶ грацией величаво проплыл большой лебедь, а когда расплескавшиеся фрагменты отражения Адама стали вновь собираться в единый образ, казавшийся особенно гротескным на фоне безукоризненного совершенства птицы, он, сам того не замечая, заговорил вслух:

– Ну вот, в итоге ты опять стоишь на пороге новой жизни.

С этими словами он достал из кармана конверт, адресованный Имоджен, и разорвал его на мелкие кусочки. Будто стая раненых птиц, они кувыркались и планировали в воздухе, пока, достигнув поверхности воды, не были захвачены течением и не скрылись из виду за поворотом реки, унесенные в сторону города, только что покинутого Адамом.

Отражение отвечало:

«Да, пожалуй, это было недурно. В конце концов, *imperatrix*⁵⁷ ведь не самый удачный эпитет для Имоджен – и, кстати, ты уверен, что она понимает латынь? А ну как ей взбрело бы в голову попросить Генри перевести это для нее?

Но ответь, не значит ли этот живописный жест, что ты решил жить дальше? Вчера ты вроде был так бесповоротно настроен на моментальную смерть – даже поверить трудно, что ты способен передумать».

АДАМ: Мне трудно поверить, что это я вчера был так бесповоротно настроен. Я не в состоянии это объяснить, но у меня такое впечатление, будто существо, которое выживает – и, должен признать, с величайшей ясностью в памяти, – родилось во сне, пило и умерло во сне.

ОТРАЖЕНИЕ: Любило тоже во сне?

⁵⁶ Герберт Спенсер (1820–1903) – английский философ и социолог, один из основателей эволюционизма, идеолог либерализма. По Спенсеру, жизнь есть непрерывный процесс перехода от гомогенного состояния к гетерогенному и от гетерогенного к гомогенному.

⁵⁷ Императрица (лат.).

АДАМ: А вот тут ты меня ушучил, ибо, как мне кажется, одна лишь его любовь имеет что-то общее с реальностью. Но, возможно, я просто пасую перед насыщенностью и глубиной памяти. Да, пожалуй, так и есть. Потому что остатки того существа не более материальны, чем ты – отражение, распавшееся из-за проплывшей мимо птицы.

ОТРАЖЕНИЕ: Это печальное заключение, так как я боюсь, что ты пытаешься отбросить – как тень – существо, столь же реальное во всех отношениях, как ты сам. Но в твоём нынешнем настроении было бы бесполезно тебя убеждать. Скажи лучше, что за тайну ты узнал, заснув там, в траве?

АДАМ: Да не узнал я никакой тайны – просто чуть-чуть восстановил силы.

ОТРАЖЕНИЕ: Разве так просто расшатать равновесие между жизнью и смертью?

АДАМ: Это равновесие между инстинктивной потребностью и причиной. Причина остаётся постоянной, потребности – меняются.

ОТРАЖЕНИЕ: То есть потребности в смерти не существуют?

АДАМ: Той, которую нельзя было бы утолить сном, переменной или банально переживая время, – нет.

ОТРАЖЕНИЕ: А в другом масштабе нет причины?

АДАМ: Нет. Ни в каком.

ОТРАЖЕНИЕ: Ни честь быть замеченным друзьями? Ни та степень взаимопроникновения, когда невозможно уйти из жизни, не прихватив с собой того, что является частью другого?

АДАМ: Нет.

ОТРАЖЕНИЕ: А твоё искусство?

АДАМ: Все та же потребность в жизни – сохранить в очертаниях вещей личность, распад которой ты неизбежно предвидишь.

ОТРАЖЕНИЕ: Значит, в этом и состоит равновесие – и в конечном счёте все решает обстоятельство.

АДАМ: Да, в конечном счёте – обстоятельство.

Продолжение

Все они на один день приехали в Татч, вдевятёром: трое – в «моррисе» Генри Квеста, остальные – в огромной старой колыхаге, принадлежащей Ричарду Бейсингстоку. Миссис Хей ждала только Генри Квеста и Суизина, однако она милостиво взмахнула пухлой ручкой – и слуги занялись поисками съестного для остальных. Так приятно жить недалеко от Оксфорда, да и друзья Бэзила явно очарованы этим городком, пусть даже иногда ведут себя странновато. Все они так тараторят, что ей трудно бывает уследить за ходом разговора, к тому же они никогда не заканчивают фразы, впрочем, это и не важно, потому что они вечно говорят о людях, которых она не знает. Милые мальчики, на самом деле они вовсе не такие грубые, какими кажутся, – они так хорошо воспитаны, и так приятно видеть, что они чувствуют себя здесь совсем как дома. О ком это они?

– Нет, Имоджен, он и правда становится совершенно невыносимым.

– Тебе не передать, на кого он был похож позавчера вечером.

– В тот самый день, когда ты сюда приехала.

– Гэбриел устраивал званый вечер.

– А он с Гэбриелом не знаком и приглашен не был.

– Очень он нужен Гэбриелу! Правда, Гэбриел?

– Потому что никогда не знаешь, что он может отмочить.

– Еще и притащил с собой это чудовище.

– К тому же в стельку пьяного!

– Это Эрнест Воган, ты вряд ли с ним знакома. Мерзейший тип! Гэбриел был с ним безупречно любезен.

Прелестные мальчишки, так молоды, так нетерпимы.

И все же, если им так хочется курить между переменами блюд, могли бы и поаккуратнее с пеплом. Тот смугленький мальчик напротив (Бэзил вечно забывал представить ей своих друзей) того и гляди сожжет стол.

– Эдвард, подай тому джентльмену рядом с лордом Бейсингстоком еще одну пепельницу.

О чем же они говорили?

– Знаешь, Генри, я думаю, это было довольно глупо с твоей стороны. Какое мне дело до того, что обо мне говорит какой-то пьяный забулдыга?

Какой милой девочкой была Имоджен Квест! Не чета ее отцу, гораздо проще. Миссис Хей всегда побаивалась отца Имоджен. И начала подозревать, что и Генри в него пошел. До чего же она обворожительна сейчас. И почему, интересно, все мальчишки не влюблены в нее? То ли дело миссис Хей в молодости – все были от нее без ума. Что-то ни один из друзей Бэзила не отличается «матримониальными наклонностями». Вот бы Бэзил женился на ком-нибудь вроде Имоджен Квест...

– Хотя знаете, мне кажется, я все-таки знакома с Эрнестом Воганом. Или, по крайней мере, кто-то мне однажды его показывал. Не ты ли, Суизин?

– Да, я. Ты еще сказала, что, на твой взгляд, он весьма привлекателен.

– Имоджен!

– Боже правый!

– Но я и правда так думаю. Это не тот грязный коротышка с огромной шевелюрой?

– Вечно вдрызг.

– Да, я помню. По-моему, он совершенно очарователен. Я хочу познакомиться с ним подобающим образом.

– Окстись, Имоджен! Он и правда ужасен, даже чересчур.

– Не его ли это картины в квартире у Ричарда? Ричард, пригласишь меня как-нибудь, чтобы нас с ним познакомить?

– Нет, Имоджен, я точно не смогу.

– Тогда пусть кто-нибудь другой... Давай ты, Гэбриел, ну пожалуйста! Я настоятельно требую нас познакомить.

Милые детки, такие юные, такие шикарные.

– Нет, по-моему, это полное свинство с вашей стороны. Но я все равно с ним увижусь. Попрошу Адама, он все устроит.

Стол был прожжен.

– Я думаю, Эдвард, погода вполне подходящая для того, чтобы выпить кофе на свежем воздухе.

Благородное семейство

I

В Ванбург я прибыл без пяти час. Дождь к этому времени разошелся, и на мрачном станционном дворе было пусто, не считая бесхозного, с виду насквозь продуваемого такси. Нет бы выслать за мной машину.

Далеко ли до Стейла? Около трех миль, ответил билетный контролер. В какой части Стейла меня могут ждать? У герцога? Тогда это через всю деревню и еще с добрую милю в сторону.

И в самом деле могли бы выслать машину.

Без особого труда я нашел водителя такси, угрюмого цинготного молодого человека, который вполне мог сойти за отпетого забияку из какой-нибудь давно забытой школьной истории. До некоторой степени утешала мысль, что он промокнет больше, чем я. Гнал парень зверски.

Миновав перекресток в Стейле, мы, по всей видимости, уткнулись в нечто похожее на ограду парка: бесконечная полуразрушенная стена тянулась мимо закутков и излучин с голыми деревьями, с которых на прокопченную каменную кладку стекала вода. Наконец в стене обнаружился проем со сторожками и воротами – четырьмя воротами и тремя сторожками, а сквозь чугунную решетку виднелась убегающая вдаль неухоженная подъездная аллея.

Но ворота были закрыты и заперты на висячий замок, а большая часть окон в сторожках – разбиты.

– Там дальше еще несколько ворот, – пояснил школьный забияка, – а за ними еще, и за теми тоже. Должны же они, наверное, иногда как-то входить и выходить.

Наконец мы обнаружили белые деревянные ворота и проселочную дорогу, петлявшую между хозяйственными постройками и выходявшую к главной подъездной аллее. Территория парка была с обеих сторон обнесена оградой и, судя по всему, отведена под пастбища. Одна грязнущая овца забрела на дорогу и при нашем приближении встревоженно заковыляла прочь, то и дело поглядывая из-за плеча в нашу сторону и снова отбегая, пока мы ее не обогнали. Показался последний из всех домов, вольготно раскинувшийся во все стороны.

Парень истребовал за доставку восемь шиллингов. Я расплатился и позвонил в колокольчик.

После некоторой проволоочки дверь мне открыл какой-то старик.

– Мистер Воган, – назвал я себя. – Кажется, его светлость ожидает меня к обеду.

– Да, милости прошу, заходите, – сказал старик, а когда я протянул ему шляпу, добавил: – Я и есть герцог Ванбург. Надеюсь, вы простите мне, что я сам открываю вам дверь. Дворецкому сегодня нездоровится, он в постели – зимой его мучают жуткие боли в спине, а оба лакея убиты на войне.

Убиты на войне... – эти слова беспрестанно крутились у меня в голове все следующие несколько часов и много дней после. Опустошающее, давно прошедшее время спустя, по меньшей мере лет десять, а может, и больше... Мисс Стайн и протяженное настоящее; герцог Ванбург и протяженное давно прошедшее в страдательном залоге...

Я не был готов оказаться в комнате, в которую он меня привел. До этого я лишь однажды, двенадцати лет от роду, побывал в герцогском доме, и, помимо фруктового сада, моим главным воспоминанием о том визите стало воспоминание о нестерпимом холоде и о том, как я бежал наверх по бесконечным коридорам за матушкиной меховой пелериной, которую она накидывала на плечи после ужина. Правда, это происходило в Шотландии, и все же я оказался совер-

шенно не готов к опаляющему жару, обдававшему нас, когда герцог отворил дверь. Двойные окна наглухо закрыты, а в угольном камине за круглой викторианской решеткой ярко полыхал огонь. Воздух был тяжелый от запаха хризантем, на каминной полке стояли позолоченные часы под стеклянным колпаком, а в комнате повсюду маленькие застывшие ассамбляжи⁵⁸ китайского фарфора и всяких безделушек. Такую комнату можно обнаружить в здании «Ланкастер-Гейт» или в отеле «Элм-Парк-Гарденс»⁵⁹, где вдова какого-нибудь провинциального рыцаря доживает свой век среди верных слуг. Перед огнем сидела старая леди и ела яблоко.

– Дорогая, это мистер Воган, тот самый, который повезет Стейла за границу, – моя сестра, леди Эмили. Мистер Воган только что приехал на моторе из Лондона.

– Нет, я приехал на поезде, в 12:55, – поправил я.

– Это не слишком дорого? – спросила леди Эмили.

Здесь мне, пожалуй, следует объяснить причину моего визита. Как уже было сказано, я вовсе не имею обыкновения возвращаться в этих великосветских кругах, но у меня есть крестная, а она дама весьма благородная и периодически проявляет интерес к моим делам. Я как раз вернулся из Оксфорда и едва сводил концы с концами, когда она вдруг узнала, что герцог Ванбург ищет гувернера для сопровождения в поездке за границу своего внука и наследника маркиза Стейла, юноши восемнадцати лет. Перспектива провести таким образом следующие шесть месяцев показалась довольно сносной, и, соответственно, все было устроено. Сюда я прибыл, чтобы забрать своего подопечного и на следующий день выдвинуться с ним на континент.

– Вы говорили мне, что приедете поездом? – спросил герцог.

– Да, в 12:55.

– Но вы же сказали, что ехали на моторе.

– Нет, я никак не мог такого сказать. Хотя бы потому, что не имею мотора.

– Но, если вы мне этого не говорили, значит я должен был послать Бинга вас встретить.

Бинг ведь вас не встречал?

– Нет, – ответил я, – не встречал.

– Ну вот вам, пожалуйста!

Леди Эмили положила огрызок яблока и вдруг сказала, совершенно меня оговорив:

– Ваш отец когда-то жил в Оукшотте. Я довольно хорошо его знала. Расшибся, упав с лошади.

– Нет-нет, это был мой дядя Хью. А отец почти всю жизнь провел в Индии. Там и умер.

– О, вряд ли он мог на такое сподобиться, – сказала леди Эмили. – Сомневаюсь, что он вообще там бывал, – не правда ли, Чарлз?

– Кто? Что?

– Хью Воган никогда ведь не был в Индии, не так ли?

– Нет-нет, конечно, не был. Он продал Оукшотт и уехал куда-то в Хемпшир, где и поселился. Он в жизни не бывал в Индии.

В этот момент в комнату вошла другая пожилая леди, почти неотличимая от леди Эмили.

– Это мистер Воган, дорогая. Ты ведь помнишь его отца по Оукшотту? Он повезет Стейла за границу. Леди Гертруда, моя сестра.

Леди Гертруда весело улыбнулась и взяла меня за руку:

– Так и знала, что кто-то приедет к обеду, а четверть часа назад увидела, как Бинг вносит овощи. Я-то думала, он сейчас должен встречать поезд в Ванбурге.

– Нет, дорогая, – сказала леди Эмили. – Мистер Воган приехал на моторе.

⁵⁸ *Ассамбляж* – техника визуального искусства, родственного коллажу, но использующая объемные предметы, скомпонованные на плоскости в виде картины.

⁵⁹ *Ланкастер-Гейт* – здание середины XIX века в районе Бейсуотер в центре Лондона; *Элм-Парк-Гарденс* – общественный парк и отель в центре Лондона.

– О, вот и прекрасно. Мне показалось, он говорил, что приедет поездом.

II

Маркиз Стейл к обеду не вышел.

– Боюсь, в первый момент он покажется вам несколько застенчивым, – пояснил герцог. – До сегодняшнего утра мы не говорили ему, что вы приедете. Боялись, как бы это не выбило его из колеи. Признаться, он немного расстроен из-за предстоящего отъезда. Ты не видела его после завтрака, дорогая?

– Не кажется ли вам, что будет лучше, если мистер Воган узнает правду о Стейле? – сказала леди Гертруда. – Все равно ведь скоро все откроется.

Герцог вздохнул:

– Правда в том, мистер Воган, что у моего племянника не все в порядке с головой. Он не сумасшедший, как вы понимаете, но явно страдает слабоумием.

Я кивнул.

– От крестной я уже знаю, что он немного отстает в развитии.

– Главным образом по этой причине он и не ходил в школу. Проучился однажды два семестра в частной школе, но через силу, очень там грустил, да и плата была слишком высока, вот я его и забрал. С тех пор он не получал надлежащего образования.

– Никакого, дорогой, – мягко поправила леди Гертруда.

– Да, что практически равнозначно. И это весьма печально, как вы вскоре убедитесь. Видите ли, мальчик будет моим преемником, он получит после меня наследство... что ж, к несчастью, это так. В настоящий момент имеется довольно крупная сумма, которую мать мальчика оставила на его образование. К деньгам никто не прикасался, – по правде говоря, я и сам о них забыл, но мой адвокат на днях напомнил. На сегодня сумма составляет, по-моему, где-то около тринадцати сотен фунтов. Я обсудил этот вопрос с леди Эмили и леди Гертрудой, и мы пришли к заключению, что самое лучшее, что можно сделать, – это отправить мальчика на год-другой за границу, подобрав ему подходящего наставника. Быть может, перемена мест пойдет ему на пользу. Во всяком случае, мы будем чувствовать, что исполнили наш долг перед мальчиком.

(Мне показалось странным, что они заговорили о чувстве исполненного долга, но я смолчал.)

– Вам, вероятно, понадобится купить ему кое-какую одежду. Видите ли, он никогда в ней особо не нуждался, и, боюсь, мы позволили ему слегка одичать.

По завершении обеда принесли большую коробку с мятными пастилками. Леди Эмили съела пять штук.

III

Да, из Оксфорда меня исключили со всеми отягчающими обстоятельствами, что не сулило мне ничего хорошего, и все же потратить целый год на то, чтобы сопровождать душевнобольного аристократа в путешествии по Европе, – это перебор. Я уж было отважился рискнуть расположением крестной и, пока не поздно, отказаться от предложенной работы, как вдруг появился молодой человек. Он стоял в дверях столовой, явно испытывая неловкость, но рассматривал нас довольно дерзко и даже с некоторым превосходством.

– Привет, вы уже поели? Можно я возьму немного пастилок, тетя Эмили?

Это был юноша отнюдь не дурной наружности, чуть выше среднего роста, говорил с той довольно приятной интонацией, которую приобретают люди благородного происхождения, живущие среди слуг и фермерских рабочих. Одевание, явно причинявшее ему неудобство, было

немыслимым: из-под штанин потертого синего костюма на четырех пуговицах, из которого он давно вырос, виднелось несколько дюймов сбившихся в складки шерстяных носков, а из-за лацканов – белая фланелевая рубашка. Вдобавок он надел жесткий вечерний воротничок и очень узкий галстук, завязанный морским узлом. Волосы были чересчур длинные, смоченные водой. Но при всем при этом сумасшедшим он не выглядел.

– Иди поздоровайся со своим новым гувернером, – сказала ему леди Гертруда, будто шестилетнему ребенку. – Подай ему правую руку – да-да, эту.

Он неловко подошел ко мне, протягивая руку, затем спрятал ее за спину и, наклонившись, резко выбросил вперед. Мне вдруг стало стыдно за это бедное нескладное создание.

– День добрый, – сказал он. – Как я понимаю, за вами забыли выслать машину, да? Последний гувернер шел пешком и добрался до нас только к половине третьего. Потом ему сказали, что я сумасшедший, так что назад он снова шел пешком. Вам еще не сказали, что я сумасшедший?

– Нет, – поспешно ответил я, – конечно нет.

– Ну, значит, еще скажут. Хотя, возможно, уже сказали, но вам неловко мне в этом признаться. Вы ведь человек порядочный, джентльмен, не так ли? «Он человек пропащий, но, по крайней мере, джентльмен» – так мне описал вас дед. Однако вы напрасно за меня переживаете. Они всем говорят, что я сумасшедший.

В каком-либо другом обществе это могло бы вызвать некоторую неловкость, а тут раздался безмятежный голос леди Гертруды:

– Ты что это? Разве можно так разговаривать с мистером Воганом! Иди съешь мятную пастилку. – И она взглянула на меня со значением, будто давая понять: «Ну? Что я вам говорила?!»

И тут я вдруг решил срочно приступить к работе. Через час мы сидели в поезде. В кармане у меня лежал чек от герцога: 150 фунтов на предварительные расходы; нелепый плетеный сундучок мальчика легко поместился на полке у него над головой.

– Послушайте, а как мне к вам обращаться? – спросил он.

– Ну, большинство моих друзей называют меня Эрнест.

– Мне тоже так можно? Правда?

– Ну конечно! А мне к вам как обращаться?

Он задумался в нерешительности.

– Дед и тетушки называют меня Стейл, все прочие при них обращаются ко мне «милорд», а когда мы одни – Ушан. Это из дразнилки про летучих мышей в голове⁶⁰, если помните.

– А нет ли у вас христианского имени?

И опять он ответил не сразу:

– Есть. Джордж Теодор Верней.

– Что ж, буду называть вас Джорджем.

– Правда? Скажите, а вы часто бываете в Лондоне?

– Да, обычно там и живу.

– А я ни разу не был в Лондоне, представляете? И вообще никогда не выезжал из дома – разве что в школу.

– Там было гадко?

– Там было... – И он выругался по-простецки, как извозчик. – Слушайте, мне, наверное, не следует так выражаться? Тетя Эмили говорит, не стоит.

– И она совершенно права.

⁶⁰ Имеется в виду английское выражение «Bats in the/one's Belfry» («Летучие мыши на колокольне/в голове») в значении «чокнутый» и т. п., соответствует русскому выражению «тараканы в голове», впервые упомянуто в книге: *George A. Peck. Peck's Uncle Ike and the Red Head Boy. 1899.*

– Да у нее вообще какие-то странные понятия, уверяю вас.

И дальше мой спутник всю дорогу трещал напропалую.

В тот вечер он выразил желание пойти в театр, но я, памятуя о его одеянии, отправил его спать пораньше, а сам вышел на поиски друзей. Мне подумалось, что со ста пятьюдесятью фунтами в кармане я могу позволить себе выпить шампанского. Кроме того, мне было что рассказать. Следующий день мы посвятили заказам одежды. Я, еще когда увидел его багаж, понял, что в Лондоне нам придется провести четыре-пять дней: ему было совершенно нечего надеть. Как только он проснулся, я облачил его в один из моих оверкотов и сводил во все магазины, которым задолжал. Он заказывал щедро и с явным удовольствием. К вечеру стали приносить первые пакеты, и его комната превратилась в склад картонок и папиросной оберточной бумаги. Мистер Филлрик, который всегда старается создать у меня впечатление, что я первый простолюдин, осмелившийся заказать у него костюм, настолько размяк, что оставил свою всегдашнюю суровость и заходил к нам в отель в сопровождении помощника с большим чемоданом, набитым образцами. Джордж демонстрировал учтивое пристрастие к чекам. Мистер Филлрик успел дошить два костюма к четвергу, а третий последует за нами в Крийон⁶¹.

Не знает ли он мест, где мы могли бы купить приличный комплект готовой вечерней одежды? Тот дал нам название магазина, куда его фирма сдавала на продажу свой неликвид. Мистер Филлрик прекрасно помнил отца его светлости. Завтра вечером он зайдет к его светлости для примерки. Уверен ли я, что на данный момент мне хватает имеющейся у меня одежды? А то у него есть с собой еще несколько образцов. Что же до того маленького дельца, касающегося моего счета, – разумеется, его можно решить в любой момент, когда мне будет удобно. (Его последнее письмо недвусмысленно давало мне понять, что, прежде чем приступить к выполнению каких-либо новых моих заказов, он должен получить чек по счету.) Я заказал два костюма. Все это доставляло Джорджу немислимое удовольствие.

После первого же утра я бросил всяческие попытки сохранять положение наставника. До отъезда предстояло провести в Лондоне четыре дня, Джордж, как он уже сказал, здесь впервые. Он с безудержным энтузиазмом рвался все увидеть и сверх того – общаться с людьми; в то же время он обладал дерзкой критической способностью и этакой естественной привередливостью, утонченностью, просвечивавшей сквозь неотесанность деревенщины. На первом концерте он весь горел от возбуждения; театр, оркестр, зрители – все его очаровывало. Он настоятельно требовал, чтобы мы приходили за десять минут до начала, а уходили за десять минут до конца первого акта. Он считал, что это вульгарно, глупо, безобразно, но ведь было столько всего другого, что ему не терпелось увидеть! Обывательский принцип «заплачено, значит надо досидеть» был для него неприемлем.

То же самое с едой: он желал перепробовать все блюда. Если какое-то блюдо ему не нравилось, он заказывал что-нибудь другое. В первый вечер, когда мы ужинали вне дома, он, глотнув шампанского, нашел его отвратительным пойлом и наотрез отказался попробовать еще раз. Ему не хватало терпения распробовать что-то как следует и развить хороший вкус, но самое прекрасное пленяло его моментально. В Национальной галерее он ничего не мог смотреть после «Смерти святого Петра Мученика» Беллини.

Он имел моментальный успех у всех, кому я его представлял. Он не обладал никакими «манерами». Он довольно откровенно говорил что думал и с живейшим интересом воспринимал все услышанное от других. Поначалу он иногда с раздражающей непосредственностью встречал в дежурные разговоры, каковыми мы в основном и довольствуемся, но почти сразу научился выделять чисто механические шаблонные моменты и пропускал их мимо ушей. Он

⁶¹ *Крийон* – знаменитый пятизвездочный отель в Париже, построен в 1758 году, в качестве гостиницы используется с 1909 года; архитекторы Жак-Анж Габриель и Луи-Франсуа Труар.

подхватывал избитые цитаты и вычурные фразы, но использовал их с самыми странными вывертами, оживляя их своим интересом к их красочности и образности.

И произошло это всего за четыре дня; а будь у него четыре месяца, перемена была бы разительной. Я видел, как он развивался час за часом.

В наш последний лондонский вечер я принес географический атлас и попытался объяснить своему подопечному, куда мы направляемся. По его представлениям, мир был разделен примерно на три полусферы: Европа, где шла война и где было много разных городов, таких как Париж и Будапешт, удаленных один от другого на равные расстояния и кишачих проститутками; Восток со множеством пустынь, где живут слоны и верблюды, дервиши и кивающие головой мандарины; и Америка, которая, помимо двух собственных континентов, охватывает еще и Австралию, Новую Зеландию и большую часть Британской империи, не факт, что «восточную»; а где-то еще жили некие «дикари».

– Нам придется переночевать в Бриндизи⁶², – говорил я. – Тогда с утра мы сможем попасть в Ллойд-Триестино⁶³. Как много вы курите!

Мы только что вернулись с чайно-коктейльной вечеринки. Джордж стоял у зеркала, любуясь собой в новом наряде.

– Знаете, Эрнест, он довольно хорошо сшил этот костюм. Это единственное, чему я научился дома, – курить, я имею в виду. Я часто поднимался с Бингом в помещение, где держат седла.

– Вы еще не поделились своими впечатлениями о вечеринке.

– Эрнест, почему все ваши друзья так со мной милы? Только потому, что в будущем я стану герцогом?

– Да нет, вовсе не обязательно – взять хотя бы Джулию. Она сказала о вас: «Он так похож на изгнанника».

– Боюсь, Джулия мне не очень понравилась. Нет, я имею в виду Питера и этого забавного мистера Олифанта⁶⁴.

– Думаю, вы им понравились.

– Как странно! – Он снова посмотрел на себя в зеркало. – Знаете, я скажу вам, о чем я думал все эти последние несколько дней. Я вовсе не верю, что я на самом деле сумасшедший. Только в особняке у меня бывает ощущение, что я не такой, как все. Конечно, я так мало знаю... я тут все думаю... вам не кажется, что «не все дома», возможно, как раз у деда с тетками?

– Стареют. Это неизбежно.

– Нет, теряют рассудок. Помню, какие дикие вещи они вытворяли: то тетки что-нибудь отчудят, то он. Прошлым летом тетя Гертруда клялась, что у нее под кроватью жужжит рой пчел, и подняла на ноги всех садовников, чтобы они окурили их дымом и все такое. Она наотрез отказывалась вылезать из постели, пока не выгонят пчел, – но их там не было, ни одной. А дед как-то раз сплел венок из земляничных листьев и давай скакать в нем по всему саду, припевая: «Графский сын, кухаркин сын и маркизов отпрыск». Тогда их чудачества не произвели на меня особого впечатления, но разве это нормально? Как бы то ни было, я не увижу их еще много-много месяцев. Ах, Эрнест, это слишком чудесно! Чересчур! Вам не кажется, что рукава тесноваты, а? Скажите, а люди в Афинах черные?

– Нет, не как смоль, главным образом это евреи и студенты выпускных курсов.

– А кто это такие?

⁶² Бриндизи – город и морской порт на юге Италии, административный центр одноименной провинции.

⁶³ Ллойд-Триестино – одна из крупнейших судоходных компаний в 1920-е годы. С 2006-го носит название Italia Marittima.

⁶⁴ Олифант (африканс) – слон, также танк.

– Ну, вот Питер, например, студент выпускного курса. Совсем недавно и я был одним из них.

– А меня можно принять за студента выпускного курса?

IV

Мне иногда кажется, что Природа, подобно ленивому писателю, может вдруг взять и резко свести к короткому рассказу то, что явно было задумано ею как вступление к длинному роману.

На следующее утро мне по почте пришло два письма. Одно из моего банка – возврат герцогского чека на 150 фунтов с пометой «Платежи приостановлены», а второе – из адвокатской конторы, имеющей удовольствие уведомить меня о том, что они, а скорее один из них, зайдет ко мне тем же утром в связи с делом герцога Ванбурга. Письма я вручил Джорджу.

– Было у меня такое чувство, что все это слишком хорошо, чтобы длиться долго, – вот и все, что он сказал.

Адвокат прибыл своевременно. Кажется, ему не понравилось, что мы встретили его неотетыми. Он дал мне понять, что хочет поговорить со мной наедине.

Его милость якобы изменил свои планы в отношении внука. У него пропало желание отправлять его за границу. Конечно, между нами, мы вынуждены признать, что мальчик не вполне в здравом уме... весьма печально... эти старинные фамилии... поставить меня в столь затруднительное положение – мало ли что может случиться... Его милость обсудил все с леди Эмили и леди Гертрудой... Это и впрямь был опасный эксперимент... кроме того, они намеренно держали мальчика взаперти, не желая, чтобы свет узнал... дискредитация известного имени, знаете ли... и, если бы он бывал в обществе, конечно, пошли бы разговоры... люди любят посудачить. Строго говоря, не его это дело – подвергать сомнению мудрость решения клиента, но, опять же, между нами, он был весьма удивлен, что его милость вообще надумал позволить мальчику покинуть дом... Позднее, возможно, но не сейчас... он должен постоянно находиться под наблюдением. И конечно, доверить ему такие большие деньги... Строго между нами, его милость гораздо состоятельнее, чем думают... собственность в городе... налог на наследство... расходы на содержание Стейла... и так далее.

Ему же даны указания оплатить понесенные расходы по нынешнее число и выдать мне жалованье за три месяца... неслыханная щедрость со стороны его милости, без всяких юридических обязательств и расписок... Что касается одежды... очевидно, мы и в самом деле изрядно превысили указанную сумму. Однако все вещи, сшитые не на заказ, вне всякого сомнения, могут быть возвращены в магазины. Распоряжения на этот счет будут даны... доставить лорда Стейла к его деду также должен он сам.

И через час адвокат с Джорджем отбыли.

– Это были чудесные четыре дня, – сказал юноша на прощанье, затем добавил: – В любом случае через три года мне исполнится двадцать один год и тогда я смогу получить деньги, которые мне оставила мать. И все же, мне кажется, стыдно как-то отсылать все эти галстуки назад в магазин. Как по-вашему, могу я оставить себе парочку?

Через пять минут позвонила Джулия и пригласила нас на ланч.

Хозяин «Кремля»

Эту историю рассказал мне однажды утром в Париже хозяин известного ночного клуба, и я почти не сомневаюсь в ее подлинности.

Я не раскрою вам ни настоящего имени рассказчика, ни названия его клуба, ибо это не та реклама, которая пришлась бы ему по душе, и буду называть его Борис, а заведение – «Кремль».

«Кремль» живет по собственным законам и правилам.

Шляпу и пальто принимает у вас при входе самый настоящий казак свирепой наружности, в сапогах со шпорами для верховой езды, а его лицо там, где оно не скрыто бородой, обезображено рубцами и шрамами, как у довоенного немецкого студента.

Интерьер оформлен в виде шатра: стены обтянуты красной шерстяной материей и увешаны коврами. Очень хороший цыганский ансамбль играет цыганскую музыку, а очень хороший джазовый оркестр играет, когда посетители хотят танцевать.

Официанты в роскошных русских ливреях, рослые, как на подбор, разносят пылающие шампуры с нанизанными на них кругляшками мяса, перемежающимися с кольцами лука. Большинство официантов – бывшие офицеры Российской императорской гвардии.

Управляющий Борис – довольно молодой мужчина, ростом шесть футов пять с половиной дюймов. В шелковой русской рубаше, широких штанах, заправленных в высокие сапоги, он прохаживается от стола к столу, проверяя, все ли в порядке.

С двух часов дня и до захода солнца в «Кремле» ни одного пустого места, и посетители из американцев, меланхолично разглядывая счета, часто отмечают, что Борис «хорошо с этого имеет». И это правда.

Мода на Монмартре меняется очень быстро, но если нынешняя популярность заведения продержится еще один сезон, то можно будет подумать о вилле где-нибудь на Ривьере и поселиться там в уединении.

Как-то в субботний вечер или, скорее, в воскресное утро Борис сделал мне честь, присев за мой столик и выпив со мной бокал вина. В тот раз он и поведал мне свою историю.

Его отец был генералом, и, когда началась война, Борис учился в кадетском корпусе военной академии.

По молодости лет он не мог принимать участие в боевых действиях и был вынужден из-за линии фронта наблюдать крушение царского режима.

Затем, после окончания Первой мировой, наступили смутные времена, и разрозненные остатки царской армии при нерешительной поддержке их бывших союзников втягивались в проигрышную борьбу с большевиками.

Борису было восемнадцать лет. Отец его погиб на фронте, а мать укатила в Америку.

Военная академия закрывалась, и Борис вместе с несколькими товарищами по кадетскому корпусу решил пойти на службу в последнюю царскую армию, которая под командованием Колчака сдерживала большевиков в Сибири.

Странная это была армия. Кавалеристы без конницы, моряки без кораблей, офицеры взбунтовавшихся полков, пограничные гарнизоны и личные адъютанты, ветераны Русско-японской войны и не нюхавшие порошу мальчишки вроде Бориса.

Помимо всего перечисленного, в состав армии Колчака входили части и подразделения союзных держав, направленные туда их переменчивыми правительствами и, судя по всему, благополучно ими забытые; были британские инженерные войска и несколько французских артиллерийских частей; плюс офицеры связи и военные атташе при Генеральном штабе.

Среди таких атташе был офицер французской кавалерии несколькими годами старше Бориса. До войны большинство образованных русских владели французским языком, как родным.

Борис и французский атташе подружились. Они часто выходили вместе покурить за компанию и делились воспоминаниями о довоенной Москве и Париже.

Через месяц-полтора стало ясно, что колчаковская кампания обречена на провал.

В конечном итоге совет офицеров принял решение прорываться на восточное побережье по единственному открытому пути и оттуда пытаться бежать в Европу.

Для прикрытия отступления пришлось оставить вооруженный отряд, и так вышло, что и Борис, и его французский товарищ получили назначение в этот арьергард. В следующем же бою малочисленный заградотряд был разбит наголову.

В живых из офицерского состава остались только Борис и его друг, но положение их было практически безвыходным.

Без вещей, без средств к существованию, они оказались одни на пустынной территории, патрулируемой войсками противника и населенной дикими азиатами.

У француза, предоставленного самому себе, шансы на побег были ничтожны, но форма русского офицера пока что имела кое-какой престиж в окрестных деревнях.

Борис одолжил другу собственную шинель, чтобы тот спрятал под ней французскую форму, и они вместе месили снег, пробиваясь к границе.

В итоге они оказались на японской территории. Здесь все русские находились под подозрением, так что настал черед француза обеспечивать им безопасное продвижение к ближайшему французскому консульству.

Теперь главной целью Бориса стало воссоединение с матерью в Америке. А его другу надлежало вернуться в Париж и доложить о себе. На том они и расстались.

Простились они душевно, пообещав друг другу увидеться, когда утрясут все свои дела. Но в глубине души оба сомневались, что счастливый случай когда-нибудь снова сведет их вместе.

Протекли два года, и вот в один весенний день бедно одетый русский парень очутился в Париже – с тремя сотнями франков в кармане и всеми своими земными сокровищами в вещмешке.

Это был совсем не тот жизнерадостный Борис, который бросил военную академию и подался в армию Колчака. Америка оказалась мало чем похожей на ту Страну Безграничных Возможностей, какой он ее себе представлял.

Его мать продала драгоценности и кое-что из личных вещей, которые ей удалось привезти с собой, и завела небольшое дело по пошиву одежды.

Шансов получить там постоянное место у Бориса не предвиделось, так что после двух-трех месяцев случайных заработков он устроился на пароход в Англию, чтобы отработать стоимость билета.

За несколько следующих месяцев Борис успел поработать официантом, шофером, платным партнером в танцзалах, докером – и дошел до грани нищеты.

В конце концов он встретил старого друга своего отца, в прошлом – первого секретаря дипломатического корпуса, ныне работавшего парикмахером.

Тот посоветовал ему попытать счастья в Париже, где уже сформировалась большая русская община, и дал денег на дорогу.

И вот в то самое утро, когда у деревьев на Елисейских Полях как раз начинали лопаться почки, а кутюрье выставляли там свои весенние коллекции, Борис оказался в очередном чужом городе – в затрапезных обносках и один как перст.

Весь его капитал в пересчете на английские деньги составлял около тридцати шиллингов, и, не имея ни малейшего представления о том, что с ним будет дальше, он решил позавтракать.

Какой-нибудь англичанин, оказавшись в столь же затруднительном положении, вне всякого сомнения, не преминул бы для начала все тщательно рассчитать.

Он бы определил, на какой максимальный срок ему хватит имеющихся у него денег, и методично придерживался рамок бюджета, пока не собрался бы снова «искать работу».

Но когда Борис стоял, пересчитывая эти жалкие гроши, ему вдруг будто что-то стукнуло в голову.

В такой крайней нужде он едва ли мог надеяться протянуть больше двух-трех недель. По их истечении он окажется в точно таком же положении, но на две недели старше, без гроша за душой и ни на йоту не приблизившись к работе.

Так какая же разница, сейчас или две недели спустя? Он был в Париже, о котором столько читал и слышал. И для начала решил как следует поесть, а в остальном положиться на волю случая.

Борис часто слышал, как в разговоре отец упоминал о ресторане «Ларн», но понятия не имел о его местонахождении и поэтому взял такси. Он вошел в ресторан и уселся в одно из кресел, обитых красным плюшем, не обращая внимания на официантов, с подозрением посматривавших на его обноски.

Без тени смущения огляделся вокруг. Здесь было спокойнее и вроде отсутствовала та помпезность, которой отличались крупные рестораны Нью-Йорка и Лондона, но беглый взгляд на меню убедил его, что это не то место, куда часто навещаются бедняки.

Затем он начал заказывать завтрак, и манера поведения официанта резко изменилась, когда он понял, что этот эксцентрично одетый клиент не нуждается в советах при выборе блюд и вина.

Он съел свежую икру, садовую овсянку в портвейне⁶⁵ и креп-сюзет⁶⁶, выпил бутылку винтажного кларета и бокал очень старого коньяка «Фин-Шампань», а потом изучил несколько хьюмидоров⁶⁷ с сигарами, прежде чем выбрал идеальную.

Покончив с едой, он попросил счет. Двести шестьдесят франков. Двадцать шесть выдал на чай официанту и четыре – швейцару, который принял у него шляпу и вещмешок. Семь франков стоило такси.

Через полминуты он стоял на краю тротуара ровно с тремя франками на все про все. Но ланч был великолепен, и Борис о нем не жалел.

Пока он стоял, соображая, что делать дальше, сзади вдруг кто-то тронул его за руку, и, обернувшись, он увидел изящно одетого француза, очевидно только что вышедшего из ресторана. Это был его друг, французский атташе.

– Я сидел за столиком позади тебя, – сказал он. – А ты меня даже не заметил, так был поглощен едой.

– Возможно, это была моя последняя еда на неопределенное будущее, – пояснил Борис, и друг его рассмеялся, приняв эти слова за шутку.

⁶⁵ Для употребления в пищу эту деликатесную птицу откармливают пшеном в темноте, так как темнота активизирует ее потребность в еде, после чего топят в арманьяке и жарят целиком. Подают также целиком, прикрыв салфеткой. Во Франции охота на этих птиц официально запрещена в 1999 году.

⁶⁶ *Креп-сюзет* – французский десерт, представляющий собой блины с соусом из карамелизованного сахара, масла, мандаринового или апельсинового сока и цедры, их поливают ликером «Гран-Марнье», «Трипл-сек» или апельсиновым «Кюрасао», затем фламбируют.

⁶⁷ *Хьюмидор* – деревянный ящичек (шкатулка) для сигар.

Они двинулись по улице, торопливо разговаривая. Француз поведал, как он уходил в отставку, когда закончился срок его службы в армии, и сообщил, что теперь он глава процветающего предприятия, связанного с автомобильным бизнесом.

– Да и ты не промах, – сказал он. – Я был рад увидеть, что ты тоже преуспеваешь.

– Преуспеваю? Да на данный момент у меня в кармане ровно три франка на всю оставшуюся жизнь.

– Милый мой, люди с тремя франками в кармане не едят икру в «Ларне».

Тут он впервые обратил внимание на потрепанную одежду Бориса. Он ведь видел его только в военной форме, прошедшей через огонь и воду, так что вначале и не удивился тем обноскам, что были на нем сейчас.

Теперь до него дошло, что это не та одежда, которую обычно носят преуспевающие молодые люди.

– Друг мой, – сказал он, – прости, что я рассмеялся, я не понимал... Давай поужинаем сегодня вечером у меня дома, там и обсудим, что делать дальше.

– Вот так я и стал хозяином «Кремля», – подытожил Борис. – Не пойдя я в то утро в «Ларн», мы бы с ним, скорее всего, так никогда и не встретились! Мой друг сказал, что я имею полное право на часть его автомобильного бизнеса, но потом, подумав, решил, что любому, кто мог потратить свои последние триста франков на один завтрак, сам Бог велел держать ресторан. Так и случилось. Он меня финансировал. Я собрал кое-кого из моих старых друзей и предложил им работать у нас. Теперь, как вы видите, я относительно богатый человек.

Последние посетители оплатили счет, поднялись из-за стола и, пошатываясь на неверных ногах, направились к выходу. Борис тоже встал, чтобы с ними раскланялся. Свет дня залил помещение, когда они подняли жалюзи и вышли на улицу.

В новом свете все убранство показалось вдруг фальшивым и мишурным, официанты спешно сбрасывали свои бутафорские ливреи. Борис понял, что я чувствовал.

– Знаю, – сказал он, – здесь ничего русского. Невелика радость быть владельцем популярного ночного клуба, когда ты лишился родины.

Любовь на спаде

I

Возможно, бракосочетание Тома Уотча и Анжелы Тренч-Траубридж было событием столь незначительным, потому что произошло оно на нашей памяти. Ни в добрачной жизни этой молодой пары, ни в их помолвке, ни в свадебной церемонии не было недостатка в деталях, которые могли бы сделать эти события абсолютно типичными среди самых непримечательных в жизни современного общества. Вечерние газеты заливались:

«Горячие деньки выдались в церкви Святой Маргариты. Третья на этой неделе шикарная свадебная церемония состоялась сегодня после полудня: мистер Том Уотч и мисс Анжела Тренч-Траубридж стали мужем и женой. Мистер Уотч, который, как и многие молодые люди нашего времени, работает в городе, является вторым сыном ныне покойного досточтимого Уилфрида Уотча из Холиборн-хауса, Шефтсбери; отец невесты полковник Тренч-Траубридж известен как человек глубоко порядочный, неоднократно баллотировавшийся в парламент от партии консерваторов. Шафером выступал брат мистера Уотча капитан Колдстримской гвардии⁶⁸ Питер Уотч. Невесту украшала фата из старинных брюссельских кружев, предоставленная ее бабушкой. В духе последней моды на отпуска в Британии жених с невестой проводят патриотический медовый месяц в Западной Англии».

А когда столько сказано, добавить практически нечего – разве что совсем чуть-чуть.

Анжела была хорошенькая, умненькая, жизнелюбивая, доброжелательная барышня двадцати пяти лет – тип тех самых всеми обожаемых девушек, которые по какой-то мистической причине, глубоко укоренившейся в психологии англосаксов, считают, что самое трудное в жизни – это удачно выйти замуж. Последние семь лет Анжела делала все, что свойственно делать барышням ее типа. В Лондоне она в среднем четыре раза в неделю ходила на танцы: первые три года к кому-нибудь в гости, а последние четыре – в рестораны и ночные клубы; в сельской местности она оказывала небольшую финансовую помощь соседям и, желая их поразить, устраивала охотничьи балы⁶⁹; она поработала в какой-то бедняцкой шляпной мастерской, опубликовала рассказ, одиннадцать раз побывала подружкой невесты и один раз – крестной матерью; дважды влюблялась – не в тех; продала за пятьдесят гиней свою фотографию отделу рекламы некоего салона красоты; попала в неприятную ситуацию, когда ее имя было упомянуто в светской хронике; участвовала в пяти-шести благотворительных матине⁷⁰ и двух представлениях с живыми картинами, агитировала за кандидата от партии консерваторов на двух Всеобщих Выборах и, как и все девушки Британских островов, была несчастлива в родительском доме.

В годы Кризиса все пошло наперекосяк. В течение некоторого времени отец Анжелы выказывал растущее нежелание открывать лондонский дом; теперь же начал пугать разговорами о жесткой «экономии», что означало навсегда переехать в деревню, сократить число домашних слуг, прекратить разжигать камин в спальне, урезать сумму на расходы Анжелы и на приобретение полутора миль рыболовных угодий по соседству, на которые он положил глаз несколько лет назад.

Оказавшись перед мрачной перспективой непредсказуемо длительной жизни в доме предков, Анжела, как и многие чувствительные английские барышни до нее, решила, что после

⁶⁸ *Колдстримская гвардия* – один из пехотных полков британской гвардии в составе гвардейской дивизии.

⁶⁹ *Охотничий бал* – традиционное ежегодное мероприятие в Англии, проводимое охотничьими клубами.

⁷⁰ *Матине* – утренник, дневной благотворительный концерт.

двух неудачных романов она уже вряд ли снова в кого-нибудь влюбится. Для нее не существовало романтического выбора между любовью и богатством. Старших сыновей в тот год было меньше, чем когда-либо, да к тому же накатила мощная волна конкуренции из Америки и доминионов. Приходилось делать выбор между неудобством жизни в роскошном особняке с родителями и неудобством жизни с мужем в лондонских конюшнях.

Нищий Том Уотч начал выказывать Анжеле кое-какие знаки внимания еще в ее первый светский сезон. Он почти во всем был ее мужским эквивалентом. Человек эрудированный, он, заняв в университете третье место по истории, устроился в контору надежной аудиторской фирмы, где так с тех пор и работал. И на протяжении всех этих хмурых городских будней он с тоской вспоминал то бесшабашное время на выпускном курсе, когда после обычной университетской рутины счастливо добился успеха, придя вторым на одолженном гунтере⁷¹ в «дрочках»⁷² оксфордского колледжа Крайст-Черч, когда крушил мебель с буллингдонцами⁷³, влезал через окно, возвращаясь под утро с танцев из Лондона, и делил с другими, более состоятельными молодыми людьми темную, но дорогую квартиру в Хайе⁷⁴.

Анжела, как одна из популярных девушек на курсе, часто бывала и в Оксфорде, и в тех домах, где Том гостил во время отпусков, а поскольку годы унылого прозябания в аудиторской конторе отрезвили его и вогнали в тоску, он стал воспринимать ее как один из немногих ярких фрагментов его славного прошлого. Он еще продолжал изредка бывать в обществе, так как спрос на неженатых молодых мужчин в Лондоне всегда оставался высок, но последние званые ужины, куда он приходил в скверном настроении, вымотанный рабочей рутинной и далекий от тех вещей, в обсуждение которых пытались его вовлечь дебютанты светских сезонов, лишь показывали ему, насколько шире стала пропасть между ним и его бывшими друзьями.

Будучи девушкой в высшей степени приличной (хотя кто ж их разберет), Анжела всегда была с ним приветлива, и он благодарно отвечал ей тем же. И все же она принадлежала его прошлому, а не будущему. Его отношение к ней было сентиментальным, но без намека на честолюбивые устремления. Она оставалась частью его безвозвратной юности, и у него и в мыслях не было рассматривать ее как потенциальную спутницу жизни. Соответственно, ее предложение заключить брак явилось для него сюрпризом, и отнюдь не желанным.

Сбежав от унылой толкотни танцплощадки, они сидели в ночном клубе и лакомились там копченой рыбой. Между ними возникла обычная в такой обстановке душевная близость с легким налетом нежности, и Анжела сказала ему ласковым голосом:

– Ты всегда так добр ко мне, Том, гораздо больше, чем кто-либо другой... почему, интересно? – И прежде чем он успел уклониться от ответа – мол, на работе у него был дико трудный день, а танцы отупляют, – она задала прямой вопрос.

– Ну конечно, – проямил он, – то есть я хочу сказать, старушка, мне бы и самому хотелось этого, как ничего другого. То есть ты же знаешь, я всегда был от тебя без ума... Но проблема в том, что я просто не могу позволить себе жениться. Об этом и речи быть не может в ближайшие несколько лет.

– Но я бы вряд ли стала возражать против того, чтобы разделить с тобой бедность, – мы ведь так хорошо друг друга знаем. Все образуется.

И прежде чем Том успел понять, нравится ему это или нет, была объявлена помолвка.

Он зарабатывал восемь сотен в год, Анжела – две. Со временем у обоих «будет больше». Все сложится не так уж плохо, если они проявят благоразумие и повременят обзаводиться

⁷¹ *Гунтер* – охотничья лошадь.

⁷² В оригинале сленговое «grind» – так в шутку называли скачки в седле.

⁷³ *Буллингдонцы* – члены Буллингдонского клуба в Оксфорде.

⁷⁴ *Хай* (The High) – район Оксфорда.

детьми. Ему придется отказаться от сезонной охоты; она откажется от прислуги. И на фундаменте такого взаимного самопожертвования они построят общее будущее.

В день свадьбы лил страшный дождь, и лишь самые стойкие и упорные среди прихожан церкви Святой Маргариты вышли поглазеть на меланхоличную вереницу гостей, выскакивающих из мокрых машин и ныряющих под навес церковной дорожки. После церемонии гости переместились в дом Анжелы на Эгертон-Гарденс. В половине пятого молодожены сели в поезд на Паддингтонском вокзале и отправились в Западную Англию. Голубой ковер и полосатый навес были собраны и заперты в кладовке вместе с пуфиками и свечными огарками. Лампы в проходах погашены, двери закрыты и заперты на засов. Цветы и кусты упакованы для последующего размещения в палатах больницы для неизлечимых, к которой проявляла интерес миссис Уотч. Секретарь миссис Тренч-Траубридж принялся упаковывать куски свадебного торта в серебристо-белые картонные коробки для отправки прислуге и сельским жителям. Один из капельдинеров поспешил в Ковент-Гарден, чтобы вернуть фрак в контору по прокату мужской одежды, где он его арендовал. К малолетнему племяннику жениха, исполнявшему на свадебной церемонии обязанности пажа и привлекшему всеобщее внимание чересчур откровенными комментариями, вызвали врача, так как у него поднялась температура и появились многочисленные тревожные симптомы пищевого отравления. Горничная Сары Трампери тактично вернула дорожные часы, которые престарелая леди машинально прихватила с прилавка со свадебными подарками. (Эта ее слабость всем была хорошо известна, и детективы имели постоянно действующий приказ избегать неприятных сцен на приемах и званых вечерах. Не так уж часто приглашали ее нынче на свадьбы. А если и приглашали, то украденные подарки неизменно возвращались в тот же вечер или на следующий день.) Подружки невесты собрались вместе за ужином и принялись горячо обсуждать интимные моменты медового месяца, потому как в данном случае шансы были три против двух, что церемоний не предвидится. Экспресс «Грейт Вестерн» громыхал по не просыхающим от дождей британским графствам. Том и Анжела, оба с унылыми лицами, сидели в вагоне первого класса для курящих и обсуждали прошедший день.

- Удивительно, что никто из нас не опоздал.
 - Мама вся изнервничалась...
 - Что-то я Джона не видел, ты не видела?
 - Был он, был. Попрощался с нами в прихожей.
 - А, да... Надеюсь, они все упаковали.
 - Ты какие книги взяла?
- Самая обычная свадьба, без происшествий.

Вдруг Том сказал:

- Наверное, как-то непредприимчиво с нашей стороны банально поехать в Девон к тете Марте. Помнишь, как Локвуды ездили в Марокко и попали в лапы разбойников?
 - А Рэндаллы на десять дней застряли в снегах Норвегии.
 - Боюсь, в Девоне нам приключения не светят.
 - Ну, мы же не ради приключений поженились, Том?
- И, как водится, именно с этой минуты медовый месяц принял странный оборот.

II

- Не знаешь, мы с пересадкой?
 - Вроде да. Забыл спросить. Билеты покупал Питер. Выйду в Эксетере⁷⁵ и узнаю.
- Поезд прибыл на станцию.

⁷⁵ Эксетер – главный город графства Девоншир на реке Экс.

– Я на минутку, – сказал Том, закрывая за собой дверь купе, дабы не впустить холод. Он вышел на перрон, купил местную «вечерку», узнал, что едут они без пересадки, и уже подходил к вагону, как вдруг кто-то окликнул его, схватив за руку:

– Уотч! Привет, старина! Помнишь меня? – (И Том почти сразу узнал улыбчивое лицо старого школьного приятеля.) – Смотрю, ты недавно женился. Мои поздравления! Собирался тебе написать. Надо же, как мне повезло вот так вдруг с тобой столкнуться. Пойдем выпьем.

– Я бы с радостью. Но у меня поезд, надо возвращаться.

– Еще уйма времени, старик! Стоит двенадцать минут. Надо выпить.

Продолжая рыться в памяти в поисках имени старого друга, Том отправился с ним в привокзальный буфет.

– А я живу в пятнадцати милях отсюда. Просто приехал встретить поезд. Жду одну пышечку из Лондона. Как в воду канула. Ну и ладно, баба с возу...

Они выпили по два виски – даже приятно после холодного поезда. И Том сказал:

– Что ж, рад был тебя повидать. А теперь мне пора на поезд. Пойдем, я познакомлю тебя с женой.

Но когда они добрались до платформы, поезда и след простыл.

– Слушай, старик, это же чертовски весело. Что делать будешь? Поездов сегодня вечером уже не предвидится. А знаешь, поедem-ка лучше ко мне, переночуешь, а утром двинешься дальше. Мы можем телеграфировать твоей жене и сообщить, где ты находишься.

– Только бы с Анжелой ничего не случилось.

– Силы небесные! Да что в Англии может случиться? К тому же ты все равно ничего не сможешь сделать. Давай мне ее адрес, я срочно пошлю ей телеграмму и напишу, где ты находишься. Прыгай в машину и жди.

Наутро Том проснулся с ощущением легкой тревоги. Поворочался в постели, изучая сонным взглядом незнакомую обстановку. И наконец вспомнил. Ну конечно! Он ведь женился. Анжела уехала в поезде без него, а он многие мили трясся в темноте на машине и приехал в дом старого друга, чьего имени так и не вспомнил. Добрались к ужину. Выпили бургундского, порта⁷⁶ и бренди. Строго говоря, упились в стельку. Вспоминали какие-то бытовые скандалы, всякие веселые издевательства над учителями химии, ночные эскапады, когда они сбегали в Лондон, в клуб «43»⁷⁷. Как же его звали? Теперь и спросить не у кого. В любом случае нужно добраться до Анжелы. Он надеялся, что она благополучно доехала до дома тети Марты и получила его телеграмму. Нелепое начало медового месяца – зато они с Анжелой так хорошо друг друга знают... Это вам не какой-нибудь случайный роман.

Вскоре ему позвонили.

– Сегодня утром, сэр, недалеко отсюда собирают гончих. Капитан интересовался, не желаете ли поохотиться.

– Нет-нет! Я должен выехать сразу после завтрака.

– Капитан сказал, что может снабдить вас верховой лошастью, сэр, и одолжить охотничий костюм.

– Нет-нет! Ни в коем случае.

Но когда Том, спустившись к завтраку, увидел, как хозяин дома наливает в седельную фляжку шерри-бренди, сердце его дрогнуло.

– Правда, компания у нас – смех один. Выезжают все: приходской священник, фермеры, кто-то со своей живностью. Но нам обычно достается пристойный маршрут вдоль границы охотничьих угодий по краю вересковой пустоши. Жаль, что не сможешь выехать. Я бы хотел,

⁷⁶ Порт – один из сортов виски.

⁷⁷ Знаменитый в эпоху джаза ночной клуб в Сохо на Геррард-стрит, 43.

чтобы ты опробовал мою новую кобылу – чудесная лошадка... пожалуй, даже слишком... для такой местности.

А почему бы, собственно, и нет?... В конце концов, они с Анжелой так хорошо друг друга знают... не то что какие-нибудь там...

И спустя два часа Том обнаружил, что он, забыв обо всем на свете, бешеным галопом несется с ветром наперегонки по худшим охотничьим угольям Британских островов – чередование вереска и изрытого выбоинами болотного мха, валунов, горных ручьев и заброшенных гравийных карьеров, – свора гончих сплошным потоком устремляется вверх к долине напротив, кобыла идет идеально, фермерские мальчишки на маленьких косматых пони, жены поверенных – на кобылках, старые флотские капитаны-отставники подпрыгивают на высоченных тяжеловозах, ветеринары и викарии выныривают со всех сторон от него, а ему хоть бы хны.

Еще через два часа он оказался в менее счастливых обстоятельствах – один как перст в зарослях вереска, окруженный со всех сторон болотами до линии горизонта, не разорванной ни единым столбом. Он спешился подтянуть подпругу, а лошадь его, пустившись в галоп по склону холма, чтобы нагнать остальных, попала ногой в кроличью нору, повалилась, перевернулась в опасной близости от него и, высвободив ногу, резво поскакала в сторону конюшни, бросив его пытеть и отдуваться, лежа на спине. Теперь он оказался один в совершенно незнакомой местности. Он не знал ни имени своего хозяина, ни названия его усадьбы. Представил, как бродит от деревни к деревне, обращаясь ко всем с одним и тем же вопросом: «Не подскажете ли адрес одного молодого человека, который был сегодня утром на охоте? Он бывал в Бутчер-хаусе в Итоне!» Мало того, Том вдруг вспомнил, что он женился. Ну да, они с Анжелой так хорошо знают друг друга... но всему есть предел.

В восемь часов вечера в освещенную газовыми лампами гостиную отеля «Ройал Джордж» в городе Чагфорд ввалился совершенно обессиленный тип. В сапогах для верховой езды и в грязных лохмотьях. Он пять часов проплутал по пустоши и дико проголодался. Ему подали канадского сыра, маргарина, консервированного лосося и бутылочного стаута⁷⁸, после чего уложили на широкую латунную кровать, скрипевшую при каждом его движении. Однако проспал он до половины одиннадцатого утра.

Третий день медового месяца начался более благоприятно. Бледное солнце не было чересчур жарким. Негнувшимися руками, преодолевая боль во всем теле, Том натянул еще непросохший охотничий костюм его неизвестного хозяина и разузнал, как добраться до отдаленной деревни, где находится дом его тети Марты и где Анжела наверняка уже вся изнервничалась в ожидании. Он отправил ей телеграмму: «Приезжаю сегодня вечером. Все объясню. Люблю», – и навел справки о поездках. Поезд ходил раз в сутки, отправлялся в середине дня и после трех пересадок поздним вечером доставил его на соседнюю станцию. Там он подвергся еще одному испытанию. Доехать до деревни не на чем – машин нет. До дома его тети восемь миль. Телефон после семи вечера не работает. После целого дня в дороге, еще и в мокрой одежде, он продрог и расчихался. И конечно же, сильно простудился. Перспектива пройти восемь миль пешком в темноте была немыслимой. Он провел ночь в гостинице.

Четвертый день занялся, когда Том уже потерял голос и почти оглох. В таком состоянии его посадили в машину и доставили в дом, так заботливо нанятый на его медовую неделю. Здесь его встретили известием, что Анжела уехала ранним утром.

– Миссис Уотч, сэр, получила телеграмму, в которой сообщалось, что во время охоты с вами произошел несчастный случай. Это совершенно выбило ее из колеи, так как она уже пригласила на ланч несколько друзей.

⁷⁸ *Стаут* – темный элевый сорт пива, приготовленного с использованием жженого солода с добавлением карамельного солода; известен с XVII века.

– Но куда она уехала?

– Адрес был указан на телеграмме, сэр. Тот же, что в вашей первой телеграмме... Нет, сэр, та телеграмма не сохранилась.

Стало быть, Анжела отправилась к его хозяину, живущему в окрестностях Эксетера, – что ж, она сможет прекрасно о себе позаботиться. Том слишком плохо себя чувствовал, чтобы беспокоиться. Он сразу лег спать.

Пятый день прошел в горестном оцепенении. Том валялся в постели, апатично листая страницы таких же книг, которые его тетя собрала за пятьдесят лет суровой деревенской жизни. На шестой день его стали мучить угрызения совести. Наверное, надо что-то предпринять в отношении Анжелы. И вот тогда-то дворецкий высказал предположение, что имя, значившееся на внутреннем кармане охотничьей куртки, возможно, и было именем недавнего хозяина Тома и нынешнего – Анжелы. Немного работы с местной адресной книгой решило дело. Том отправил телеграмму:

«Как ты? Жду тебя здесь. Том».

И в ответ получил:

«Вполне. Твой друг божественен. Присоединяйся. Анжела».

«Лежу. Подхватил простуду. Том».

«Сочувствую дорогой. Увидимся Лондоне или я приеду тебе. Вряд ли это имеет смысл. Анжела».

«Увидимся Лондоне. Том».

И в самом деле Том с Анжелой знали друг друга лучше некуда...

Через два дня они встретились в крошечной квартирке, которую украсила для них миссис Уотч.

– Надеюсь, ты весь багаж привезла?

– Да, дорогой. До чего же хорошо дома!

– Завтра на службу.

– Да, а мне нужно обзвонить уйму народу. Я еще никого не поблагодарила за последнюю порцию подарков.

– Хорошо провела время?

– Неплохо. Как твоя простуда?

– Лучше. Что у нас сегодня вечером?

– Я обещала навестить маменьку. А потом, как и говорила, ужинаю с твоим другом из Девона. Он приехал со мной – повидать какую-то пышечку. Надо же как-то отблагодарить его за гостеприимство.

– Вот и отлично. Но к маменьке я вряд ли приду.

– И не надо. Я должна рассказать ей кучу всего такого, что тебе будет скучно слушать.

Вечером миссис Тренч-Траубридж сказала:

– По-моему, сегодня вечером Анджела была очень мила. Медовый месяц пошел ей на пользу. Том проявил благоразумие, не увезя ее в какое-нибудь изнурительное путешествие на континент. Видно, что она вернулась совершенно отдохнувшей. А то ведь медовый месяц часто бывает очень тяжелым, особенно после всей этой свадебной чехарды.

– Так что там у них со съемным коттеджем в Девоне? – спросил ее супруг.

– Не съемным, дорогой, его им подарили. Рядом с домом того холостяка, друга Тома, как я поняла. Анджела говорила, для нее это будет такое миленькое местечко, куда она сможет ездить, если захочет сменить обстановку. Из-за работы Тома у них никогда не бывает нормального отпуска.

– Весьма благоразумно, и в самом деле весьма благоразумно, – сказал мистер Тренч-Траубридж, погружаясь в обычную для него в девять вечера легкую дрему.

Избыток терпимости

Круглое, приятное лицо – не загорелое, а скорее раскрасневшееся под тропическим солнцем; круглые, слегка растерянные серые глаза; коротко стриженные песочные волосы; широкая улыбка; усики песочного цвета; опрятный белый парусиновый костюм и пробковый шлем – типичный портрет английского коммивояжера, застрявшего между пароходными рейсами в маленьком душном порту на Красном море.

Мы с ним были единственными европейцами в гостинице. Судно, которого мы ждали, отчаливало через два дня. Все это время мы провели вместе.

Мы посещали местный базар и играли бесконечные партии в покер на костях за столиками кафе. В такой атмосфере случайные знакомые легко переходят на доверительный тон.

Совершенно естественно, что сперва мы говорили на общие темы – местные условия и расовые проблемы.

– Не могу понять, из-за чего все эти распри. Они славные ребята, когда узнаешь их получше.

Британские чиновники, местные арабы, индийские поселенцы – все они для моего нового друга были «славными ребятами». Как странно, что они не могли поладить. Конечно, у представителей разных рас идеи тоже разные: кто-то не моется, у кого-то превратные представления о честности, некоторые время от времени распускаются, хлебнув лишнего.

– И все-таки, – сказал он, – это их, и только их, личное дело. Если бы все они оставили друг друга в покое и жили каждый по-своему, не было бы никаких сложностей. Что касается религий, ну, в каждой есть много чего хорошего: в индуизме, в исламе, в язычестве; миссионеры тоже совершают много добрых дел: уэслианцы⁷⁹, католики, англиканцы – все они отличные ребята.

Люди, оказавшиеся в отдаленных уголках мира, как правило, выработали непререкаемое мнение по любому вопросу. После нескольких месяцев, проведенных среди них, небывалым облегчением было встретить такого терпимого человека со столь широкими взглядами.

В первый вечер я расстался со своим спутником с чувством теплого уважения. Наконец-то здесь, на континенте, населенном почти сплошь фанатиками разного рода, мне попался, как я думал, приятный человек.

На следующий день мы коснулись более интимных тем, и я начал кое-что узнавать о его жизни. Ему было где-то за сорок – скорее даже под пятьдесят, хотя я бы дал ему меньше.

Он был единственным сыном и вырос в провинциальном английском городке, в доме, где над каждым членом семейства довели строгие принципы викторианской благовидности.

Родители произвели его на свет довольно поздно, и все его воспоминания берут начало в том времени, когда его отец ушел на покой с ответственного государственного поста в Индии.

И хотя сама его натура категорически отрицала возможность какого-либо разлада или неудобств, из этих воспоминаний становилось ясно, что для него отеческий дом никогда не был по-настоящему родным.

Суровые правила морали и этикета, беспощадное порицание соседей и непреодолимый классовый барьер, воздвигаемый перед каждым, кого считали социально неполноценным, враждебное неодобрение тех, кто в чем-то их превосходил, – таковыми, вне всяких сомнений,

⁷⁹ Уэслианские методисты – название, которое использовалось последователями английского богослова Джона Уэсли (1703–1791) после смерти этого проповедника, ознаменовавшей окончательное отделение методистского движения от англиканской церкви и раскол в самом этом движении.

были принципы родителей моего друга, и он вырос с глубоко укоренившейся решимостью строить собственную жизнь на совершенно иных началах.

Характер его работы, о котором он поведал мне в вечер нашей встречи, поразил меня. Он промышлял поставкой швейных машин индийским лавочникам по всему восточному побережью Африки.

Было совершенно ясно, что такая работа не соответствовала ни его возрасту, ни образованию. Позднее я получил объяснение.

Он занялся коммерцией сразу по окончании привилегированной школы, преуспел и в конце концов прямо перед войной основал собственное дело, вложив капитал, который достался ему после смерти отца.

– Мне не повезло, – сказал он. – Я не думаю, что это полностью моя вина. Видите ли, я взял в партнеры одного парня. Мы с ним служили в одной конторе, и он всегда мне нравился, хотя с другими ребятами он не слишком ладил. Его уволили как раз в то время, когда я получил наследство. Я так и не понял, в чем была проблема, и в любом случае это было не мое дело. Поначалу наше сотрудничество казалось довольно удачным, поскольку мой партнер не годился для военной службы и мог присмотреть за делами дома, пока я служил в армии. Казалось, дела идут очень хорошо. Мы переехали в новый офис, наняли больше служащих и всю войну получали солидные дивиденды. Но это было лишь временное процветание. Когда я вернулся с войны, то не слишком много внимания уделял делам, боюсь, я слегка потерял голову оттого, что нынче я дома и в безопасности. Я оставил все в руках моего партнера и, полагаю, пустил все на самотек на два года. Так или иначе, я не знал, насколько плохо обстоят наши дела, пока внезапно он не сообщил мне, что мы должны объявить о банкротстве. С тех пор мне время от времени удавалось найти работу, но это не то же самое, что быть самому себе хозяином.

Он смотрел на набережную, задумчиво вертя в руках стакан. Затем, словно спохватившись, сделал красочное дополнение к своему рассказу:

– Одно меня очень утешает, – сказал он. – Мой партнер не покатылся по наклонной вместе со мной. Почти сразу же после нашего банкротства он открыл собственное дело – в той же области, но гораздо более солидное. Теперь он богатый человек.

Чуть позже в тот же день он удивил меня, упомянув как бы между прочим, что у него есть сын

– Сын?

– Да. Дома я оставил мальчика двадцати семи лет. Он ужасно славный паренек. Жалко, что я нечасто бываю на родине и мы редко видимся. Но у него теперь свои друзья, и я осмелюсь сказать, что ему и без меня хорошо. Он увлекся театром. Сам-то я в этом не очень разбираюсь. Знаете, все его друзья-театралы – интереснейшие ребята! Я так счастлив, что мой сын нашел себе занятие по душе. Я всегда стоял на том, что нельзя пытаться навязать ему интерес к тому, что его не привлекает. Жаль только, что денег это приносит крайне мало. Он всегда в поиске работы в театре или кинематографе, но он говорит: это так трудно, если не знаешь нужных людей, и очень дорого. Я посылаю ему сколько могу, но ему надо хорошо одеваться, и посещать разные места, и развлекаться, а все это требует денег. Но я надеюсь, что все это во что-то выльется в конце концов. Он ведь такой славный парнишка.

И только несколько дней спустя, на борту корабля, когда мы уже пришвартовались в порту, где на следующий день мой знакомый должен был сойти на берег, он упомянул о своей жене.

Мы выпили не один бокал, желая друг другу удачи в наших путешествиях. Близкое расставание обеспечило взаимное доверие, невозможное между постоянными попутчиками.

– Моя жена меня покинула, – просто сказал он. – Это было очень неожиданно. Я до сих пор ума не приложу, почему так случилось. Я всегда поощрял ее желания делать то, что

она хочет. Понимаете, навидался я викторианских браков, где супруга не должна иметь иных интересов, кроме ведения хозяйства, а отец семейства каждый вечер ужинает дома. Не одобряю я эти идеи. Мне нравилось, что у жены есть собственные друзья, что она может принимать их дома, когда пожелает, выходить, когда ей вздумается, и сам тоже так поступал. Я думал, что мы счастливы, что наша жизнь идеальна. Она любила танцевать, а я – нет, так что, когда подвернулся парень, с которым, как мне казалось, ей нравилось проводить время, я был в восторге. Мы пару раз встречались с ним, и я слышал, что он увивается за женщинами, но это было не мое дело. Мой отец строго разграничивал тех друзей, которых встречал в клубе, и тех, кого приглашал в свой дом. Он никогда не привел бы домой того, чей моральный облик был хоть в чем-то небезупречен. Я же считаю, что все это старомодная чушь. Так или иначе, чтобы сократить длинный рассказ, скажу лишь, что через некоторое время после того, как она начала появляться там и сям с этим парнем, она внезапно в него влюбилась и сбежала с ним. Мне он тоже всегда нравился, очень славный парень. Полагаю, у нее было полное право делать то, что она предпочитает. И все равно я был удивлен. С тех пор я одинок.

В этот момент мимо нашего столика прошли двое попутчиков, знакомства с которыми я старательно избегал. Он зазвал их за наш стол, так что я пожелал ему доброй ночи и ушел вниз.

На следующий день мы не виделись и не разговаривали, но я мельком заметил его на пирсе – он наблюдал за погрузкой ящика с образцами швейных машин.

Я видел, как он окончил свои дела и зашагал в город – неунывающая и трагическая фигурка в подпрыгивающем пробковом шлеме. Человек, которого предал и лишил наследного капитала партнер, обманывал явно никчемный сын, бросила жена, человек неудержимый, сбитый с толку, бодрой пружинящей походкой прокладывал себе путь на целый континент хищных и безжалостных славных ребят.

Вылазка в действительность

I

Все годные на свалку лондонские такси, видимо, поступают в распоряжение швейцара ресторана Эспинозы. У него командирская выправка, и на груди его тремя рядами блещут воинские ордена, повествуя о геройстве и невзгодах, о том, как рушатся в огне фермы буров, как врываются в рай фанатики из племени фузи-вузи и как высокомерные мандарины созерцают солдат, топчущих их фарфор и рвущих тончайшие шелка. Стоит ему только снизойти по ступенькам крыльца Эспинозы – и к вашим услугам готов экипаж, столь же разбитый, как враги короля Британской империи.

Саймон Лент сунул полкроны в белую лайковую перчатку и не стал спрашивать сдачи. Вслед за Сильвией он пристроился среди сломанных пружин на сквозняке между окнами автомобиля. Вечер был не из самых приятных. Они сидели за столиком до двух, благо ресторан нынче поздно закрывался. Сильвия не стала ничего заказывать, потому что Саймон пожаловался на безденежье. Так они провели часов пять или шесть – то молча, то в перекорах, то безучастно кивая проходящим парам. Саймон высадил Сильвию у ее подъезда, он неловко поцеловал ее, она холодно подставила губы; и надо было возвращаться к себе, в маленькую квартиру над бессонным гаражом. За нее Саймон платил шесть гиней в неделю.

Перед его подъездом мыли лимузин. Он протиснулся мимо и одолел узкую лестницу, где в былые времена раздавался свист и топот конюхов, спозаранку спешивших к стойлам. (Бедные и молодые обитатели бывших Конюшен! Бедные, бедные и слегка влюбленные холостяки, живущие здесь на свои восемьсот фунтов в год!) На его туалетном столике были набросаны письма, которые пришли ввечеру, пока он одевался. Он зажег газовый светильник и принялся их распечатывать. Счет от портного на 56 фунтов, от галантерейщика на 43 фунта; уведомление о неуплате его годового клубного взноса; счет от Эспинозы с приложенным сообщением, что ежемесячная плата наличными была строго оговорена и что в дальнейшем кредита ему предоставляться не будет; извещение из банка: «как выяснилось», его последний чек превышал на 10 фунтов 16 шиллингов сумму допустимого превышения; запрос от налогового инспектора относительно количества и жалования наемной рабочей силы (то есть миссис Шоу, которая приходила прибрать постель и поставить апельсиновый сок за 4 шиллинга 6 пенсов в день); счета поменьше за книги, очки, сигары, лосьон и за подарки к последним четырем дням рождения Сильвии (бедные магазины, где имеют дело с молодыми людьми, живущими в бывших Конюшнях!).

Остальная почта была совсем иного рода. Коробка сушеного инжира от почитателя из Фресно (Калифорния); два письма от юных леди, каждая из которых сообщала, что готовит доклад о его творчестве для своего университетского литературного общества, – обоим нужна была поэтому его фотография; газетные вырезки, где он был назван «популярнейшим», «блестящим», «метеорическим» молодым романистом «завидного таланта»; требование дать взаймы 200 фунтов журналисту-паралитику; приглашение к завтраку у леди Метроланд; шесть страниц обоснованной ругани из сумасшедшего дома на севере Англии. Ибо Саймон Лент был в своем роде и в своих пределах молодой знаменитостью, о чем вряд ли кто догадался бы, глядя ему в душу.

Последний конверт с машинописным адресом Саймон вскрыл тоже без особых надежд. Внутри оказался бланк с названием какой-то киностудии из лондонских предместий. Письмо на бланке было короткое и деловое.

Дорогой Саймон Лент! (Обращение, как он давно заметил, ходовое в театральных кругах.)

Любопытно, не предполагаете ли Вы начать писать для кино. Мы были бы Вам признательны за Ваши соображения по поводу нашего нового фильма. Желательно было бы повидаться с Вами завтра во время ланча в Гаррик-клубе и услышать, что Вы об этом думаете. О своем согласии поставьте, пожалуйста, в известность мою ночную секретаршу в любое время до восьми часов завтрашнего утра или мою дневную секретаршу после этого часа. Искренне Ваш...

Внизу были два слова, написанные от руки, что-то вроде Иудее Маккавее, а под ними то же самое на машинке – сэр Джеймс Макрэй.

Саймон перечел все это дважды. Потом он позвонил сэру Джеймсу Макрэю и уведомил его ночную секретаршу, что он явится завтра к означенному ланчу. Едва он положил трубку, как телефон зазвонил.

– Говорит ночная секретарша сэра Джеймса Макрэя. Сэр Джеймс был бы весьма признателен, если бы мистер Лент заехал сейчас повидаться с ним у него на дому в Хэмпстеде.

Саймон посмотрел на часы. Время близилось к трем утра.

– Но... как-то поздновато в такую даль...

– Сэр Джеймс высылает за вами машину.

У Саймона мигом прошла всякая усталость. Пока он ждал машину, телефон снова зазвонил.

– Саймон, – сказал голос Сильвии, – ты спишь?

– Нет, я как раз выхожу из дому.

– Саймон... Тебе со мной было сегодня очень скверно?

– Омерзительно.

– Ну знаешь, мне с тобой тоже было довольно омерзительно.

– Ладно. Увидимся – разберемся.

– Ты что, не хочешь со мной разговаривать?

– Прости, мне не до того. У меня тут кое-какие дела.

– Саймон, ты не с ума ли сошел?

– Нет времени объяснять. Машина ждет.

– Когда мы увидимся, завтра?

– Честное слово, не знаю. Позвони утром. Спокойной ночи.

За несколько сот метров Сильвия положила трубку, поднялась с коврика, на котором устроилась в надежде минут двадцать повывяснять отношения, и уныло забралась в постель.

Саймон катил в Хэмпстед по пустым улицам. Он откинулся назад и испытывал приятное волнение. Дорога круто пошла вверх, и вскоре открылись лужайка, пруд и кроны деревьев, густые и черные, как джунгли. Ночной дворецкий открыл ему двери невысокого дома в георгианском стиле и провел в библиотеку, где сэр Джеймс Макрэй стоял перед камином, облаченный в рыжие брюки-гольф. Стол был накрыт для ужина.

– А, Лент, привет. Как чудно, что вы подъехали. Дела, дела, днем и ночью. Какао? Виски? Вот еще пирог с крольчатинной, вкусный. С утра никак не удастся поесть. Позвоните, еще какао принесут, вот так, молодец. Да, ну так в чем дело, зачем я вам понадобился?

– Но... мне казалось, что я вам понадобился.

– Да? Очень может быть. Мисс Бентам в курсе. Это ее рук дело. Нажмите вон там на столе кнопку, не затруднит?

Саймон позвонил, и немедленно явилась ночная секретарша.

- Мисс Бентам, зачем мне понадобился мистер Лент?
- Боюсь, что не могу вам сказать, сэр Джеймс. Мистер Лент был поручен мисс Харпер. Когда я вечером приняла дежурство, от нее была только записка с просьбой устроить это свидание как можно скорее.
- Жаль, – сказал сэр Джеймс. – Придется подождать, пока завтра заступит мисс Харпер.
- По-моему, это было что-то насчет сценария.
- Очень может быть, – сказал сэр Джеймс. – Скорее всего, что-нибудь в этом роде. Незамедлительно вам сообщу. Спасибо, что заскочили. – Он поставил чашку какао и протянул руку с искренним дружелюбием. – Спокойной ночи, мой мальчик. – Он позвонил, и явился ночной дворецкий. – Сэндерс, Бенсону надо будет доставить мистера Лента обратно.
- Сожалею, сэр. Бенсон только что уехал на городскую студию за мисс Гритс.
- Жаль, – сказал сэр Джеймс. – Что ж, придется вам взять такси или что-нибудь в этом роде.

II

Саймон улегся в половине пятого. В десять минут девятого зазвонил телефон на ночном столике.

– Мистер Лент? Говорит секретарша сэра Джеймса Макрэя. Машина сэра Джеймса заедет за вами в половине девятого и подвезет вас на студию.

– Простите, в половине девятого я выехать еще не смогу.

Дневная секретарша потрясенно замолчала, затем сказала:

– Прекрасно, мистер Лент. Я проверю, нельзя ли устроить иначе, и позвоню вам через несколько минут.

Тем временем Саймон снова заснул. Его опять разбудил телефон, и тот же бесстрастный голос адресовался к нему:

– Мистер Лент? Я поговорила с сэром Джеймсом. Его машина заедет за вами в восемь сорок пять.

Саймон торопливо оделся. Миссис Шоу еще не приходила, и позавтракать было нечем. Он нашел в кухонном буфете какой-то черствый пирог и поедал его, когда прибыла машина сэра Джеймса. Он прихватил с собой ломоть и жевал на ходу.

– Напрасно вы взяли это с собой, – сказал суровый голос из машины. – Сэр Джеймс прислал вам кое-что к завтраку. Быстро садитесь, мы опаздываем.

В углу сиденья куталась в плед молодая женщина в игривой красной шляпке, у нее были живые глаза и очень волевой подбородок.

– Видимо, вы мисс Харпер?

– Нет. Я Эльфреда Гритс. Насколько я понимаю, мы с вами работаем над сценарием. Я была занята всю ночь с сэром Джеймсом. Если вы не против, я посплю минут двадцать. Можете достать термос с какао и кусок пирога с крольчатинной из корзинки на полу.

– Сэр Джеймс всегда пьет какао и ест пироги с крольчатинной?

– Нет, это остатки вчерашнего ужина. Пожалуйста, помолчите. Я хочу спать.

Саймон пренебрег пирогом и налил себе дымящегося какао в металлическую крышечку термоса. В углу мисс Гритс расположилась спать. Она сняла игривую красную шляпку и положила ее на сиденье между ними, смежила синеватые веки и слегка расслабила подобранные губы. Ее непокрытая белокурая голова вздрагивала и покачивалась с рывками автомобиля, который мчался между сходящимися и расходящимися трамвайными рельсами. Лондон остался позади. Замелькал голый кирпич, и кафельные фасады станций метро сменились бетонными, появились безлюдные строительные площадки и свежесаженные деревья вдоль еще безымянных шоссе. Ровно за пять минут до прибытия на студию мисс Гритс открыла

глаза, припудрила нос, чуть подвела губы и, косо нацепив шляпку, выпрямилась, как стрела, навстречу новому дню.

Сэра Джеймса они застали в гуще дела. В знойно-белом аду, предположительно за ресторанным столиком, нудно и нескончаемо беседовали два юных существа. На заднем плане безжизненно танцевали изможденные парочки числом около дюжины. В другом конце огромного сарая плотники трудились над декорацией усадьбы тюдоровских времен. Люди в козырьках сновали туда-сюда. Отовсюду глядели таблички: «Не курить», «Не разговаривать», «Осторожно! Кабель высокого напряжения».

Тем не менее мисс Гритс закурила сигарету, попутно отшвырнула ногой какой-то электроприбор, сказала: «Он занят. Надо думать, он позовет нас, как только отснимет эту сцену» – и исчезла в двери с табличкой «Вход воспрещен».

Вскоре после одиннадцати сэра Джеймс заметил Саймона.

– Чудно, что подъехали. Скоро освобожусь, – крикнул он ему. – Мистер Бриггс, стул для мистера Лента.

В два часа он снова заметил Саймона.

– Завтракали?

– Нет, – сказал Саймон.

– Я тоже нет. Сейчас кончаем.

В половине четвертого к нему подошла мисс Гритс и сказала:

– Что ж, пока все спокойно. Не думайте, что мы всегда так лодырничаем. Тут во дворе столовая. Пойдемте перехватим чего-нибудь.

Громадный буфет был полон разодетыми и более или менее загримированными людьми. Безработные актрисы томно разносили чай и яйца вкрутую. Саймон с мисс Гритс заказали сэндвичи и только собирались за них приняться, как репродуктор над ними вдруг объявил с угрожающей отчетливостью: «Сэр Джеймс Макрэй просит мистера Лента и мисс Гритс в конференц-зал».

– Ну, быстро, – сказала мисс Гритс.

Она протолкнула его между стеклянными створками, протащила через двор к зданию дирекции и проволочла по лестнице к тяжелым дубовым дверям с табличкой: «Не входить. Идет совещание».

Опоздали.

– Сэра Джеймса вызвали в город, – сказала секретарша. – Он просит вас быть у него в Вест-Энде к пяти тридцати.

Назад в Лондон, в этот раз на метро. В пять тридцать они были в приемной на Пикадилли, готовые к дальнейшим указаниям. Их направили в Хэмпстед. Наконец к восьми они вернулись на студию. Мисс Гритс была свежа и энергична.

– Старикан расщедрился – целый день отгула, – заметила она. – С ним сейчас вообще одно удовольствие работать, не то что было в Голливуде. Давайте-ка поужинаем.

Но только они зашли в столовую и на них приятно пахло легкими закусками, как репродуктор снова объявил: «Сэр Джеймс Макрэй просит мистера Лента и мисс Гритс в конференц-зал».

На этот раз они не опоздали. Сэр Джеймс находился во главе овального стола, по кругу от него располагались ответственные лица. Он сидел в пальто, низко свесив голову, упершись локтями в стол и обхватив руками затылок. Все участливо безмолвствовали. Вскоре он поднял глаза, встряхнулся и приветливо заулыбался.

– Чудно, что подъехали, – сказал он. – Жаль, не вышло у нас с вами пораньше. Такая работа – уйма всяких мелочей. Обедали?

– Нет еще.

– Зря. Надо питаться, знаете ли. Не будете питаться как следует – не выдержите полной нагрузки.

Затем Саймона и мисс Гритс усадили, и сэр Джеймс изъяснил свой план:

– Я хочу, леди и джентльмены, представить вам мистера Лента. Уверен, что все вы и без меня слышали это имя, а кто-нибудь из вас знаком и с его творчеством. Так вот, я вызвал его помочь нам и надеюсь, что он согласится сотрудничать с нами, когда услышит, в чем дело. Я хочу экранизировать «Гамлета». Надо полагать, вам эта идея не кажется особенно оригинальной, но в мире кино важно не что, а как. Я думаю сделать это совершенно по-новому. Поэтому я и вызвал мистера Лента. Я хочу, чтобы он написал нам диалоги.

– Понятно, – сказал Саймон, – но ведь диалоги там как будто уже имеются?

– А, я вижу, вы не уловили. Шекспира много ставили в современном платье. Мы его поставим на современном языке. Как же вы хотите, чтобы публика воспринимала Шекспира, когда у него в диалогах ничего не разберешь? Да я сам на днях заглянул в текст, и будь я проклят, если хоть что-нибудь понял. И тут я себе сказал: «Публике нужен Шекспир во всем богатстве его мыслей и образов, переведенный на нормальный язык». И естественно, мне сразу пришло на ум имя мистера Лента. Многие самые первоклассные критики рекомендовали диалоги мистера Лента. И мне кажется, что мы сделаем так: мисс Гритс будет консультировать мистера Лента, поможет ему с раскадровкой и вообще по части техники дела, а мистеру Ленту мы предоставим полную свободу в написании сценария...

Сообщение продолжалось четверть часа, затем ответственные лица закивали с пониманием дела, Саймона повели в другую комнату и дали ему подписать контракт на пятьдесят фунтов в неделю и двести пятьдесят аванса.

– Советую вам четко определить с мисс Гритс удобные для вас часы работы. Первых результатов буду ждать к концу недели. На вашем месте я бы пошел и пообедал. Надо питаться.

Слегка пошатываясь, Саймон устремился в столовую, которую две томные блондинки закрывали на ночь.

– Мы с четырех утра на ногах, – сказали они, – был ужасный наплыв народу, и все съели. Осталась только нуга. К сожалению.

Посасывая ломтик нуги, Саймон пробрался в опустелую студию. С трех сторон в ужасающем жизнеподобии высились четырехметровые мраморные стены декорации ресторана, на столике у локтя Саймона стояла декоративная бутылка шампанского в ведре с подтаявшим льдом, сверху мрачно нависли балки необъятного свода.

«Факты, – сказал себе Саймон, – деятельное существование... пульс жизни... деньги, голод... действительность».

На другое утро к нему постучали со словами: «Две молодые леди хотят вас видеть».

– Две?

Саймон надел халат и вышел в гостиную со стаканом апельсинового сока в руке. Мисс Гритс приветливо кивнула.

– Мы условились начать в десять, – сказала она. – Но это, в общем, не важно. На первых порах вы мне почти не понадобится. Это мисс Доукинс. Она наша штатная стенографистка. Сэр Джеймс решил, что она вам пригодится. Мисс Доукинс будет состоять при вас до дальнейших распоряжений. Сэр Джеймс прислал вам также два экземпляра «Гамлета». Сейчас вы примете ванну, потом я ознакомлю вас с моим черновиком к нашей первой читке.

Но этого не случилось: Саймон не успел еще одеться, как мисс Гритс вызвали на киностудию по неотложному делу.

– Я позвоню вам, когда освобожусь, – сказала она.

Целое утро Саймон диктовал письма всем, кого припомнил, они начинались: «Простите за форму, в которой я уведомляю вас о том, что в настоящее время по причине крайней заня-

тости я не смогу уделять внимание частной переписке...» Мисс Доукинс почтительно строчила в блокноте. Он дал ей номер телефона Сильвии.

– Будьте так добры позвонить по этому телефону и передать мисс Леннокс мои наилучшие пожелания, а также пригласить ее к завтраку в ресторан Эспинозы... И закажите столик на двоих к часу сорока пяти.

– Милый, – сказала Сильвия, когда они встретились, – почему тебя вчера весь день не было дома и что это за голос разговаривал со мной сегодня утром?

– А, это мисс Доукинс, моя стенографистка.

– Саймон, ты не с ума ли сошел?

– Видишь ли, я теперь работаю в кинопромышленности.

– Милый. Возьми меня на работу.

– Ну, в настоящее время я не комплектую штат, но буду иметь тебя в виду.

– Господи. Как ты изменился за два дня!

– Да! – сказал Саймон с чрезвычайным самодовольством. – Да, пожалуй, я изменился. Видишь ли, я впервые соприкоснулся с Действительной Жизнью. Я бросил писать романы. Вообще это была чистая дребедень. Печатное слово отжило – сперва папирус, затем книгопечатание, теперь кино. Писатель больше не может творить в одиночку. Он должен быть на уровне времени, ему, как и пролетарию, полагается еженедельный конверт с заработной платой – хотя, разумеется, моя дорогая Сильвия, разный труд оплачивается по-разному. Вторгаясь в жизнь, искусство тем самым включается в определенные общественные отношения. Кооперация... координация... сплоченные и целенаправленные устремления человеческого сообщества...

Саймон распространялся в том же роде еще довольно долго и поедал тем временем завтрак диккенсовских размеров; наконец Сильвия сказала жалобным голоском:

– А я думаю, ты влюбился в какую-нибудь противную кинозвезду.

– О боже, – сказал Саймон, – нет, только девицы могут изрекать такие пошлости.

Они собрались было начать привычную и нескончаемую перебранку, когда рассыльный передал телефонное извещение, что мисс Гритс желала бы немедленно возобновить работу.

– Значит, вот как ее зовут, – сказала Сильвия.

– Если б ты только знала, как это нелепо, – сказал Саймон, подписывая счет своими инициалами, и удалился, прежде чем Сильвия успела схватить перчатки и сумочку.

Однако он стал любовником мисс Гритс на этой же неделе. Это была ее мысль. Она предложила это как-то вечером у него на квартире за вычиткой окончательной версии первого наброска сценария.

– О нет, – сказал Саймон в ужасе. – О нет. Нет, это никак невозможно. Простите, но...

– В чем дело? Вас не устраивают женщины?

– Устраивают, но...

– Ах, перестаньте, – отрезала мисс Гритс. – Не тратьте попусту драгоценного времени. – Потом, укладывая рукопись в кожаный чемоданчик, она сказала: – Надо будет заняться этим еще как-нибудь, если выпадет свободная минута. Кроме всего прочего, я нахожу, что с мужчиной проще иметь дело, когда у тебя с ним роман.

III

Три недели Саймон и мисс Гритс – а она и в любовницах оставалась для него мисс Гритс – работали в полном согласии. Его жизнь перестроилась и преобразилась. Он больше не залеживался утром в унылых мыслях о предстоящем дне; он больше не засиживался за ужином в ленивых перекурах с Сильвией; прекратились вялые выяснения отношений по телефону. Его затянуло в беспорядочный круговорот. Днем или ночью его вызывали звонком на совещания,

которые обычно отменялись: иногда в Хэмпстед, иногда на студию, однажды на побережье, в Брайтон. Он подолгу работал, расхаживая туда-сюда по своей гостиной; мисс Гритс расхаживала взад-вперед вдоль противоположной стены, а мисс Доукинс послушно усаживалась между ними. Оба диктовали, правили и переписывали свой сценарий. Иногда – ночью или днем – доводилось поесть; увлеченно и по-деловому проходили интимные эпизоды с мисс Гритс. Он поглощал какую-нибудь неслыханную и несуразную пищу, проезжая через пригороды на автомобиле сэра Джеймса, или шагая по ковру и диктуя мисс Доукинс, или устраиваясь на безлюдных съемочных площадках – среди сооружений, похожих на памятники, воздвигнутые на случай крушения цивилизации. На мгновение он впадал, как мисс Гритс, в мертвое забытие и иногда, очнувшись, удивленно замечал, что во время сна перенесся на какую-то улицу, к какой-то фабрике или пустырю.

Тем временем фильм взрастал как на дрожжах, что ни день раздаваясь вишь и внезапно изменяясь на сто ладов под самым носом сценаристов. С каждым совещанием история Гамлета поворачивалась по-новому. Мисс Гритс отчетливо и строго оглашала итоги их совместного творчества. Сэр Джеймс сидел, уронив голову на руки, покачиваясь из стороны в сторону, время от времени у него вырывались глухие стоны или всхлипы. Кругом сидели эксперты: режиссура, дирекция, распределители ролей, раскадровщики, оформители и калькуляторы, – у всех блестяли глаза, все жаждало привлечь внимание начальства уместным замечанием.

– Что ж, – говорил сэр Джеймс, – я думаю, что хорошо, то хорошо. Ваши предложения, джентльмены?

После некоторой паузы эксперты один за другим начинали выкладывать свои соображения.

– Мне кажется, сэр, что ни к чему нам забираться в Данию. Зрителю надоела всякая экзотика. Не обосноваться ли нам в Шотландии и не подключить ли к делу горцев в юбках и сцену-другую со сборищем клана?

– Верно, очень здоровое предложение. Запишите там у себя, Лент...

– Я думаю, не лучше ли выбросить из сценария королеву? Правильнее будет, если она умрет до начала действия. Она тормозит события. Да и зритель не потерпит такого обращения Гамлета с матерью.

– Верно, запишите там у себя, Лент.

– А что, сэр, если мы введем призрак королевы, а не короля...

– Вам не кажется, сэр, что правильнее, чтоб Офелия была сестрой Горацио? Как бы тут пояснее выразиться... острее будет конфликт.

– Верно, запишите там у себя...

– По-моему, в конце здесь чересчур накручено. В основе сюжета у нас привидения, и незачем тянуть сюжет...

Таким образом, простая история величественно разрослась. К концу второй недели сэр Джеймс согласился, правда после некоторого обсуждения, что в тот же сценарий просится «Макбет». Саймон воспротивился, но вспомнил о трех ведьмах и не устоял. Название изменили на «Белая леди из Дунсинана», и вдвоем с мисс Гритс они чудесным образом за неделю переписали весь сценарий.

IV

Конец наступил так же внезапно, как и все остальные события этой любопытной истории. Третье совещание состоялось в отеле в Нью-Форесте; эксперты прибыли по срочному вызову поездом, на машинах и на мотоциклах и были утомлены и безучастны. Мисс Гритс зачитала последний вариант, на это ушло время, ибо сценарий был в стадии «беловика», –

можно было начинать съемки. Сэр Джеймс сидел в размышлении дольше обычного. Потом он поднял голову и сказал всего-навсего:

– Нет.

– Нет?

– Нет, не пойдет. Все насмарку. Что-то мы далеко отошли от текста. Вообще не понимаю, зачем вам понадобились Юлий Цезарь и король Артур.

– Но сэр, вы же сами их предложили на последнем совещании.

– Неужели? Ну, что ж теперь поделаешь. Значит, я был переутомлен и слегка рассеян... Кстати, мне не нравится диалог. В нем утрачена вся поэтичность оригинала. Зрителю нужен Шекспир, весь Шекспир и ничего, кроме Шекспира. Вот что я вам скажу. Мы отснимем пьесу именно так, как она написана, с протокольной точностью. Запишите там у себя, мисс Гритс.

– Так что в моих услугах вы больше не нуждаетесь? – сказал Саймон.

– Да, пожалуй что не нуждаюсь. Но чудно, что вы подъехали.

На другое утро Саймон проснулся, как обычно, бодр и свеж и собрался было вскочить с постели, как вдруг припомнил события прошлой ночи. Дел не стало. Ему предстоял пустой день. Ни мисс Гритс, ни мисс Доукинс, ни срочных совещаний, ни надиктованных диалогов. Он позвонил мисс Гритс и пригласил ее позавтракать с ним.

– Нет, боюсь, что это никак не выйдет. К концу недели мне нужно раскадровать сценарий Евангелия от Иоанна. Работа не из легких. Снимать будем в Алжире, чтоб воссоздать обстановку. А через месяц – в Голливуд. Думаю, что мы с вами больше не увидимся. До свидания.

Саймон лежал в постели, и энергия его постепенно улетучивалась. Снова безделье. Что ж, подумал он, теперь самое время поехать в деревню дописывать роман. Или съездить за границу? Где-нибудь в тихом солнечном кафе можно будет подумать над этими несчастными последними главами. Да, так он и сделает... вскорости... Скажем, на этой неделе.

Пока что он приподнялся на локте, снял трубку, назвал номер Сильвии и приготовился к двадцатипятиминутному язвительному примирению.

Происшествие в Азании

Азания – большой воображаемый остров у восточного побережья Африки; по характеру и истории является смесью Занзибара и Абиссинии⁸⁰. В финале романа «Черная напасть» местное правительство было свергнуто и установлен протекторат англичан и французов. Многие персонажи переключались в данный рассказ из «Черной напасти».

I

Британский клуб в Матоди разительно контрастировал с уютившимися на косогорах бунгало, в которых обитало большинство его членов. Клуб располагался в центре города, на набережной – арабский особняк семнадцатого столетия, массивными белеными стенами окружавший небольшой дворик. Из зарешеченных окон в былые времена женская часть семейства почтеннейшего купца обзревала проезжую улицу; тяжелые двери, усеянные медными шишечками, открывались в густую тень внутреннего двора, где меж корней громадного мангового дерева бил маленький родник, а лестница резного кедра вела в прохладу внутренних покоев.

Привратник-араб в феске и белом платье, вычищенном и накрахмаленном, точно стихарь епископа, и перепоясанном малиновым кушаком, сонно восседал у ворот. Он почтительно встал и поклонился, когда мировой судья мистер Реппингтон и санитарный инспектор мистер Брезертон прошествовали мимо него в бар.

В ознаменование сердечного согласия и совместного правления французские чиновники были приняты в почетные члены клуба, а фотография предыдущего президента Франции («Мы не в состоянии, – сказал майор Лепперидж, – перевешивать фотографии всякий раз, когда лягушатники расквакаются») висела в курительной комнате напротив портрета принца Уэльского; впрочем, за исключением праздничных вечеров, французы редко пользовались своей привилегией. Единственным французским журналом, который выписывал клуб, был «Ля ви паризьен», который в указанный вечер находился в руках коротышки с плебейской внешностью, одиноко сидевшего в плетеном кресле.

Реппингтон и Брезертон раскланивались на ходу:

- Добрый вечер, Грейнджер.
- Добрый вечер, Баркер.
- Добрый вечер, Джаггер.

А затем, понизив голос, но довольно отчетливо, Брезертон поинтересовался:

- Что это за малый вон там в углу с «Ля ви»?
- Зовется Бруксом. Нефть или еще что-то в этом роде.
- Ага.
- Розовый джин?⁸¹
- Ага.
- Как день прошел?
- Довольно-таки паршиво. Проблемы с осушением крикетного поля. Никакой подпочвы.
- Ага. Паршиво, да.

Бармен, уроженец Гоа, поставил перед ними напитки. Брезертон подмахнул счет.

- Будем здоровы!
- Будем здоровы!

⁸⁰ Абиссиния – современная Эфиопия.

⁸¹ Розовый джин – коктейль, ставший модным в Англии в середине XIX века, состоит из плимутского джина с примесью ангостуры (темно-красной горькой настойки), которая делает весь напиток розоватым.

Мистер Брукс по уши погрузился в «Ла ви паризьен».

Тут вошел майор Лепперидж, и возникло ошутимое напряжение. (Он был командиром местного гарнизона, откомандированным из Индии.)

– Вечер добрый, майор, – (штатские).

– Добрый вечер, сэр, – (военные).

– Добрый. Добрый. Добрый. Фух. Только что набегался по корту с молодым Кентишем. Укрепляющего мне. Джин с лаймом. Кстати, Брезертон, крикетное поле будто куры общипали.

– Я знаю. Нет подпочвы.

– Я и говорю, дело дрянь. Никакой подпочвы. Ну, вы уж постарайтесь, там же есть парни, которые могут помочь. Выглядит ужасно. Плешь на плечи, а посередине огромное озеро.

Майор взял свой джин с лаймом и направился было к стулу, но внезапно заметил мистера Брукса, и его властность разом смягчилась до непривычного дружелюбия.

– Ба, привет, Брукс! Как поживаете? – сказал он. – Рад встретить вас снова. С возвращением! Имел удовольствие видеть вашу дочь в теннисном клубе только что. Моя благоверная спрашивала, не согласится ли она пообедать с нами как-нибудь вечером? Как насчет вторника? Замечательно! Жена будет в восторге. Доброй ночи, друзья. Нужно принять душ.

Происшествие было из ряда вон. Брезертон и Риппингтон уставились друг на друга, будто громом пораженные.

Майор Лепперидж как по рангу, так и по личным качествам был влиятельнейшим человеком в Матоди – и конечно же, во всей Азании, если не принимать во внимание верховного комиссара в Дебра-Дове. Непостижима была сама мысль, что Брукс может ужинать у Леппериджей. Брезертон отужинал у них всего раз, а он – правительство как-никак.

– Привет, Брукс, – сказал Риппингтон. – Не увидел вас за вашей прессой. Идите-ка сюда, выпьем.

– И то верно, Брукс, – сказал Брезертон. – Не знал, что вы вернулись. Ну как, повеселились в отпуске? Какие спектакли видели?

– Вы очень добры, но мне нужно идти. Мы прибыли во вторник на «Нгоме». Нет. Я не видел ни одного спектакля. Большую часть времени я провел в Борнмуте.

– По одной на посошок!

– Нет, благодарю вас, честное слово, мне нужно бежать. Дочка будет ждать. Но все равно спасибо. Увидимся.

Дочка?..

II

В Матоди было всего восемь англичанок, считая двухлетнюю дочурку миссис Брезертон, девять, если включить в этот список миссис Макдональд (но никто не включал в него миссис Макдональд: она приехала из Бомбея и множество симптомов выдавали несомненное наличие азиатской крови в ее жилах. К тому же никто доподлинно не знал, кем был мистер Макдональд. Миссис Макдональд держала на окраине города пансион с дурной репутацией под названием «Бугенвиллея»). Все особы брачного возраста уже состояли в браке и владели жизнь под взаимным присмотром, слишком пристальным и неусыпным для любовных историй. Зато неженатых англичан в Матодии было семеро – трое на государственной службе, трое торговцев и один бездельник, сбежавший в Матоди от своих кенийских кредиторов. (Иногда он туманно упоминал об «озеленении» и «изысканиях», а тем временем каждый месяц получал денежный перевод и день-деньской болтался с приветливым видом в клубе и на теннисных кортах.)

Считалось, что у большинства этих самых холостяков на родине остались девушки; они хранили у себя в комнатах их фотографии, регулярно писали длинные письма, а когда уезжали, то намекали, что из отпуска, скорее всего, вернутся не одни. Но неизменно возвращались в

одинокости. Возможно, в своем безудержном стремлении к сочувствию они слишком мрачными красками рисовали азанийскую жизнь, а может, тропики пагубно подействовали на их мозги...

Как бы то ни было, явление Прунеллы Брукс подняло в английском обществе волну возбуждения. В нормальных обстоятельствах для дочери агента нефтяной компании мистера Брукса выбор должным образом ограничился бы тремя коммерсантами: мистером Джеймсом из компании «Истерн Иксченж Телеграф», а также мистерами Уотсоном и Джаггером из банка, – но Прунелла была девушкой настолько неоспоримых личных преимуществ, что в первый же свой день на теннисном корте, как уже было показано выше, без усилия и даже неосознанно вышла из тени и шагнула напрямик в святая святых – в бунгало Леппериджа.

Миниатюрная и непосредственная, яркая блондинка с нежной, свежей кожей – вдвойне пленительной на фоне иссушенных тропиками загорелых лиц вокруг; гибкие, юные руки и ноги, личико, светившееся щенячьим восторгом даже от самых пустых шуток; а еще серьезный интерес к мнениям и опыту каждого встречного и поперечного; прирожденная наперсница, она не стремилась стать центром внимания, а скорее была склонна общаться с друзьями наедине, когда в ней нуждались, уделяя каждому свое время; почтительная и очаровательная с замужними дамами; нежная, дружелюбная и слегка кокетливая с мужчинами; ловкая и умелая в играх, но не настолько, чтобы поколебать мужское превосходство; преданная дочь, отказывающая себе в любом удовольствии, которое могло нарушить незыблемый распорядок дома Бруксов: «Нет, я должна идти. Я не могу допустить, чтобы папа вернулся из клуба и не застал меня дома. Я должна его встретить», – такая девушка и вправду могла бы стать светочем и благословением любого форпоста империи. И через несколько дней все в Матоди на разные лады заговорили о своей большой удаче.

Разумеется, первым делом ее должны были экзаменовать и проинструктировать матроны колонии, но она подчинилась обряду посвящения с таким кротким благодушием, словно и не подозревала об опасностях испытания, уготованного ей миссис Лепперидж и миссис Риппингтон. В глубоких дебрях страны, в не знающих солнечного света потайных чащобах – там, где перекрученный стебель поперек тропы в джунглях, тряпка, развевающаяся на суку, обезглавленная домашняя птица, распростертая на старом пне, отмечали табу, которое не мог преступить ни один мужчина, – женщины сакуйя пели свою первобытную литанию инициации; а здесь, на склоне холма, за чайным столом миссис Лепперидж творилась не менее жуткая церемония. Сначала вопросы: замаскированные и деликатные за чайным пирогом, но ускоряющие свой темп по мере того, как нарастал племенной ритм, а со стола убирали поднос и чайник. Они обрушивались все быстрее и быстрее, как иступленные руки на натянутую коровью шкуру, росли и набухали с первой сигаретой; последовательность настойчивых, властных допросов. На все вопросы Прунелла отвечала с послушной простотой. Вся ее жизнь, воспитание и образование были извлечены на свет, изучены и признаны образцовыми; смерть матери, заботы тетушки, школа при монастыре в пригороде, привившая ей очаровательные манеры, готовность найти хорошего мужа и обосноваться с ним там, куда призовет его служба; ее вера в узкий семейный круг и европейское образование, увлечение спортом, ее любовь к животным и нежное покровительственное отношение к мужчинам.

Затем, когда она доказала, что достойна этого, настал черед наставлений. Интимные детали здоровья и гигиены, то, что должна знать каждая девушка, общие опасности секса и особые – в тропиках; правильное обращение с остальными обитателями Матоди; этикет по отношению к дамам более высокого ранга, визитные карточки... «Никогда не здоровайтесь за руку с туземцами, какими бы высокообразованными они себя ни мнили. Арабы – другое дело, многие из них почти как джентльмены... не хуже большинства итальянцев, право слово... С индийцами, к счастью, вам не придется встречаться... никогда не позволяйте туземным слугам видеть вас в халате... и будьте крайне внимательны насчет штор на окне в ванной –

туземцы подглядывают... никогда не ходите в одиночку по переулкам – на самом деле вам там совершенно нечего делать... никогда не катайтесь верхом одна за пределами нашего поселка. Было несколько случаев нападения разбойников... вот только в прошлом году напали на американского миссионера, правда, он был настоящим нонконформистом⁸²... мы не должны подвергать себя ненужному риску, таковы наши обязательства перед нашими мужчинами... шайка разбойников под предводительством сакуйя по имени Джоав... майор скоро разделается с этими бандитами – вот только приведет новобранцев в надлежащую форму. Их положение сейчас незавидное... а пока что самое главное правило безопасности – повсюду ходить с мужчиной...

III

И Прунелла никогда не ведала недостатка в провожатых. Шли недели, и для бдительной колонии наконец стало ясно, что ее выбор сузился до двух претендентов: мистера Кентиша, помощника местного комиссара, и мистера Бенсона, младшего лейтенанта местного гарнизона. Это не означало, что она перестала быть неизменно очаровательной со всеми остальными, даже с омерзительным мистером Джаггером и нахлебником, живущим на переводы из дому, но разнообразными знаками предпочтения она дала понять, что Кентиш и Бенсон – ее фавориты. Теперь исследование ее невинных романов с обоими претендентами возродило интерес к общественной жизни города. Конечно, у него и до этого было немало развлечений: джимханы⁸³ и теннисные турниры, танцы и званые обеды, визиты и сплетни, любительская опера и, наконец, церковные базары (впрочем, то были события безрадостные и исполненные осознания долга). Англичане сознавали свое бремя, живя за границей; им нужно было держать марку перед туземцами и их сорадетелями; им надо было о чем-то писать домой; посему они стойко сносили однообразные мероприятия, положенные по статусу. Но с появлением Прунеллы все озарилось новым светом, стало больше вечеринок, больше танцев, все обрело новый смысл. Мистер Брукс, до этого никогда не обедавший вне дома, внезапно стал нарасхват, а поскольку прежняя отчужденность от общества нисколько его не волновала, свою нынешнюю популярность он воспринял как естественный результат дочкиного обаяния – с удовольствием и некоторым смущением. Он осознавал, что вскоре ей захочется выйти замуж, и воспринимал это как неизбежную перспективу собственного возвращения к одиночеству.

Бенсон и Кентиш тем временем шли ноздря в ноздю сквозь буйство и суматоху азанийской весны, и никто не мог с уверенностью сказать, кто же из них лидирует. Ставки понемногу склонялись в пользу Бенсона, который танцевал с девицей на вечерах Каледонского клуба и клуба игроков в поло, когда разразилось бедствие, потрясшее азанийцев до глубины души. Прунеллу Брукс похитили.

Обстоятельства похищения были туманными и немного сомнительными. Прунелла, которая, как известно, никогда ни на йоту не отступала от постулатов местного кодекса, одна каталась верхом по холмам. Это обстоятельство выяснилось с самого начала дознания, а позднее, на перекрестном допросе, конюх признался, что барышня шалила так уже некоторое время, дважды или трижды в неделю. Ее пренебрежение правилами вызвало в сообществе почти такой же сильный шок, как и само ее исчезновение.

Но худшее было впереди. Однажды вечером в клубе (мистер Брукс отсутствовал: его популярность за последние несколько дней померкла, а его присутствие создавало болезнен-

⁸² *Нонконформизм* – неприятие существующего порядка и ценностей, и одновременно – течение в англиканской церкви.

⁸³ *Джисмхана* – англо-индийское выражение, происходящее от персидского «Джамат-хана» и широко распространившееся в Британской империи. Первоначально означало «место общего собрания», в описываемое время означало «смешанные спортивные состязания».

ную скованность) мужчины без тени смущения обсуждали тайные поездки Прунеллы, и вдруг в разговор ворвался слегка нетрезвый голос.

– Все всплывет, так или иначе, – сказал беглец из Кении. – Так что я могу вам признаться прямо сейчас. Прунелла обычно каталась верхом со мной. Она не хотела, чтобы о нас судачили, так что мы встречались у мусульманских гробниц, на дороге в Дебра-Дову. Я буду скучать по тем вечерам, очень-очень, – продолжил он, и в голосе его слышалась алкоголическая дрожь, – и я в значительной степени виню себя за всё, что случилось. Видите ли, я, должно быть, выпил немного больше, чем следовало, в то утро, а еще стояла сильная жара, так что одно наложилось на другое, и, переодеваясь в бриджи для верховой езды, я заснул и проснулся только после обеда. И возможно, мы больше никогда ее не увидим... – И две громадные слезы скатились по его щекам.

Сие недостойное мужчины зрелище разрядило обстановку, поскольку Бенсон и Кентиш уже начали угрожающе надвигаться на горемыку. Но карать того, кто и так уже погрузился в бездонные глубины жалости к самому себе, – удовольствие сомнительное, да и строгий голос майора Леппериджа призвал их к порядку:

– Бенсон, Кентиш, не могу сказать, что не сочувствую вам, ребята, и что точно знаю, как бы я сам поступил в подобных обстоятельствах. История, которую мы только что услышали, может быть правдой, а может ею и не быть. В обоих случаях мне кажется, что я знаю, какие чувства мы все испытываем к рассказчику. Но это подождет. У нас будет масса времени все уладить, когда мисс Брукс окажется в безопасности. Это наш первейший долг.

Мобилизованное таким образом общественное мнение вновь сплотилось вокруг Прунеллы, и срочность ее дела была драматически подчеркнута два дня спустя прибытием в американское консульство правого уха баптистского миссионера, ухо было небрежно завернуто в газету и перевязано бечевкой. Мужчины колонии – за исключением, разумеется, кенийского нахлебника – собрались в бунгало Леппериджей и создали комитет обороны – прежде всего, для защиты тех женщин, которые у них еще остались, а во вторую очередь – для спасения мисс Брукс, каких бы лишений и риска оно ни подразумевало.

IV

Первое требование выкупа поступило через посредничество мистера Юкумяна. Английское сообщество уже хорошо знало маленького армянина и в общем-то относилось к нему с приязнью; как славно, что нашелся иностранец, который в такой полноте отвечал их представлениям о том, каким идеальный иностранец должен быть. Два дня спустя после основания Британского комитета защиты женщин он появился в опрятной комнате майора, предварительно испросив приватной аудиенции, – жизнерадостный, пухлый, подбострастный человек в лоснящемся костюме из альпаки, круглой шапочке на макушке и желтых штиблетах с резинками сбоку.

– Майор Лепперидж, – сказал он, – вы меня знаете; все джентльмены Матоди меня знают. Англичане – мои любимые джентльмены, прирожденные защитники низших рас, не хуже самой Лиги Наций. Слушайте, майор Лепперидж, у меня ушки на макушке, мне все доверяют. Не дело это, что черные мужчины похищают английских леди. Я могу все устроить о'кей.

На вопросы майора Юкумян, с бесконечными увертками и обиняками, пояснил, что через многочисленных дальних родственников своей жены он наладил связь с неким арабом, одна из жен которого приходилась сестрой сакуйе из банды Джоава, что мисс Брукс в настоящее время находится в безопасности и что сам Джоав расположен обсудить вопрос выкупа.

– Джоав назначил высокую цену, – сказал он. – Он хочет сто тысяч долларов, бронированный автомобиль, два пулемета, сто винтовок и пять тысяч патронов, пятьдесят лошадей,

пятьдесят золотых наручных часов, радиоприемник, пятьдесят ящиков виски, полную амнистию и звание почетного полковника азанийского гарнизона.

– Об этом, разумеется, не может быть и речи.

Маленький армянин пожал плечами:

– О, ну, тогда он отрежет уши мисс Брукс, как отрезал тому американскому священнику. Слушайте, майор, это ужасно нехорошая страна, и я живу в этой проклятой стране уже сорок лет и знаю, что говорю. Я был человек маленький, и я был большой человек в этой стране, и в ней для больших и крошек одни и те же правила. Если местный хочет, чтобы вы ему что-то дали быстро, так дайте, а потом устройте ему адское пекло и отберите все назад. Туземцы – чертовы дураки, но все они дикие, как звери. Слушайте меня, майор, я делаю лучший виски в Матоди – скотч, ирландский, все марки. В лавке у меня есть чудные наручные часы – не отличишь от золотых. А броневик, лошадки и пулеметы – это по вашей части. Так уладим все дельце пополам, нет?

V

Два дня спустя мистер Юкумян появился на пороге бунгало мистера Брукса.

– Письмо от мисс Брукс, – сообщил он. – Его доставил один сакуйя, я дал ему рупию.

Неряшливые каракули внутри конверта сообщали:

Дорогой папочка!

Сейчас я в безопасности и вполне здорова. Ни в коем случае не выслеживайте посланника. Джоав и его разбойники запытают меня до смерти. Пожалуйста, пришли граммофон и пластинки. Выполни его условия, иначе я не знаю, что случится.

Прунелла

Таково было первое из серии посланий, которые стали приходить каждые два-три дня через посредничество мистера Юкумяна. В основном они содержали просьбы прислать те или иные личные вещи...

Дорогой папочка!

Не эти пластинки. Нужны те, что с танцевальной музыкой... Пришли, пожалуйста, крем для лица – в баночке из ванной, а еще иллюстрированные журналы... зеленую шелковую пижаму... сигареты «Лаки страйк»... две легкие тиковые юбки и шелковые блузки без рукавов...

Письма были принесены в клуб и прочитаны вслух, и по прошествии нескольких дней напряжение начало спадать и возникло общее ощущение, что драма превратилась в прозу.

– Они обязаны снизить цену. Девушка пока что в безопасности, – объявил майор Леперидж, авторитетно выразив то, что долгое время невысказанно вертелось в умах сообщества.

Жизнь города начала возвращаться в привычное русло: хозяйственные дела, спорт, сплетни. Прибытие второго уха американского миссионера не вызвало большого шума, разве что мистер Юкумян немедленно раздобыл слуховую трубку и попытался продать ее штаб-квартире миссии. Дамы колонии оставили затворническую жизнь, которую вели, испугавшись поначалу. Мужчины ослабили пригляд и, как и прежде, засиживались в клубе допоздна.

И тогда случилось нечто, оживившее интерес к пленнице. Сэм Стеббинг обнаружил шифр.

Это был утонченный и сверхобразованный молодой человек, недавно прибывший из Кембриджа, дабы посвятить себя службе в иммиграционном отделе у Грейнджера. С самого начала он проявлял к случившемуся более горячий интерес, чем прочие его коллеги. Две недели изнуряющей жары он просиживал до зари, изучая тексты сообщений Прунеллы. Затем он явился и ошеломил всех сообщением, что письма были зашифрованы. Система, с помощью которой он это распознал, была далеко не из простых. Он был готов растолковать ее в подроб-

ностях, но слушатели неизменно теряли нить, упускали доводы и довольствовались результатом...

– Видите ли, если перевести это на латынь, то получается анаграмма между первым и последним словом первого сообщения и вторым и последним словом третьего, если считать с середины. Бьюсь об заклад, это сбило разбойников с толку...

– Да, старина. К тому же никто из них вообще не умеет читать...

– Затем в четвертом сообщении возвращаемся к первоначальной системе, берем четвертое слово, но с конца...

– Да-да, я понял. Не надо дальше объяснять. Просто скажи нам, что там на самом деле сказано.

– Там сказано: «С КАЖДЫМ ДНЕМ СМЕРТЬ ВСЕ ЖИЖЕ», – тут ее система дала сбой, видимо, не «жиже» а «ближе». Потом я не смог расшифровать слово «ПЛЗГФ», бедняжка, несомненно, находилась в сильном возбуждении, когда писала это, а в конце значит: «УПО-ВАЮ НА МОЕГО КОРОЛЯ».

В целом это был настоящий триумф. Мужья принесли новость женам:

– Стеббинг чертовски изобретательно все это расшифровал. Не стану утруждать, вдаваясь в подробности, ты все равно не поймешь. В любом случае результат ясен как день. Мисс Брукс в ужасной опасности. Мы все должны что-нибудь сделать.

– Кто бы мог подумать, что малышка Прунелла такая находчивая...

– А я всегда говорила, что у этой девочки есть голова на плечах.

VI

Новость об этом открытии облетела новостные агентства всего цивилизованного мира. Поначалу похищение вызвало огромное внимание. В течение двух дней сообщение о нем появлялось на первой полосе, с портретом, затем на развороте – тоже с портретом, и наконец – на третьей странице «Экссесса», по мере того как история становилась день ото дня менее тревожной. Шифр дал истории новое дыхание. Портрет Стеббинга появился на первой странице. Газета предложила десять тысяч фунтов для выкупа, и звезда журналистики спустилась с небес на аэроплане, чтобы вести переговоры и сделать о них репортаж.

Это был крепкий молодой человек родом из Австралии, и с его появлением все завертелось с большим размахом. Проглотив свою обычную враждебность к прессе, обитатели поселения приняли его в клуб и заполнили его досуг коктейлями и теннисными состязаниями. Он даже узурпировал место Леппериджа в качестве авторитета по общемировым вопросам.

Однако его пребывание было кратким. В первый день он взял интервью у мистера Брукса и всех важных лиц городка и телеграфировал трогательную «человечную» историю о том, как Прунелла стала сердцем поселения. С этого дня для почти трехмиллионной читательской аудитории мисс Брукс стала просто Прунеллой. (Журналисту не удалось встретиться лишь с одной местной знаменитостью. Бедный мистер Стеббинг занемог, получив тепловой удар, и был отправлен морем на лечение в Англию в крайне расстроенном состоянии нервов и разума.)

На второй день репортер интервьюировал мистера Юкумяна. Они засели с бутылочкой мастики за круглый стол позади прилавка в магазинчике мистера Юкумяна в десять утра. Было уже три часа пополудни, когда репортер вышел на белую пыльную жару, но своего он добился. Мистер Юкумян пообещал отвести его в разбойничий лагерь. Оба поклялись хранить все в тайне. К закату весь Матоди обсуждал предстоящую экспедицию, но журналиста никто не смущал расспросами. В тот вечер он сидел один, печатая отчет о том, что, как он предполагал, произойдет на следующий день.

Он описал выступление на заре: «Серый свет занимается над осиротевшим поселением Матоди... верблюды фыркают и натягивают поводья... множество горестных англичан, для

которых солнце означает лишь завершение еще одной ночи безнадежного созерцания... серебряные рассветные лучи врываются в комнатку Прунеллы, скользят по откинтому покрывалу на кровати – таким она оставила его в тот роковой день...» Он описал подъем в горы, где «... роскошная тропическая растительность уступает место бесплодному кустарнику и голым скалам...». Описал, как «посланец разбойников завязал ему глаза и как он, покачиваясь на спине верблюда, ехал в неизвестность, объятый мраком. А затем, спустя, казалось, вечность, – остановка... повязку долой... разбойничий лагерь... двадцать пар безжалостных восточных глаз поверх жуткого вида винтовок...». Тут он вынул лист из печатной машинки и внес исправление. Разбойничье логово должно находиться в пещере, «усеянной костями и шкурами»... Джоав, атаман разбойников, сидел на корточках во всем своем варварском великолепии, держа на коленях меч, украшенный драгоценными камнями. И наконец, кульминация рассказа – Прунелла связана. Какое-то время он лелеял идею ее раздеть и начал было ковать словесное изображение девического тела, сжавшегося в полумраке, подобно Андромеде. Но благоразумие возобладало, и он удовольствовался «ее прекрасным, стройным станом, перетянутым пеньковой веревкой, впившейся в юные лодыжки и запястья...». Заключительный абзац он посвятил тому, как внезапно отчаяние растаяло в ее глазах, уступив место надежде, когда он сделал шаг вперед, протягивая выкуп атаману, и «...от имени „Дейли экссесс“ и народа Великобритании вернул ей достояние свободы».

Закончил он уже поздно ночью, зато спать лег с чувством глубочайшего удовлетворения, а наутро, прежде чем отправиться с мистером Юкумяном в горы, сдал рукопись в «Восточную телеграфную компанию».

Экспедиция ни в малейшей степени не походила на то, что он описал в своем повествовании. После плотного завтрака в уютной атмосфере они выступили, провожаемые большинством англичан и многими жителями французской общины. Все желали им удачи. Однако вместо поездки верхом на верблюдах они отправились на малыше-«остине» мистера Кентиша. Не добрались они и до логова Джоава. Отъехав не более десяти миль, они увидели девушку, идущую в одиночестве по дороге им навстречу. Выглядела она не слишком опрятно, особенно это касалось прически, но во всем остальном демонстрировала все признаки крепкого здоровья.

– Мисс Брукс, я полагаю? – спросил журналист, бессознательно следуя известному прецеденту. – Но где же разбойники?

Прунелла вопросительно посмотрела на мистера Юкумяна, а тот, стоя в нескольких шагах позади, энергично затряс головой.

– Это британский писучий джентльмен из газеты, – пояснил тот. – Он знакомец всех джентльменов в Матоди. Он имеет тысячу фунтов для Джоава.

– Что ж, тогда ему лучше поостеречься, – сказала мисс Брукс. – Разбойники повсюду вокруг нас. О, вы их, конечно, не видите, но я могу побиться об заклад, что пятьдесят стволов целятся в нас прямо сейчас из-за холмов, валунов и прочего. – Она взмахнула загорелой рукой, широким жестом охватив безмятежный с виду пейзаж. – Надеюсь, выкуп вы доставили в золоте?

– Все здесь, на заднем сиденье машины, мисс Брукс.

– Великолепно. Но боюсь, Джоав не пустит вас в свое логово, так что мы с вами подождем здесь, а Юкумян отвезет выкуп в горы.

– Но послушайте, мисс Брукс, моя газета вложила уйму денег в эту историю. Я должен увидеть логово.

– Я сама все расскажу вам о нем, – пообещала Прунелла. Сказано – сделано. – Там три хижины, – начала она ровным и мягким голосом, опустив глаза и скрестив руки, будто повторяла урок, – самая тесная и мрачная служила мне темницей.

Репортер беспокойно поежился.

– Хижины, – сказал он. – У меня сложилось впечатление, что это должны быть пещеры.

– Так и есть, – сказала Прунелла. – На местном наречии «хижина» означает «пещера». День и ночь меня сторожили два льва на цепи. Глаза их сверкали, я чувствовала их зловонное дыхание. Цепи их были такой длины, что, пока я лежала совершенно неподвижно, я была для них недосыгаема, но стоило мне пошевелиться... – Она умолкла и слегка содрогнулась.

К тому времени, когда вернулся Юкумян, у журналиста уже был готов материал для новой эффектной истории на первой полосе.

– Джоав отдал приказ убрать снайперов, – объявила Прунелла, шепотом посовещавшись с армянином. – Теперь путь безопасен, мы можем уехать.

Они сели в автомобильчик и без приключений вернулись в Матоди.

VII

Осталось рассказать самую малость. Город воспринял возвращение Прунеллы с горячим энтузиазмом, а власти устроили в ее честь официальный прием в следующий же вторник. Журналист сделал множество фотографий, описал сцену возвращения домой, взволновавшую британскую общественность до глубины души, и вскоре улетел на своем аэроплане, чтобы получить поздравления и поощрения в редакции «Дейли экссесс».

Ожидалось, что теперь Прунелла сделает наконец выбор между Кентишем и Бенсоном, но в этом удовольствии колонии было отказано. Напротив – разведка донесла огорчительную весть, что она возвращается в Англию. Казалось, свет, озарявший жизнь азанийцев, померк, и, вместо того чтобы, как водится, пожелать ей доброго пути, вся колония накануне ее отбытия проявляла сдержанность – почти негодование, – словно своим отъездом Прунелла совершала неслыханное предательство. «Экссесс» посвятила ее возвращению коротенькую заметку, озаглавленную «ОТЗВУКИ ДЕЛА О ПОХИЩЕНИИ», но в остальном она, похоже, благополучно ускользнула от внимания публики. Стеббинг – бедняга – был вынужден уволиться со службы. Рассудок его, похоже, навсегда повредился, и с тех пор он проводил свои дни – без вреда, но и безо всякой пользы – в частном приюте, выискивая скрытые сообщения в «Железнодорожном справочнике Брэдшоу». Даже в Матоди все реже вспоминали похищение.

Как-то раз, шесть месяцев спустя, Лепперидж и Брезертон сидели в клубе за вечерним бокалом розового джина. Вокруг все только и говорили что о разбойниках, потому что в то самое утро у ворот баптистской миссии было найдено лишенное рук и ног тело очередного американского проповедника.

– Это одна из проблем, которые нам придется решать, – сказал Лепперидж. – Повод к действиям. Я собираюсь составить подробный отчет обо всем этом.

Мимо них прошел мистер Брукс, направляясь к своему уединенному обеденному столу; теперь он редко заходил в клуб – нефтяное агентство неуклонно процветало, заставляя его допоздна сидеть за рабочим столом. Он не помнил о своей недолгой популярности и не сожалел о ней, однако Лепперидж при встрече всегда относился к нему с виноватой сердечностью.

– Вечер добрый, Брукс. Есть новости от мисс Прунеллы?

– Да, кстати сказать, как раз сегодня она сообщила мне, что вышла замуж.

– Что ж, рад за нее... Надеюсь, вы счастливы. Кто-то из знакомых?

– Да, я счастлив в некотором смысле, хотя, конечно, я буду по ней скучать. Этот тот парень из Кении, который жил здесь одно время. Помните его?

– Ах да, тот самый? Ну-ну... Передавайте дочери наше «салам», когда будете ей писать.

Мистер Брукс сошел по лестнице в тихий и душистый вечер. Лепперидж и Брезертон остались совершенно одни. Майор наклонился к собеседнику и заговорил хриловатым, доверительным тоном:

– Послушайте, Брезертон. Вот что я вам скажу: я давно уже об этом задумываюсь, строго между нами, разумеется. Не кажется ли вам, что у этого похищения есть некий сомнительный душок?

– Душок, сэр?

– Душок.

– Кажется, я понимаю, о чем вы, сэр. Ну, кое-кто из нас в последнее время задумывался...

– Вот именно.

– Конечно, ничего определенного. Просто, как вы и сказали, некий сомнительный душок.

– Именно... Слушайте, Брезертон. Думаю, вы могли бы передать всем, что это не тема для обсуждения. Моя благоверная оповестит о том же дам...

– Конечно, сэр. Это не то, о чем хочется болтать... Я имею в виду арабов и лягушатников.

– Именно так.

Повисла еще одна долгая пауза. Наконец Лепперидж поднялся, чтобы уйти.

– Я виню себя, – произнес он. – Мы сильно ошиблись насчет этой девушки. Мне следовало быть прозорливее. В конце концов, когда все уже сказано и сделано, Брукс прежде всего коммерция-валла⁸⁴.

⁸⁴ *Коммерция-валла* – калька с арабского; здесь: знаток коммерции.

Бал Беллы Флис

Баллингара расположен в четырех с половиной часах езды от Дублина, если успеть на ранний поезд со станции Бродстон, и в пяти часах с четвертью, если выехать пополудни. Это торговый центр большого и сравнительно густонаселенного района. Здесь имеется красивая протестантская церковь в готическом стиле 1820 года постройки по одну сторону площади, а напротив – огромный недостроенный католический собор, задуманный в той безответственной мешанине архитектурных стилей, которая столь мила сердцу заморских пиелистов⁸⁵. Ближе к границам площади латинский алфавит на фасадах магазинов постепенно вытесняется подобием кельтского письма. Все они торгуют одними и теми же товарами разной степени ветхости. И «Лавка Муллигана», и «Лавка Фланнигана», и «Лавка Райли» – в каждой продаются грубые черные башмаки, подвешенные в связках, мылкий колониальный сыр, скобяные товары и галантерея, растительное масло и конская упряжь, и каждая имеет лицензию на продажу эля и портера для употребления внутри или «навынос». Остов казарм стоит с зияющими оконными рамами и почерневшим нутром, словно памятник эмансипации. На почтовом ящике кто-то вывел дегтем надпись: «Папа римский – предатель». Типичный ирландский городок.

Флистаун находится в пятнадцати милях от Баллингара, на прямой ухабистой дороге, пролегающей через типичную ирландскую глубинку. Призрачные фиолетово-пурпурные холмы вдаль, а между ними и дорогой, по одну ее сторону, едва видимые сквозь клочья белого тумана, непрерывные мили болот, усеянных кое-где штабелями нарезанного торфа. С другой стороны дороги почва поднимается к северу, неравномерно разделенная валами и каменными стенами на пустые поля, на которых гончие Баллингара проводят свои самые насыщенные событиями охоты. Все устилает мох. Грубым зеленым ковром на стенах и валах, мягким зеленым бархатом на древесине – он размывает границы, и невозможно понять, где заканчивается земля и начинается ствол или каменная кладка. На всем протяжении от Баллингара расположена череда беленых хижин и около дюжины довольно внушительных фермерских домов. Но господский дом находится не здесь, поскольку все это было собственностью Флисов во времена, предшествующие Земельной комиссии⁸⁶. Поместная земля – это все, что ныне принадлежит Флистауну и сдается под пастбища окрестным фермерам. Несколько грядок составляют небольшой огород за каменным забором. Остальное пришло в упадок – колючий кустарник, лишенный съедобных плодов, разросся среди сорных, постепенно дичающих цветов. Оранжереи и теплицы вот уже десять лет как превратились в продуваемые сквозняками скелеты. Внушительные ворота в георгианском арочном портале постоянно закрыты на висячий замок, сторожки и флигели заброшены, а полоса главной подъездной аллеи еле видна в густой траве. К дому можно подобраться через ферму в полумиле отсюда, по тропе, унавоженной скотом.

Но сам дом в то время, о котором мы повествуем, находился в относительно хорошем состоянии – если сравнивать его с Баллингара-Хаусом, замком Бойкотт или Нод-Холлом. Ему, конечно же, не соперничать с Гордонтауном, где американка леди Гордон провела электричество, установила центральное отопление и лифт, или с Мок-Хаусом, или с Ньюхиллом, которые были сданы в аренду щеголеватым и спортивным англичанам, или с Касл-Мокстоком, с тех пор как лорд Моксток унизился до неравного брака. Эти четыре поместья с аккуратно просеянным гравием на дорожках, ванными и динамо-машинами были как достопримечательностями, так

⁸⁵ *Пиетизм* – реформаторское движение; протестанты бурно возмущались излишней пышностью католических церквей.

⁸⁶ *Земельная комиссия* была создана в 1881 году как единый орган по установлению арендной платы согласно Закону о земле, также известному как Второй Закон о земле Ирландии. В течение столетия эта организация отвечала за перераспределение сельскохозяйственных угодий на большей части территории Ирландии.

и темой для шуток по всей стране. Но Флистаун, выдержав честную конкуренцию с истинно ирландскими домами Свободного государства⁸⁷, был более чем пригоден для жизни.

Крыша была цела, а именно крыша определяет разницу между вторым и третьим классами ирландских сельских домов. Стоит ей прохудиться, и вот уже у вас мох в спальне, папоротники на лестнице и коровы в библиотеке, и через несколько лет вам придется перебраться жить на маслобойню или в одну из сторожек. Но покуда у ирландца – в буквальном смысле – есть крыша над головой, его дом остается его крепостью. Были слабые стороны и у Флистауна, но общее мнение сводилось к тому, что свинцовые пластины кровли протянут еще лет двадцать и, безусловно, переживут нынешнюю владелицу.

Мисс Аннабель Рошфор Дойл Флис – назовем ее полным именем, под которым она указана в справочниках, хотя всей округе она была известна как Белла Флис, – была последней представительницей своего семейства. Флисы да Флейсеры проживали в Баллингаре и окрестностях со времен Стронгбоу⁸⁸, и фермерские строения отмечали места их обитания в укрепленном форте за два столетия до нашествия всяких Бойкоттов, Гордонов и Мокстоков. В бильярдной висело фамильное древо, еще в девятнадцатом веке завизированное Геральдической палатой. Оно демонстрировало, каким образом изначальный род слился с не менее древними Рошфорами и респектабельными, хотя и более поздними Дойлами. Нынешний дом приобрел свои экстравагантные очертания в середине восемнадцатого столетия, когда семейство хоть и несколько ослабело, однако еще не утратило богатства и влияния. Было бы утомительно проследивать его постепенный упадок, достаточно сказать, что виной тому было не героическое распутство. Просто Флисы незаметно беднели, как беднеют семьи, которые не прилагают никаких усилий, чтобы поддержать себя. В последних поколениях тоже проглядывали черты эксцентричности. Например, мать Беллы Флис – О'Хара из Ньюхилла – от первого дня замужества и до самой смерти своей страдала заблуждением, что она негритянка. Ее брат, от которого она получила наследство, посвятил себя живописи. Его мысли были заняты незатейливой темой убийства, и ко времени своей смерти он запечатлел на картинах практически все исторические эпизоды на эту тему от Юлия Цезаря до генерала Уилсона. Он работал над картиной, изображением собственного убийства, во время смуты, когда его подкараулили и застрелили из дробовика на его же подъездной аллее.

Именно под одной из картин кисти брата – «Авраам Линкольн в своей театральной ложе» – сидела Белла Флис тем бесцветным ноябрьским утром, когда ее осенила идея устроить рождественскую вечеринку. Подробно описывать внешность мисс Флис нет необходимости – это бы только сбilo с толку, поскольку наружность по большей части противоречила чертам ее характера. Ей было за восемьдесят, была она очень неопрятна и очень румяна. Седые волосы были скручены на затылке в узелок, выбившиеся тонкие прядки свисали вокруг щек. Нос у нее был внушительный, с голубыми прожилками, а глаза – млечно-голубые, пустые и безумные. Улыбалась она задорно, а выговор выдавал ирландку. Она ходила, опираясь на палку, охромев много лет назад, когда лошадь протащила ее по камням на исходе долгого дня, проведенного с баллингарскими гончими. Подвыпивший охотничий лекарь довершил ущерб, и она больше уже не могла ездить верхом. Она присутствовала на охоте, передвигаясь пешком, наблюдая за собаками, прочесывающими звериные логовища, и громко критикуя поведение охотников, однако с каждым годом друзей становилось все меньше; появлялись какие-то странные лица.

Они знали Беллу, хотя она их не знала. Среди соседей она стала притчей во языцех, драгоценным посмешищем.

⁸⁷ Ирландское Свободное государство – официальное название Ирландии в 1932–1937 годах.

⁸⁸ Стронгбоу – родовое имя нескольких правителей Лагена (совр. Лейнстер) – древнего королевства на востоке Ирландии.

– Паршивый денек, – говаривали они. – Мы нашли лису, но почти тут же ее упустили. Зато видели Беллу. Интересно, как долго старушенция еще протянет? Ей же, наверное, почти девяносто. Мой папаша помнит, как она охотилась, но все тоже давно быльем поросло.

Саму Беллу, конечно же, перспектива грядущей смерти занимала все больше с каждым днем. Прошлой зимой – за год до описываемых событий – она серьезно захворала. Оправилась только в апреле, щеки ее были румяны, как и прежде, но двигалась и соображала она куда медленнее. Она дала указания относительно ухода за могилами отца и брата, а в июне совершила беспрецедентный шаг – пригласила в гости своего наследника. До сих пор она категорически не желала видеть этого молодого человека. Это был англичанин, очень дальний кузен по фамилии Бэнкс. Он жил в Южном Кенсингтоне и работал в музее⁸⁹. Он приехал в августе и писал длинные и весьма забавные письма об этом визите всем своим друзьям, а затем из этих впечатлений сложился небольшой рассказ для журнала «Спектейтор». Белла невзлюбила его, едва он ступил на порог. У него были очки в роговой оправе и голос как у диктора с радио Би-би-си. Почти целыми днями он фотографировал каминные полки Флистауна и лепнину над дверными проемами. Однажды он заявился к Белле, сгибаясь под тяжестью стопки томов в переплетах из телячьей кожи, обнаруженных им в библиотеке.

– Слушайте, а вы знали, что у вас есть эти книги? – спросил он.

– Знала, – соврала Белла.

– И всё первые издания! Они, наверное, необычайно ценные.

– Поставь их туда, откуда взял.

Позднее, благодаря ее за приглашение в гости в письме, к которому прилагались некоторые сделанные им фотографии, он снова упомянул эти книги. И Белла задумалась. С какой стати этот молодой щенок будет рыскать по дому и всему назначать цену? Она еще не умерла, думала Белла. И чем больше она об этом думала, тем отвратительнее становился ей Арчи Бэнкс. Подумать только, он отвезет ее книги в Южный Кенсингтон, поснимает ее каминные доски и, чего доброго, выполнит свою угрозу и напишет эссе о ее доме для «Архитектурал ревью»! Она часто слышала, что эти книги дорого стоят. Что ж, в библиотеке книг кучи, и с какой стати Арчи Бэнкс должен на них нажиться? И она написала букинисту из Дублина. Тот приехал, осмотрел библиотеку и какое-то время спустя предложил ей тысячу двести фунтов за всё или тысячу за те шесть книг, что приглянулись Арчи Бэнксу. Белла сомневалась, что имеет право продавать вещи из дому, полную распродажу могли бы заметить. Посему она сохранила проповеди и книги по военной истории, составлявшие львиную долю коллекции. Дублинский букинист укатил с первыми изданиями, которые в конечном итоге принесли даже меньше, чем он за них отдал, а Белла осталась в канун зимы с тысячей фунтов на руках.

Вот тогда-то ей и вздумалось устроить прием. В окрестностях Баллингара всегда хватало праздничных вечеринок на Рождество, но в последние годы Беллу ни на одну из них не приглашали – отчасти потому, что многие соседи ни разу с ней и словом не обмолвились, отчасти потому, что она и сама вряд ли захотела бы прийти, а если бы и пришла, то никто не знал бы, что с ней делать. А между тем Белла любила праздники и балы. Любила сидеть за ужином в шумной комнате, любила танцевальную музыку, любила посудачить о хорошеньких девушках и о тех, кто в них влюблен, любила выпивку и всякие вкусные штуки, которые приносили ей мужчины в розовых ливреях. И хотя она и пыталась утешиться презрительными размышлениями о происхождении хозяек, ей было досадно слышать об очередном соседском празднике, на который ее опять не пригласили.

Вот так, сидя с «Айриш таймс» под картиной с Авраамом Линкольном и пристально глядя сквозь голые деревья в парке на отдаленные холмы, Белла и решила закатить вечеринку.

⁸⁹ Имеется в виду Британский музей – центральный историко-археологический музей Великобритании и один из крупнейших музеев мира.

Она немедленно поднялась с кресла и проковыляла через комнату к звонку. Вскоре в маленькую столовую явился ее дворецкий; на нем был зеленый передник, в котором он обычно чистил серебро, а щетка для тарелок в его руках подчеркивала несвоевременность вызова.

– Вы, что ли, изволили трезвонить? – спросил он.

– Я, а кто же еще?

– Но я при серебре!

– Райли, – произнесла Белла с некоторой торжественностью в голосе. – Я собираюсь устроить рождественский бал.

– Вот те на! – сказал дворецкий. – И с чего это вам вздумалось плясать в ваши-то лета?

Но по мере того как Белла обрисовала свою идею, в глазах Райли загорелся сочувственный огонек.

– Да таких балов в наших краях не бывало уже двадцать пять лет. Такой бал будет стоить целое состояние.

– Он будет стоить тысячу фунтов, – гордо сообщила Белла.

Грянули приготовления – необходимые и грандиозные. В деревне были рекрутированы семеро новых слуг, чтобы все отмыть и отполировать, вычистить мягкую мебель и выбить ковры. Их усердие только вскрыло новые беды: гипсовая лепнина, давно уже пришедшая в негодность, крошилась под перьевыми метелками, а изъеденные червями половицы красного дерева поднимались вместе с гвоздями; голые кирпичи выглядывали из-за шкафов в главной гостиной. Вторая волна нашествия принесла с собой маляров, обойщиков и лудильщиков, и в приступе энтузиазма Белла позолотила наново карниз и капители колонн в зале. В окна вставили стекла, перила водрузили в зиявшие гнезда, а ковер на лестнице передвинули так, чтобы истертые полосы не слишком бросались в глаза.

И посреди всех этих трудов и хлопот Белла была неустоима. Мелкими шажками она сновала из гостиной в холл, по всей длинной галерее, вверх по ступеням, напутствуя наемных слуг, помогая с наиболее легкими предметами обстановки, скользя, когда пришло время, по половицам красного дерева в гостиную, где надо поработать «французским мелом»⁹⁰. Она отперла сундуки с фамильным серебром на чердаке, отыскала давным-давно позабытые фарфоровые сервизы, спустилась вместе с Райли в погреба, чтобы пересчитать залежавшиеся там несколько бутылок шампанского – теперь уже негодного и забродившего. А вечерами, когда измученные работники физического труда уходили отдохнуть и предаться своим мужланским забавам, Белла просиживала допоздна, листая страницы поваренных книг, сравнивая цены конкурирующих поставщиков провизии, сочиняя длинные и подробные письма агентам танцевальных оркестров и, самое главное, составляя список гостей и надписывая пригласительные открытки с гравировкой, двумя внушительными стопками возвышавшиеся у нее в секретере.

Расстояние в Ирландии мало что значит. Люди охотно проедут три часа, чтобы нанести послеполуденный визит, а уж ради столь знаменательного бала никакая поездка не покажется чересчур долгой. Не без мучений Белла завершила свой список с помощью подручных справочных материалов, более современных светских познаний Райли и собственной внезапно оживившейся памяти. Бодро, ровным школьным почерком она переписала фамилии и имена на открытки и подписала конверты. Работа эта стоила ей нескольких бдений допоздна. Многие из тех, чьи имена были переписаны, уже умерли или были прикованы к постели; кое-кто из тех, кого она помнила еще младенцами, уже приближались к пенсионному возрасту в разных уголках земного шара; от многих домов по указанным ею адресам после смуты остались только почерневшие остовы – их так никогда и не отстроили заново, в других домах «никто не про-

⁹⁰ *Французский мел* – порошок на основе талька, который использовался для устранения скрипа деревянных половиц и уменьшения их скользкости.

живал, кроме фермеров-арендаторов»⁹¹. Но рано или поздно всё кончается, вот и последний конверт был подписан – хотя скорее поздно, чем рано. Пришлось потратить время на приклеивание марок – и позже, чем обычно, она поднялась из-за стола. Руки и ноги у нее затекли, глаза слезились, язык облепил клей почтового министерства Свободного государства. Чувствуя легкое головокружение, она тем не менее заперла стол с осознанием, что исполнила самую серьезную часть работы по подготовке праздника. Несколько весьма заметных и преднамеренных исключений было сделано в этом списке.

* * *

– Что это за вечеринка у Беллы Флис, о которой все только и говорят? – спросила леди Гордон у леди Моксток. – Я не получала приглашения.

– Я тоже пока не получила. Надеюсь, старая кошелка не забыла обо мне. Я пойду обязательно – никогда не бывала внутри этого дома, уверена, у нее там найдется немало премиальных вещей.

С истинно английской сдержанностью леди, чей муж арендовал Мок-Холл, ничем не выдала, что ей известно о назревающем празднике во Флистауне.

Настали последние дни, которые Белла посвятила своей внешности. За последние несколько лет она купила очень мало одежды, да и дублинская портниха, с которой она обычно имела дело, закрыла свое ателье. Какое-то безумное мгновение Белла лелеяла идею съездить в Лондон или даже в Париж, и только соображения времени заставили ее отказаться от путешествия. В конце концов она отыскала магазин, который ее устроил, и купила великолепнейшее платье из малинового атласа, а к нему – длинные белые перчатки и атласные туфли. Тиары – увы! – не имелось среди ее драгоценностей, зато она извлекла на свет огромное количество ярких, неопишимо викторианских перстней, несколько цепочек с кулонами, жемчужные броши, бирюзовые серьги и гранатовое ожерелье. Она вызвала из Дублина куафера, чтобы тот сделал ей прическу.

В день бала она проснулась чуть свет, слегка дрожа от нервного возбуждения, и ворочалась в постели, беспокойно прокручивая в голове малейшие подробности приготовлений, пока к ней не постучались. До полудня она должна была проследить за установкой сотен свечей в люстры балльного зала и гостиной, а также в три огромных канделябра из граненого уотерфордского стекла. Она осмотрела столы, уставленные серебром и бокалами, и массивные ледники с вином у буфета. Она помогла украсить хризантемами лестницу и холл. В тот день она отказалась от ланча, хотя Райли уговаривал ее отведать образцы деликатесов, которые уже доставили из магазина. Она почувствовала легкую дурноту, прилегла ненадолго, но вскоре собралась с силами, чтобы собственноручно пришить гербовые пуговицы на ливреи наемных лакеев.

В приглашениях было указано время – восемь часов вечера. Белла немного призадумалась – она слыхала рассказы о вечеринках, начинавшихся очень поздно, – но день тянулся невыносимо долго, и густые сумерки обволокли дом, и Белла порадовалась, что установила недолгий срок этому изнурительному ожиданию.

В шесть она пошла наверх одеваться. Парикмахер был уже на месте с полной сумкой щипцов и гребешков. Он расчесывал и завивал ей волосы, взбивал их и вообще всячески обрабатывал, пока они не легли в аккуратную, строгую и куда более пышную, нежели обычно, прическу. Белла надела все украшения и, стоя перед огромным зеркалом в своей комнате, не удержалась от изумленного вздоха. Затем она спустилась в зал.

⁹¹ Пометка в почтовом справочнике.

Дом смотрелся великолепно в ярком свете свечей. Оркестр был уже на месте, как и двенадцать лакеев, и Райли в бриджах и черных чулках.

Пробило восемь. Белла ждала. Никто не приехал.

Она села в золоченое кресло на верхней площадке лестницы и уставилась перед собой пустыми голубыми глазами. В холле, в гардеробной, в обеденном зале наемные лакеи переглядывались и перемигивались: «А что эта старушенция себе думала? Никто не заканчивает ужин раньше десяти».

Распорядители на крыльце притопывали и потирали руки.

В половине одиннадцатого Белла встала с кресла. По лицу ее невозможно было понять, о чем она думает.

– Райли, я, пожалуй, поем. Что-то я не совсем хорошо себя чувствую. – Она медленно проковыляла в обеденный зал. – Подай мне фаршированную перепелку и бокал вина. Да вели оркестру играть.

Вальс «Голубой Дунай» хлынул и наполнил собой дом. Белла одобрительно улыбнулась, слегка покачивая головой в такт.

– Райли, а я и в самом деле проголодалась, ведь ни крошки за весь день во рту не было. Положи мне еще одну перепелку и налей еще шампанского.

В одиночестве, среди свечей и наемных лакеев, Райли подавал своей госпоже роскошный ужин. Она вкушала его, наслаждаясь каждым глотком, каждым кусочком.

Наконец Белла встала.

– Боюсь, произошла какая-то ошибка. Никто, похоже, не приедет на бал. Это очень печально – после всех наших хлопот. Можешь сказать музыкантам, пусть едут домой.

Но как раз когда она выходила из обеденного зала, в холле послышался какой-то шум. Это явились гости. С дикой решимостью Белла бросилась вверх по ступеням. Она должна оказаться на самом верху прежде, чем объявят гостей. Одной рукой хватаясь за перила, другой опираясь на палку, с выскакивающим из груди сердцем перепрыгивала она через ступеньку. Наконец, достигнув верхней площадки, она повернулась лицом к входящим. В глазах стоял туман, в ушах звенело. Она с трудом перевела дух, но смутно различила четыре фигуры и увидела, как Райли встретил их, и слышала, как он объявил:

– Лорд и леди Моксток. Сэр Сэмюэль и леди Гордон.

Внезапно оцепенение, охватившее ее, рассеялось. Здесь, на ступенях, стояли две женщины, которых она не пригласила, – леди Моксток, дочка галантерейщика, и леди Гордон, американка.

Белла выпрямилась и уставилась на них своими пустыми млечно-голубыми глазами.

– Я не ожидала такой чести, – сказала она. – Прошу простить, если не смогу вас развлечь.

Мокстоки и Гордоны оцепенели в ужасе. Они видели безумный взгляд голубых глаз хозяйки, ее малиновое платье, бальный зал у нее за спиной, огромный в своей пустоте, слышали музыку, эхом несущуюся по пустому дому. Воздух наполнился ароматом хризантем. А затем драматизм и нереальность этой сцены рассеялись. Мисс Флис внезапно осела в кресло и, протянув руки к своему дворецкому, сказала:

– Невдомек мне, что происходит.

Он и еще двое лакеев перенесли старую даму на софу. Она снова заговорила лишь однажды. Ее разум занимала все та же тема.

– Они пришли без приглашения, те две пары... А больше никто.

На следующий день она скончалась.

Мистер Бэнкс прибыл на похороны и провел неделю, разбирая тетушкины пожитки. Среди обнаруженного в секретере барахла была стопка приглашений на бал в подписанных конвертах с марками. Так и не отправленных.

Морское путешествие (Письма дочки богатых родителей)

Пароход «Слава Эллады»

Дорогая моя!

Ну так вот я обещала сразу написать и написала бы но очень качало просто ужас. Сейчас стало немножко легче так что сажусь писать. Ну вот ты ведь знаешь наше путешествие начинается в Монте-Карло а когда папа и мы все приехали на вокзал оказалось что путь от Лондона туда в билеты не входит и папа рассердился просто ужасно и сказал что не поедет а мама сказала глупости конечно поедем и мы тоже но папа успел обменять все деньги на лиры и франки только оставил шиллинг на чай носильщику в Дувре он такой методичный так что ему пришлось все менять обратно и он после этого ворчал всю дорогу и не взял мне и Берти билетов в спальном вагоне а сам в спальном всю ночь не спал до того был рассержен. Ужас как грустно.

Потом все пошло гораздо лучше судовой кассир назвал его полковник и каюта ему понравилась так что он повел Берти в казино и проиграл а Берти выиграл и Берти кажется нализался во всяком случае он когда ложился спать издавал такие звуки он в соседней каюте как будто его тошнило. Берти везет с собой книги по искусству барокко раз он учится в Оксфорде.

Ну так вот в первый день была качка и мне прямо с утра как только я села в ванну стало не по себе и мыло не мылилось п. ч. вода соленая ты ведь знаешь а потом пошла завтракать в меню было ужасно всего много даже бифштекс с луком и очень симпатичный молодой человек он сказал только мы с вами и пришли можно к вам подсесть и все шло замечательно он заказал бифштекс с луком но я сплеховала пришлось уйти к себе и опять лечь а он как раз говорил что больше всего восхищается девушками которые не боятся качки ужас как грустно.

Самое главное не принимать ванну и совсем не делать быстрых движений. Ну на следующий день был Неаполь и мы посмотрели несколько церквей для Берти и тот город который взорвался во время землетрясения и убило несчастную собаку у них там есть с нее гипсовый слепок ужас как грустно. Папа и Берти видели какие-то картинки а нам их не показали мне их потом Билл рисовал а мисс Ф. подсматривала. Я тебе еще не писала про Билла и мисс Ф.? Ну так вот Билл уже старый но очень элегантный то есть на самом деле он наверно не такой уж старый только он разочарован в жизни из-за жены он говорит что не хочет говорить о ней дурно но она сбежала с каким-то иностранцем так что он теперь ненавидит иностранцев. Мисс Ф. зовут мисс Филиппс препротивная ходит в яхтсменском кепи ужасная дрянь. Лезет ко второму помощнику это конечно никого не касается но всякому дураку ясно что он ее видеть не может просто всем морякам полагается делать вид будто они влюблены в пассажирок. Кто у нас есть еще? Ну всякие старички и старушки. Папа пристроился к одной леди Мюриел дальше не помню, она знала еще моего дядю Нэда. Есть одни молодожены это очень неловко. И еще священник и еще очень милый педик с фотографическим аппаратом в белом костюме и несколько семейств с нашего промышленного севера.

Целую крепко Берти тоже.

Мама купила шаль и какую-то зверюшку из лавы.

ОТКРЫТКА

Это вид Таормины. Мама купила здесь шаль. Было очень смешно п. ч. мисс Ф. дружила только со вторым помощником а его не пустили на берег и когда рассаживались по машинам мисс Ф. пришлось втиснуться вместе с одним семейством с промышленного севера.

Пароход «Слава Эллады»

Дорогая моя!

Надеюсь ты получила мою открытку из Сицилии. Мораль ее в том чтобы не дружить с моряками но я-то подружилась с кассиром это совсем другое дело п. ч. он ведет двойную жизнь у него в каюте граммофон и сколько угодно коктейлей а иногда гренки с сыром и я спросила а вы за все это платите? А он сказал нет но пусть это вас не беспокоит.

Теперь мы три дня будем в море и священник сказал что это хорошо п. ч. мы все сдружимся но мы с мисс Ф. не сдружились она впиалась в несчастного Билла как пиявка не хочет рисковать снова оказаться одной когда нас пустят на берег. Кассир говорит что одна такая всегда на пароходе найдется он даже говорит так про всех кроме меня а про меня совершенно правильно говорит что я не такая. Ужас как мил.

На палубе играют во всякие игры гадость ужасная. А в последний день перед Хайфой будет маскарад. Папа здорово играет во всякие игры особенно в шайбу и ест больше чем в Лондоне но это вероятно ничего. Костюмы для бала надо брать напрокат у парикмахера то есть это нам надо а у мисс Ф. есть собственный. Я придумала замечательную штуку вернее это кассир мне посоветовал чтобы одеться матросом я уже примеряла костюм он мне идет ужасно. Бедная мисс Ф.

Берти ни с кем не дружит в игры играть он не хочет и вчера вечером опять нализался и пробовал спуститься вниз по вентилятору его второй помощник вытащил и все старички за капитанским столом смотрят на него скептически. Это новое слово. Очень литературно? Или нет?

Педик кажется пишет книгу у него зеленая вечная ручка и зеленые чернила но что он пишет я не разглядела. Целую крепко. Ты скажешь здорово я наловчилась писать письма и будешь права.

ОТКРЫТКА

Это снимок Земли Обетованной и знаменитого Галилейского моря. Здесь все оч. восточное с верблюдами. Про маскарад скоро напишу это целая история насмотрелась же я. Папа уезжал на весь день с леди М. потом сказал что она очаровательная женщина знает жизнь.

Пароход «Слава Эллады»

Дорогая моя!

Ну так вот на маскарад уже к обеду надо было прийти в костюмах и когда мы входили все аплодировали. Я опоздала п. ч. никак не могла решить надевать шапочку или нет потом надела и получилось дивно. Но мне похлопали совсем мало и когда я огляделась то увидела штук двадцать девушек и нескольких женщин в таких же костюмах вот каким двуличным человеком оказался этот кассир. Берти был апашем банально до ужаса. Мама и папа были прелесть. Мисс Ф. была в балетном костюме из русского балета он ей как корове седло ну за обедом мы пили шампанское а потом бросали серпантин я бросила не раскрутив и попала мисс Ф. прямо по носу. Ха-ха. Мне захотелось поболтать и я сказала официанту как весело правда? А он сказал да, только не для тех кому потом прибираться надо. Ужас как грустно.

Ну Берти конечно нализался и немножко переборщил особенно в разговоре с леди М. а потом сидел в темноте в каюте у двуличного кассира и плакал мы с Биллом нашли его там и Билл дал ему выпить и что бы ты думала он исчез куда-то с мисс Ф. и больше мы их не видели это наглядный пример до какого позора может довести нас то есть его Демон Пьянства.

А потом кого бы ты думала я встретила того молодого человека который в первый день заказал бифштекс с луком его зовут Роберт и он сказал я вас все время ищу. Ну я немножко поиздевалась над ним ужас как мил.

Бедную маму выбрал в поверенные Билл он рассказал ей все про свою жену и как она разочаровала его с иностранцем ну завтра мы прибываем в Порт Саид D. V. это по-латыни на случай что ты не знаешь означает если богу будет угодно а оттуда вверх по Нилу и в Каир.

Пришлю открытку со сфинксом.

ОТКРЫТКА

Это сфинкс. Ужас как грустно.

ОТКРЫТКА

Это храм не помню кого. Дорогая моя спешу тебе сообщить я обручилась с Артуром. Артур это тот про которого я думала что он педик. Берти находит что египетское искусство никакое не искусство,

ОТКРЫТКА

Это гробница Тутанхамена оч. знаменитая. Берти говорит что это пошлятина а сам обручился с мисс Ф. т. ч. не ему бы говорить я теперь называю ее Мэбел. Ужас как грустно. Билл не разговаривает с Берти. Роберт не разговаривает со мной папа и леди М. видимо поругались был один человек со змеей в мешке и еще мальчик он мне предсказал судьбу оч. счастливую. Мама купила шаль.

ОТКРЫТКА

Сегодня видела эту мечеть. Роберт обручился с новой девушкой как зовут не знаю противоположная.

Пароход «Слава Эллады»

Дорогая моя!

Ну так вот мы все вернулись из Египта перебудораженные и двуличный кассир спросил какие новости а я сказала новости? Пожалуйста я обручилась с Артуром а Берти обручился с мисс Ф., ее теперь зовут Мэбел это уж совсем невыносимо я так и сказала а Роберт с какой-то противной девицей а папа поругался с леди М. а Билл поругался с Берти а Робертова противная девица меня обхватила а Артур был прелесть но двуличный кассир ничуть не удивился он сказал что так бывает каждый рейс во время экскурсии по Египту все либо обручаются либо ссорятся а я сказала не в моих привычках обручаться с кем попало за кого он меня принимает а он сказал как видно не в моих привычках ездить в Египет т. ч. больше я с ним не разговариваю и Артур тоже.

Целую.

Пароход «Слава Эллады»

Деточка,

мы в Алжире он не очень восточный тут полным-полно французов. Так вот с Артуром все кончено я все-таки оказалась права а теперь я обручилась с Робертом это гораздо лучше для всех особенно для Артура из-за того о чем я тебе писала первое впечатление никогда нас не обманывает. Правда? Или нет? Мы с Робертом целый день катались по Ботаническому саду и он был ужас как мил. Берти нализался и поссорился с Мэбел теперь она опять мисс Ф. т. ч. тут все в порядке а противоположная Робертова девица весь день оставалась на пароходе со вторым помощником. Мама купила шаль. Билл рассказал леди М. про свое разочарование и она рассказала Роберту а он сказал что да мы все уже про это слышали а леди М. сказала что Биллу недостает умения молчать и она после этого его не уважает и не винит его жену и того иностранца.

Целую.

ОТКРЫТКА

Забыла о чем писала в последнем письме но если я упоминала препротивного человека по имени Роберт считай что ничего этого не было. Мы все еще в Алжире папа поел сомнительных устриц но все обошлось. Берти пошел в один дом полный шлюх и там нализался а теперь ему недостает умения про это молчать как сказала бы леди М.

ОТКРЫТКА

Ну вот мы и вернулись и все спели хором за счастье прежних дней и я расцеловалась с Артуром а с Робертом не разговариваю он плакал то есть Артур а не Роберт потом Берти извинился почти перед всеми кого он обхамил но мисс Ф. сделала вид что не слышит и ушла. Ужас какая дрянь.

Человек, который любил диккенса

Хотя мистер Макмастер и прожил в Амазонасе⁹² почти шестьдесят лет, о его существовании было известно разве что нескольким семействам индейцев племени шириана. Усадьба его располагалась на участке саванны из тех, что порой возникают в тамошней местности, — клочок песка и травы около трех миль в поперечнике, со всех сторон окруженный лесом.

Орошавший эти земли ручей не был обозначен ни на одной из существующих карт; он сплошь состоял из порогов, во всякий сезон опасных, а большую часть года и вовсе непреодолимых. По ним стремительный поток мчался к истокам реки Урарикуэра, чье русло, как бы добросовестно его ни обозначали в любом школьном атласе, все-таки и поныне в значительной степени является плодом вдохновенных предположений. За исключением мистера Макмастера, никто из местных жителей и слухом не слыхивал о Колумбии, Венесуэле, Бразилии или Боливии, которые попеременно предъявляли претензии на эту территорию.

Дом мистера Макмастера по размерам превосходил обиталища его ближайших соседей, однако по своим архитектурным принципам ничем от них не отличался: кровля из высушенных пальмовых листьев, саманные стены и глинобитный пол. Мистеру Макмастеру принадлежали также примерно дюжина голов пасущихся в саванне коровенок здешней низкорослой породы, плантация маниоки, рощица банановых и манговых деревьев, собака и, наконец, единственный на всю округу экземпляр огнестрельного оружия — одноствольный дробовик, заряжавшийся с казенной части. Немногочисленные предметы внешней цивилизации, скрашивавшие быт владельца усадьбы, попадали к нему через длинную череду торговцев. Много месяцев эти товары переходили из рук в руки, из-за них торговались на дюжине языков и наречий, они преодолевали изощреннейшую коммерческую паутину, раскинувшуюся от самого Манаоса⁹³ до глухих деревушек, затерянных в непроходимой сельве.

Однажды, когда мистер Макмастер набивал патроны, к нему явился индеец-шириана и сообщил, что к ним по лесу движется белый человек, в полном одиночестве и очень больной. Макмастер зарядил уже набитым патроном свой дробовик, прочие, уже готовые снаряды сунул в нагрудный карман и двинулся в направлении, указанном индейцем.

Человек, о котором шла речь, когда мистер Макмастер подоспел к нему, уже выбрался из подростка и обессиленно сидел на опушке — по всему было видно, что дела его плохи. На нем не было ни шляпы, ни ботинок, одежда изорвана в клочья до такой степени, что лохмотья держались на теле, лишь поскольку насквозь пропитались потом; изрезанные босые ноги чудовищно распухли, каждый открытый участок тела покрывали язвы и шрамы от укусов насекомых и летучих мышей; широко распахнутые глаза лихорадочно блестели. Он вполголоса беседовал о чем-то сам с собой, но замолчал, стоило мистеру Макмастеру обратиться к нему по-английски.

— Я устал, — сказал гость, а потом добавил: — Сил нет идти. Я Хенти, и я больше не могу. Андерсон умер. Это случилось давным-давно. Вероятно, вы думаете, что я спятил.

— Думаю, вы очень больны, друг мой.

— Я просто устал. И кажется, уже несколько месяцев у меня крошки во рту не было.

Мистер Макмастер помог ему подняться с земли и, поддерживая под руку, повел сквозь заросли травы к своей усадьбе.

— Здесь недалеко. Когда доберемся, я дам вам кое-какое снадобье, от него вам полегчает.

— Это так мило с вашей стороны. — Чуть погодя гость добавил: — Смотрите, вы говорите по-английски. Я тоже англичанин. Моя фамилия Хенти.

⁹² Амазонас — крупнейший штат Бразилии, расположенный на северо-западе страны.

⁹³ Манаос — столица штата Амазонас.

– Что ж, мистер Хенти, все ваши беды позади, вам больше не о чем беспокоиться. Вы больны, вы проделали долгий тяжелый путь. Я позабочусь о вас.

Они шли очень медленно, но наконец добрались до дома.

– Полежите пока в гамаке, а я кое-что приготовлю для вас.

Мистер Макмастер направился в кладовку, где извлек из-под груды шкур жестяную банку, доверху заполненную сушеными листьями и кусочками коры. Он зачерпнул горсть этой смеси и вышел на двор, где горел костер. Вернувшись, он завел руку за голову Хенти и, приподняв больного, поднес к его губам калebas⁹⁴ с травяным настоем. Содрогаюсь от невыносимой горечи, тот через силу глотал микстуру. Наконец он выпил все, и мистер Макмастер выплеснул осадок на пол. Тихо всхлипывая, Хенти скорчился в гамаке и вскоре погрузился в беспробудный сон.

Экспедицию Андерсона, который намеревался исследовать дельту Паримы⁹⁵ и верховья Урарикуэры на бразильской территории, пресса изначально окрестила «злополучной». Каждый этап этого предприятия сопровождался неудачами – начиная от формирования состава экспедиции в Лондоне и вплоть до ее трагического краха в Амазонасе. Пол Хенти пал жертвой этих злосчастий еще на ранней фазе подготовки путешествия.

По своей натуре он вовсе не был исследователем – уравновешенный, симпатичный молодой человек с утонченными вкусами и завидным состоянием, он не претендовал на звание интеллектуала, но слыл ценителем балета, а также изящной архитектуры. Он много путешествовал по наиболее доступным частям света и собрал коллекцию редкостей, впрочем, не разбираясь. Хозяйки гостиниц обожали его почти так же пылко, как и его собственные тетки. Он был женат на даме исключительной красоты и обаяния, и именно она нарушила размеренное течение его жизни, второй раз за восемь лет брака признавшись, что любит другого мужчину. Первый эпизод не заслуживал беспокойства – тогда миссис Хенти ненадолго увлеклась профессиональным игроком в теннис. Нынешним объектом ее нежных чувств являлся капитан Колдстримской гвардии⁹⁶, и это было куда серьезнее.

Первой мыслью Хенти, получившего это шокирующее известие, было переварить его где-нибудь за обедом в одиночестве. Он был членом четырех клубов, однако в трех из них рисковал столкнуться лицом к лицу с любовником своей жены. Посему он отправился туда, где бывал реже всего, – в этом клубе собиралась полуинтеллектуальная компания из адвокатов, издателей и ученых мужей, изнывавших в ожидании избрания в Атенеум⁹⁷.

Здесь после обеда он разговорился с профессором Андерсоном и впервые услышал о планирующейся экспедиции в Бразилию. На тот момент главным несчастьем, тормозившим подготовку, была растрата двух третей уставного капитала предприятия его секретарем. Руководство экспедиции пребывало наготове – сам профессор Андерсон, антрополог доктор Симмонс, биолог мистер Некер, а также мистер Броу, совмещавший в одном лице геодезиста, радиста и главного механика; аппаратура, оборудование и охотничье снаряжение давно были запакованы в ящики, готовы к погрузке и снабжены соответствующими печатями и официальными разрешениями. Но если каким-то чудом где-нибудь не отыщется тысяча двести фунтов – всему конец.

Хенти, как уже говорилось, был человеком состоятельным; экспедиция должна была продлиться от девяти месяцев до года; он мог на это время закрыть двери своего загородного поместья – ибо миссис Хенти, без сомнения, предпочтет остаться в Лондоне со своим возлюблен-

⁹⁴ *Калebas* – сосуд из выдолбленной тыквы-горлянки, используемый для питья и хранения продуктов.

⁹⁵ *Парима* – река в штате Рорайма на севере Бразилии.

⁹⁶ *Колдстримская гвардия* – одно из старейших пехотных подразделений Великобритании, в настоящее время выполняет роль почетного караула в королевском Виндзорском замке, колдстримские гвардейцы до наших дней сохранили знаменитую парадную форму – красные мундиры и высокие медвежьи шапки.

⁹⁷ *Атенеум* – престижный лондонский литературный и научный клуб.

ным – и с лихвой покрыть сумму, которая требовалась на нужды экспедиции. Кроме того, это путешествие окутывал романтический флер, который, чувствовал Хенти, придаст ему привлекательности даже в глазах собственной жены. Недолго думая, он тут же, у клубного камелька, завербовался в команду профессора Андерсона.

Вернувшись домой, он объявил жене о своем решении:

– Теперь я знаю, как мне следует поступить.

– И как же именно, милый?

– Ты совершенно уверена в том, что больше меня не любишь?

– Милый, ты же знаешь: я тебя обожаю!

– Но этого своего гвардейца, Тони, или как там его, ты любишь больше?

– О, милый, конечно, я люблю его больше. Это же совсем другое!

– Что ж, отлично. В течение следующего года я не стану предпринимать никаких шагов в отношении развода. У тебя будет время обдумать все хорошенько. На следующей неделе я отбываю на Урарикуэру.

– С ума сойти, это, вообще, где?

– Я и сам точно не знаю. Вроде бы где-то в Бразилии. Это неизведанные земли. Я планирую вернуться через год.

– Но, милый, как это скучно! Ты словно персонаж из книги – я имею в виду, стремление к высокой цели и всякое такое.

– Что ж, думаю, ты уже давно убедилась в том, что я очень скучный человек.

– Милый, не говори гадостей – ах, телефон звонит! Это, должно быть, Тони. Ты ведь не будешь возражать, если я чуточку поболтаю с ним наедине?

Однако в последующие десять дней подготовки к отъезду она выказала немало нежности и участия и дважды давала отставку своему солдату, чтобы сопровождать Хенти в поездках по магазинам, где он приобретал свое снаряжение. Она даже настояла на покупке камвольного⁹⁸ кушака с кармашками. Накануне отъезда мужа она устроила званый вечер в посольстве, на который позволила пригласить кого-нибудь из его друзей. У него на уме был один профессор Андерсон; тот явился странно одетым, танцевал без устали и, кажется, у всех вызвал лишь осуждение и насмешки. На следующий день миссис Хенти проводила мужа на поезд, доставлявший путешественников к пароходной пристани, и подарила ему бледно-голубое, почти непристойно мягкое одеяло в замшевом чехле того же цвета, застегнутом на молнию и украшенном монограммой. На прощание она поцеловала его со словами: «Куда бы ты ни отправлялся, береги себя».

Если бы она последовала за ним до Саутгемптона, то стала бы свидетельницей двух драматических сцен. Буквально у трапа парохода мистер Броу был арестован за долги на сумму тридцать два фунта – последствия публикаций в прессе об отплытии экспедиции. Хенти уплатил по векселю.

Уладить второе происшествие было не так легко. Мистер Некер заявился на пароход в компании собственной матушки: ей случилось прочитать отчет одного миссионера об условиях жизни в бразильских лесах. Она останется на борту и сойдет на берег лишь вместе с сыном, и никакие силы не вырвут у нее разрешение на его отъезд. Впрочем, она готова лично сопровождать его в путешествии, в ином случае нога ее отпрыска не ступит в бразильскую чащу. Уговоры были бесполезны, убедительные доводы не возымели действия, и за пять минут до отплытия парохода торжествующая старушка отконвоировала сыночка назад на пристань, оставив экспедицию без биолога.

⁹⁸ Камвольная пряжа – шерстяная пряжа в виде гладкой, ровной нити, преимущественно высоких, тонких номеров, получаемая обработкой на гребнечесальных машинах.

Мистер Броу тоже недолго хранил верность знамени науки. Корабль, на котором они плыли, был обычным круизным лайнером и на протяжении всего рейса заходил в каждый порт и брал пассажиров. Мистер Броу не пробыл на борту и недели и даже не успел оправиться от морской болезни, как оказался помолвленным. Когда они прибыли в Манаос, он все еще был помолвлен, правда уже с другой дамой, и, несмотря на все увещания и призывы продолжать путешествие, взял у Хенти в долг на обратный билет и вернулся в Саутгемптон вместе с первой своей избранницей, с которой тут же и обвенчался.

В Бразилии выяснилось, что все официальные лица, которым были адресованы их верительные грамоты, уже лишились своих постов. Оставив Хенти и профессора Андерсона вести переговоры с новой администрацией, доктор Симмонс с большей частью снаряжения отправился вверх по реке в Боа-Висту⁹⁹, чтобы разбить там базовый лагерь. Последний немедленно оказался захвачен революционным гарнизоном, припасы и оборудование были реквизированы, а сам доктор на несколько дней заключен в тюрьму, где подвергся различным унижениям. Все это привело почтенного ученого в такую ярость, что после освобождения он немедленно помчался на побережье, задержавшись в Манаосе лишь для того, чтобы сообщить коллегам о намерении лично представить свое дело на рассмотрение центральных властей в Рио.

Таким образом, не прошло и месяца с начала экспедиции, как Хенти и профессор Андерсон остались вдвоем, да к тому же лишенные большей части своего снаряжения. Вернуться сейчас означало покрыть себя несмываемым позором. Какое-то время они всерьез обсуждали возможность отсидеться полгода где-нибудь на Мадейре или Тенерифе, но даже там они рисковали быть узванными – слишком часто их фотографии мелькали в газетах накануне отбытия из Лондона. В соответствующем угнетенном настроении двое исследователей наконец отправились к Урарикуэре, почти не надеясь обнаружить что-либо представляющее для кого-нибудь хоть какой-то интерес.

Семь недель они плыли по влажным зеленым лесным туннелям. Они сделали несколько снимков обнаженных и не слишком благожелательно настроенных индейцев; закупорили по бутылкам нескольких змей, которых позже потеряли, когда их каноэ перевернулось на очередном пороге; они испортили пищеварение, поглощая тошнотворные напитки на различных местных празднествах; остатки сахара у них украл гвианский старатель. В довершение всего профессор Андерсон подцепил злокачественную малярию, пару дней провалялся в бреду в своем гамаке, а затем умер, оставив компаньона на милость дюжины гребцов из племени маку, ни один из которых не говорил ни на одном известном Хенти языке. Они повернули назад и отправились вниз по течению, испытывая острую нехватку как провизии, так и взаимного доверия.

Как-то раз, спустя примерно неделю после смерти профессора Андерсона, Хенти проснулся и обнаружил что его гребцы бесследно исчезли вместе с каноэ и всем снаряжением, оставив ему лишь пижаму и гамак. Он находился в двух или трех сотнях миль от ближайшего бразильского поселения, и, хотя не было никакого смысла двигаться дальше, природа запрещала ему оставаться на месте. Он продолжал идти вниз по течению, сперва его не оставляла надежда повстречать чью-нибудь байдарку. Но вскоре лес наполнился для него неистовыми призраками, хотя никакой реальной угрозы не было. Он брел все медленнее, то по колено в воде, то продираясь через заросли.

Прежде его воображению смутно представлялось, что джунгли – это такое место, где полно еды. Здесь тебе грозит опасность столкнуться со змеями, хищниками или дикарями, но никак не умереть с голоду. Теперь он на горьком опыте убедился, что глубоко заблуждался. Джунгли, казалось, сплошь состояли из толстенных древесных стволов, утыканных колючками и переплетенных лозами, и весь этот растительный мир был исключительно несъедобен. В пер-

⁹⁹ *Боа-Виста* – столица бразильского штата Рорайма.

вый день Хенти ужасно страдал от голода. Позже его охватило какое-то оцепенение сродни наркотическому опьянению. Теперь его беспокоило только поведение лесных обитателей, которые то выходили навстречу из зарослей в лакейских ливреях, неся на подносах его обед, но в самый последний момент безответственно растворялись в воздухе, то откидывали крышки с блюд и демонстрировали ему живых черепах. Вокруг сновало множество лондонских знакомых, донимавших его насмешками и вопросами, на которые он не знал ответа. Появилась жена, и он был рад ее видеть, вообразив, что ее гвардеец ей наскучил и она приплыла, чтобы забрать Хенти домой. Но вскоре и жена бесследно растаяла в воздухе, как и все прочие.

Именно тогда он вспомнил, что ему необходимо добраться до Манаоса, и с удвоенной энергией кинулся преодолевать препятствия, то и дело спотыкаясь о речные валуны в реке и выпутываясь из ловушек терновника и лозы. «Но все же я должен беречь силы», – было его последней мыслью, перед тем как он впал в забытие, из которого вынырнул уже в гамаке в усадьбе мистера Макмастера.

Здоровье возвращалось к нему медленно. Сперва моменты просветления чередовались с долгими периодами бреда. Затем жар спал, и он оставался в сознании даже во время приступов болезни, которые случались все реже. Наконец лихорадка достигла нормального для тропиков баланса, когда она навещает свою жертву лишь после продолжительной фазы относительного здоровья. Мистер Макмастер регулярно потчевал его травяным настоем.

– На вкус омерзительно, – признавался Хенти. – Но он, несомненно, приносит пользу.

– В лесу можно отыскать средство для чего угодно, – говорил ему мистер Макмастер. – Есть травы, чтобы вылечить, есть – чтобы погубить. Моя мать была из индейского племени, от нее я многому научился. Кое-что я узнал от своих жен. Растения способны исцелять и вызывать лихорадку, убивать и сводить с ума, отпугивать змей и опьянять рыбу так, что вы можете таскать ее из воды руками, как срываете спелые плоды с дерева. Есть такие снадобья, которые неведомы даже мне. Говорят, можно приготовить средство, которое оживит мертвого уже после того, как от него начнет пахнуть, но сам я не сталкивался ни с чем подобным.

– Но вы ведь точно англичанин?

– Мой отец им был, – во всяком случае, он родился на Барбадосе. Он приехал в Британскую Гвиану как миссионер. Он был женат на белой женщине, но оставил ее в Гвиане, когда отправился на поиски золота. Затем он взял мою мать. Женщины из племени шириана, как правило, очень уродливы, но отличаются исключительной преданностью. У меня их было множество. Почти все здешние мужчины и женщины – мои дети, вот почему они во всем мне подчиняются, ну, и еще потому, что у меня есть дробовик. Мой отец дожил до преклонных лет и умер недавно – еще и двадцати лет не прошло. Он был образованным человеком. Вы умеете читать?

– Ну разумеется.

– Далеко не все такие счастливики, как вы. Я вот не умею.

Хенти виновато закашлялся:

– Без сомнений, у вас здесь было не слишком много возможностей...

– Уж это точно. Но у меня полно книг – я покажу их вам, когда поправитесь. Пять лет назад у меня гостил англичанин – правда, он был чернокожий, но получил хорошее образование в Джорджтауне. Он умер. А прежде чем умереть, он читал мне каждый день. Вы тоже могли бы почитать мне, когда почувствуете себя лучше.

– С большим удовольствием.

– Да-да, вы будете мне читать, – повторил Макмастер, кивая поверх горлышка калібаса.

В первые дни выздоровления Хенти мало общался со своим хозяином; он лежал в гамаке навзничь, уставившись на соломенную кровлю, и думал о жене, снова и снова прокручивая в памяти эпизоды их супружеской жизни, включая ее интрижки с теннисистом и солдатом. Дни,

ровно по двенадцать световых часов в каждом, проходили чередой, неотличимо похожие друг на друга. Мистер Макмастер ложился спать с заходом солнца, оставляя гореть маленький ночник – грубо сплетенный фитиль, опущенный в плошку с говяжьим жиром, – чтобы отпугнуть летучих мышей-вампиров.

Когда Хенти впервые смог переступить порог дома, Макмастер решил устроить ему небольшую прогулку по усадьбе.

– Я покажу вам могилу чернокожего, – любезно предложил он и повел гостя к холмику под манговым деревом. – Он был очень добр ко мне. Он читал мне каждый вечер по два часа, до самой своей смерти. Хочу поставить здесь крест – в память о нем и в честь вашего прибытия; правда хорошая идея? Вы верите в Бога?

– Знаете, в сущности я никогда об этом не задумывался.

– И правильно делали. Я ужасно много думал об этом и все равно так ничего и не знаю. Диккенс знал.

– Думаю, вы правы.

– Конечно, об этом ведь написано в его книгах. Сами убедитесь.

Этим же вечером мистер Макмастер приступил к изготовлению надгробья для могилы негра. Он работал большим стругом с таким усердием, что деревянная заготовка звенела и визжала, словно металл.

Наконец Хенти прожил шесть или семь дней без всяких признаков лихорадки, и мистер Макмастер объявил:

– Думаю, вы уже вполне готовы взглянуть на книги.

В одном конце хижины было что-то вроде чердака, образованного платформой, грубо сколоченной под соломенной кровлей. Мистер Макмастер прислонил к ней лестницу и вскарабкался наверх. Все еще шатаясь от слабости, Хенти последовал за ним. Мистер Макмастер уселся на помосте, а Хенти, стоя на лестнице и вцепившись в верхнюю перекладину, оглядел чердак. Он был завален маленькими свертками, упакованными в тряпье, пальмовые листья и сыромятные кожи.

– Нелегко уберечь их от гусениц и муравьев. Два тома они практически изгрызли в крошки. Но сейчас я пользуюсь особым индейским составом, он помогает.

Макмастер развернул ближайший сверток и протянул Хенти книгу в телячьем переплете. Это было раннее американское издание «Холодного дома»¹⁰⁰.

– Не важно, с чего мы начнем.

– Вам нравится Диккенс?

– Разумеется, нравится. Гораздо больше, чем просто «нравится». Понимаете, его книги – единственные, которые я когда-либо знал. Мой отец читал их мне, а потом черный парень... а теперь прочтете вы. Я слышал каждую из них по несколько раз, и мне это никогда не наскучит – всякий раз подмечаешь что-то новое и чему-то учишься, в них столько персонажей, столько разных событий, так много слов... У меня есть все книги Диккенса, кроме тех, которые сожрали муравьи. Чтобы перечитать их, нужно много времени – года два, даже больше.

– Что ж, – легкомысленно сказал Хенти, – стало быть, пока я гощу здесь, нам их точно хватит.

– О, надеюсь, что нет. Начинать сначала – это такое удовольствие! Каждый раз находишь что-то новое, чтобы ликовать и наслаждаться.

Они забрали с собой первый том «Холодного дома», и тем вечером Хенти приступил к чтению.

¹⁰⁰ «Холодный дом» – роман Чарльза Диккенса, впервые изданный в 1853 году. В нем описаны нравы разных слоев викторианского общества и дана гротескная картина запутанного британского судебного производства.

Ему всегда нравилось читать вслух, в первые годы брака он старался приобщить к этим утехам жену и таким образом прочел ей несколько книг, пока как-то раз, в один из редких приступов искренности, она не призналась, какая же это для нее пытка. С тех пор он стал задумываться о детях – чтобы было кому почитать. Но в лице мистера Макмастера он обрел поистине уникального слушателя.

Старик сидел в своем гамаке напротив Хенти и, не сводя с него глаз и беззвучно шевеля губами, ловил каждое слово. Порой, с появлением на страницах книги нового героя, он просил: «Повторите его имя, я что-то его подзабыл» – или же: «О да, я хорошо ее помню. Она умерла, бедняжка». Он часто прерывал чтение вопросами, но не теми, которые мог ожидать Хенти. Ни процедуральная система Канцлерского суда, ни социальные предрассудки той эпохи, хоть они и должны были казаться Макмастеру непостижимыми, его не интересовали; все вопросы касались лишь персонажей. «Слушайте, а почему она так сказала? Она это серьезно? Она действительно почувствовала слабость из-за жара от огня, или это из-за того, что она что-то обнаружила в этих бумагах?» Он оглушительно хохотал над всеми юмористическими пассажами, отдельные отрывки, которые самому Хенти вовсе не показались смешными, даже просил перечитать два или три раза; зато при описании страданий отверженных обитателей «Одинокого Тома» слезы текли по щекам в бороду старика. Его комментарии к повествованию были предельно просты. «Сдается, этот Дедлок большой гордец» или «Миссис Джеллиби плохо заботится о своих детишках». Хенти получал от чтения не меньшее удовольствие, чем его хозяин.

В конце этого первого дня старик заявил:

– Вы читаете замечательно, куда лучше черного парня. И объясняете вы понятнее. Порой мне кажется, будто мой отец снова здесь, со мной.

В конце каждого сеанса чтения он всегда учтиво благодарил своего гостя:

– Я получил огромное удовольствие. Это была очень печальная глава. Но если мне не изменяет память, все кончится хорошо.

Однако, когда они приступили ко второму тому, новизна впечатлений от восторгов старика несколько поблекла, а Хенти достаточно окреп для того, чтобы начать беспокоиться. Он уже не раз упоминал о своем отъезде, интересовался насчет каноэ, дождей и возможности нанять проводников. Но мистер Макмастер пропускал эти намеки мимо ушей, и, казалось, он вовсе не понимает, о чем речь.

Как-то раз, отмеряя большим пальцем, сколько страниц «Холодного дома» еще предстоит прочесть, Хенти сказал:

– До конца еще далеко. Надеюсь, мы успеем дочитать книгу до моего отъезда.

– Ну конечно, – заверил его мистер Макмастер. – Не беспокойтесь об этом, вам хватит времени, чтобы закончить, друг мой.

И Хенти впервые уловил угрожающую нотку в голосе своего хозяина. Тем же вечером, за ужином, состоящим из маниоки и вяленого мяса – эту скучную трапезу они обычно съедали незадолго до заката, – Хенти вновь затронул эту тему:

– Видите ли, мистер Макмастер, я уже слишком долго злоупотребляю вашим гостеприимством, и пришла пора подумать о моем возвращении в цивилизованный мир.

Мистер Макмастер склонился над своей тарелкой, тщательно пережевывая маниоку, и не спешил с ответом.

– Как по-вашему, скоро ли я смогу раздобыть лодку?.. Я спросил, как скоро я смогу заполучить лодку? Я ценю вашу доброту больше, чем могу выразить словами, но...

– Друг мой, не будем говорить об этом. Если я и проявил какую-то доброту, чтением Диккенса вы расплатились с лихвой.

– Что ж, очень рад, что вам понравилось. Мне, признаться, тоже. Но мне действительно пора подумать о возвращении...

– Да, – проронил мистер Макмастер. – Чернокожий тоже хотел вернуться. Он не прекращал об этом думать. Но умер он здесь...

На следующий день Хенти дважды затрагивал эту тему и получал такие же уклончивые ответы. Наконец он заявил:

– Простите, что настаиваю, мистер Макмастер, но мне требуется прямой ответ. Когда я смогу достать лодку?

– Здесь лодки нет.

– Ладно, но ведь индейцы могли бы ее построить?

– Надо дожидаться сезона дождей. Сейчас уровень воды в реке слишком низкий.

– А долго придется ждать?

– Месяц-другой...

Они закончили «Холодный дом» и уже дочитывали «Домби и сына»¹⁰¹, когда пошли дожди.

– Что ж, пора готовиться к отъезду.

– Увы, это невозможно. Индейцы не станут строить лодку в сезон дождей – это одно из их суеверий.

– Вам следовало сказать мне об этом.

– А разве я не говорил? Должно быть, запамятовал.

На следующее утро, пока хозяин был чем-то занят, Хенти, напустив на себя беспечный вид, в одиночку направился через саванну к кучке индейских хижин. Четверо или пятеро представителей племени шириана сидели на порогах своих обиталищ, но, когда он подошел к ним, даже не подняли глаз. Хенти обратился к ним на языке народа маку, на котором знал несколько слов, но индейцы не подали виду, поняли ли они хоть что-нибудь. Тогда он нарисовал на песке каноэ, затем проделал несколько энергичных движений в воздухе, имитируя действия, необходимые для строительства лодки, ткнул в сторону индейцев, потом указал на себя и в завершение, изобразив жестами, будто бы дает им что-то, нацарапал на земле схематичные обозначения ружей, шляп и некоторых других предметов торговли. Какая-то женщина захихикала, но прочие никак не отреагировали на эту попытку контакта, и Хенти ушел несолоно хлебавши.

За полуденной трапезой мистер Макмастер обратился к нему с такими словами:

– Мистер Хенти, индейцы рассказали мне, что вы пытались с ними поговорить. Если вам что-то от них нужно, будет проще обратиться к ним через меня. Видите ли, без моего позволения они не станут ничего делать, поскольку считают себя – и в большинстве случаев совершенно справедливо – моими детьми.

– Вообще-то я расспрашивал их насчет каноэ.

– Я так и понял... А теперь, если вы покушали, мы могли бы приступить к следующей главе. Эта книга такая захватывающая!

Они покончили с «Домби и сыном»; почти год минул с того дня, когда Хенти покинул Англию, и мрачное предчувствие вечной разлуки с родиной усугубил найденный между страницами «Мартина Чеззлвита»¹⁰² документ, написанный неровным почерком карандашом:

1919 год

Я, Джеймс Макмастер из Бразилии, клянусь Барнабасу Вашингтону из Джорджтауна, что, если он и вправду дочитает «Мартина Чеззлвита», я отпишу его, как только он закончит.

¹⁰¹ «Торговый дом „Домби и сын“. Торговля оптом, в розницу и на экспорт» – роман Чарльза Диккенса, публиковавшийся отдельными выпусками в 1846–1848 годах.

¹⁰² «Жизнь и приключения Мартина Чеззлвита» – роман Чарльза Диккенса, впервые опубликованный в 1843–1844 годах.

Внизу стоял жирный карандашный крестик, а еще чуть ниже приписка: «Этот крестик поставил мистер Макмастер, засвидетельствовано Барнабасом Вашингтоном».

– Мистер Макмастер, – начал Хенти. – Я вынужден высказаться откровенно. Вы спасли мне жизнь, и, вернувшись в цивилизованный мир, я сделаю все, что в моих силах, чтобы отблагодарить вас. Но сейчас вы удерживаете меня здесь против моей воли. Я требую, чтобы вы меня отпустили.

– Но, друг мой, кто же вас удерживает? Вы свободны, можете уйти в любой момент, когда пожелаете.

– Вы прекрасно знаете, что без вашей помощи я никак не смогу уйти.

– Что ж, тогда вы должны потешить старика. Прочтите мне еще одну главу.

– Мистер Макмастер, клянусь всем, чем вашей душе угодно, что, добравшись до Манаоса, я найду кого-нибудь, кто займет мое место. Я найму человека, который будет читать вам весь день напролет.

– Но я не хочу никого на ваше место. Вы читаете превосходно.

– Сегодня я читал вам в последний раз.

– Надеюсь, что это не так, – любезно возразил мистер Макмастер.

Этим вечером подали только одну тарелку с вяленным мясом и маниоккой, и мистер Макмастер ужинал в одиночестве. Хенти лежал молча, вперив взгляд в потолок из пальмовой соломы.

И на следующий день перед мистером Макмастером была лишь одна тарелка, но на этот раз обедал он, держа на коленях заряженный дробовик. Хенти возобновил чтение «Мартина Чезливита» с того места, на котором оно было прервано.

Недели влачили в томительной безысходности. Были прочитаны «Николас Никкльби», «Крошка Доррит» и «Оливер Твист». Неожиданно в саванну появился странник, старатель-полукровка, один из тех одиночек, которые всю жизнь блуждают по лесам, выискивая ручьи, промывая гравий и унция за унцией наполняя кожаный мешочек золотым песком; чаще всего они умирают от теплового удара или голода, с золотом на пятьсот долларов, висющим на шее. Мистер Макмастер пришел в смятение от визита старателя и, снабдив его маниоккой и пассо, ухитрился спроводить восвояси меньше чем за час, но за этот короткий отрезок времени Хенти успел нацарапать свое имя на клочке бумаги и сунуть его в ладонь незнакомца.

Отныне у него появилась надежда. Дни тянулись, подчиненные незыблемому распорядку: кофе на рассвете, утреннее безделье, пока мистер Макмастер хлопочет по хозяйству на ферме, маниока и пассо в полдень, Диккенс на оставшийся отрезок дня, маниока, пассо, а порой даже немного фруктов на ужин, тишина от заката до рассвета с тусклым светом фитилька в плошке с говяжьим жиром и едва различимой соломенной кровлей над головой; но Хенти жил в тихой уверенности ожидания.

Рано или поздно, в этом году или в следующем, старатель прибудет в бразильскую деревню и расскажет, на кого случайно наткнулся. Пресса не могла обойти вниманием бедствия экспедиции Андерсона. Хенти воображал заголовки во всех популярных изданиях; может статься, и сейчас поисковые партии прочесывают местность в тех краях, где он побывал, и вот-вот английские голоса зазвучат над саванной и дюжина собратьев-путешественников прорвется через кустарник на опушку. Даже во время чтения, пока его губы механически повторяли напечатанные строчки, сознание было далеко от сумасшедшего старика, сидящего напротив, а воображение рисовало картины возвращения домой – постепенного привыкания к цивилизации; вот он побрился, купил новый костюм в Манаосе, телеграфировал насчет денежного перевода, получил поздравительные депеши; вот он наслаждается неторопливым путешествием по реке в Белем, а затем на океанском лайнере плывет в Европу, смакует отличный кларет и с аппетитом поглощает свежее мясо и молодые овощи; вот он смутился при встрече с

женой, не зная, как к ней обратиться... «Но, милый, тебя не было куда дольше, чем ты говорил. Я уже начала думать, что ты заблудился...»

Но мистер Макмастер прервал его грезы:

– Не могли бы вы прочитать этот отрывок еще раз? Это место мне в особенности нравится.

Шли недели; ничто не говорило о спасении, но Хенти жил надеждой на то, что может случиться завтра; он даже испытывал некое подобие сердечности по отношению к своему тюремщику и потому с легкостью дал согласие, когда тот после долгой беседы с соседом-индейцем пригласил Хенти на пирушку.

– Это один из местных праздников, во время которого готовят пивари, – пояснил старик. – Оно может вам не понравиться, но попробовать стоит. Сегодня вечером мы отправимся к дому этого человека.

На том и порешив, после ужина они присоединились к группе индейцев, которые собрались вокруг костра в одной из хижин на другом краю саванны.

Индейцы равнодушно и монотонно пели, передавая по кругу большой калекас с какой-то жидкостью и по очереди к нему прикладываясь. Для Хенти и мистера Макмастера принесли персональные чаши, а для сидения им предоставили гамаки.

– Вы должны выпить все залпом, не опуская чашу. Таковы здешние правила хорошего тона.

Хенти проглотил темную жидкость, стараясь не обращать внимания на вкус. Однако он вовсе не был отвратительным – в отличие от большинства напитков, которыми его угощали в Бразилии, питье было скорее приятным, с оттенками меда и черного хлеба. Хенти откинулся на спину в гамаке, чувствуя непривычное удовлетворение. Может быть, поисковая партия уже в нескольких минутах пути от них. Теплая сонливость медленно овладевала им. Звучание песни то усиливалось, то затихало, укачивало, убаюкивало. Ему предложили еще одну чашу пивари, и он вернул ее пустой. Когда шириана пустились в пляс вокруг костра, он уже лежал, вытянувшись во весь рост и наблюдая за игрой теней на тростниковых стенах. Затем он закрыл глаза, подумал об Англии, о жене и погрузился в глубокий сон.

Он очнулся все в той же хижине с ощущением, что проспал обычный час своего пробуждения. По солнцу он определил, что уже давно перевалило за полдень. Вокруг не было ни души. Он взглянул на часы, но, к его удивлению, часов на запястье не оказалось. Хенти решил, что оставил их в доме еще до того, как отправился на пирушку.

«Должно быть, вечером я порядком набрался, – подумал он. – Коварное, однако, пойло». Голова его разламывалась, и он боялся возвращения лихорадки. Поднявшись на ноги, он обнаружил, что стоит с трудом; походка была нетвердой, мысли путались, как в первые недели выздоровления. По пути через саванну ему не раз приходилось останавливаться и, закрыв глаза, переводить дыхание. Добравшись до дома, он увидел мистера Макмастера.

– Увы, друг мой, на сегодняшнее чтение вы опоздали. До заката осталось каких-то полчаса. Как вы себя чувствуете?

– Омерзительно. Этот напиток решительно не по мне.

– Я дам вам кое-что, вам сразу полегчает. В лесу есть средства для всего – и чтобы взбодриться, и чтобы заснуть.

– Вы случайно не видели мои часы?

– Вы их потеряли?

– Должно быть. Я был уверен, что надел их. Слушайте, мне кажется, что я никогда в жизни не спал так долго.

– Разве что когда вы были младенцем. Знаете, как долго вы спали? Два дня.

– Чепуха. Не мог я столько проспать.

– Так и было, уверяю вас. Вы спали очень долго. Какая жалость, что вы не застали наших гостей.

– Гостей?

– Ну да, я об этом и толкую. Пока вы спали, мне скучать не пришлось. Трое мужчин пришли из внешнего мира. Англичане. Такая досада, что вы с ними не встретились. А для них в особенности, ведь они так хотели вас увидеть. Но что я мог поделать? Вы спали как убитый. Они проделали такой путь, чтобы найти вас, так что я – я знал, вы не стали бы возражать, – подарил им на память ваши часы. Они хотели привезти что-нибудь домой для вашей жены, которая предложила большое вознаграждение за любые сведения о вас. Так что они остались довольны. Еще они сделали пару фотографий креста, который я установил в честь вашего прибытия. Это им тоже понравилось. Оказалось, их так легко порадовать. Но вряд ли они вновь посетят нас, тут такая уединенная жизнь... никаких развлечений кроме чтения... Не думаю, что когда-нибудь кто-то еще навестит нас... ну-ну, полно, сейчас я принесу лекарство, и вам мигом полегчает. У вас все еще болит голова, не так ли? Сегодня никакого Диккенса... но завтра... и послезавтра... и послепослезавтра... Давайте перечтем «Крошку Доррит». В этой книге есть такие места, – когда я слышу их, то не могу удержаться от слез.

Не в своей тарелке

I

Рип достиг уже почтенного возраста, когда ему разонравилось заводить новые знакомства. Он жил в свое удовольствие между Нью-Йорком и более или менее американизированными частями Европы и повсюду, в зависимости от сезона, находил достаточное количество старых знакомых, чтобы развлекаться без особых усилий. Вот уже пятнадцать лет подряд он обедал у Марго Метроленд в течение первой недели своего пребывания в Лондоне и всегда мог быть уверен, что встретит у нее шесть или восемь знакомых и приветливых лиц. Правда, порой попадались какие-то чужаки, но они проходили мимо и исчезали из памяти, оставляя по себе не большее впечатление, чем смена слуг в отеле, где он останавливался.

Однако нынче вечером, войдя в гостиную и не успев еще поприветствовать хозяйку или кивнуть Аластору Трамптингтону, он ощутил поблизости нечто чуждое и тревожное. Окинув взглядов собравшихся, он убедился, что его тревога не беспочвенна. Все мужчины, кроме одного, стояли. В основном это были старые приятели и горстка новичков – неуклюжих и совершенно незначительных молодых людей, но фигура сидящего мгновенно привлекла его внимание и заморозила его вежливую улыбку. Это был дородный пожилой мужчина, довольно лысый, с широким белым лицом, простиравшимся вниз далеко за пределы нормы. Как Матушка Бегемотиха из «Тигренка Тима» или манишка на карикатуре Дюморье¹⁰³. В глубине лица виднелся малиновый ухмыляющийся рот, а над ним бегающие глазки с осуждающим взглядом – точь-в-точь как у временного дворецкого, пойманного на краже сорочек.

Леди Метроленд редко оскорбляла светскость своих гостей, представляя их друг другу.

– Дорогой Рип, – сказала она. – Как я рада снова вас видеть. Я, знаете ли, ради вас собрала всю банду. – А затем, заметив, что его взгляд сфокусировался на незнакомце, спохватилась: – Это доктор Какофилос, а это мистер Ван Винкль. Доктор Какофилос, – прибавила она, – великий волшебник. Его привела Нора, не представляю зачем.

– Мошенник?

– Волшебник. Нора утверждает, что для него нет ничего невозможного.

– Как поживаете?

– Твори свою волю, таков да будет весь закон, – произнес доктор Какофилос тонким голосом кокни.

– Э?..

– Ответа не требует. Если пожелаете, правильно было бы сказать: «Любовь есть закон, любовь в согласии с волей»¹⁰⁴.

– Понимаю.

– Вам необычайно повезло. Большинство людей – слепцы.

– Знаете что? – вставила леди Метроленд. – Давайте-ка все пообедаем.

Потребовался целый час обильной еды и питья, чтобы Рип снова почувствовал себя непринужденно. Его посадили очень удобно – между двумя дамами, представительницами его поколения, с каждой из которых у него в свое время был роман, но даже их добродушные сплетни не смогли полностью завладеть его вниманием, и он поймал себя на том, что неотрывно

¹⁰³ Дюморье *Джордж Луис Палмелла Бассон* (1834–1896) – английский писатель и художник-карикатурист французского происхождения.

¹⁰⁴ Доктор Какофилос цитирует «Книги закона» знаменитого оккультиста Алистера Кроули (1875–1947).

смотрит через стол – туда, где в десяти местах от него доктор Какофилос страшал пучеглазую дебютантку, лишенную всякого подобия интеллекта. Чуть позже, однако, вино и реминисценции разыгрались в нем. Он припомнил, что воспитан в истинно католическом духе, и по этой причине ему нет нужды бояться черной магии. Он вспомнил, что богат и пребывает в добром здравии, что ни одна из его женщин не питала к нему злых чувств (а что это, как не признак отличного характера?), что это его первая неделя в Лондоне и что сегодня здесь, похоже, присутствуют все, кого он больше всего любит, что вино льется так обильно, что он перестал ощущать его совершенство. Он был в ударе, и вскоре шестеро его соседей с интересом слушали истории, которые он рассказывал мягким голосом, чуть с ленцой. Он начал ощущать знакомый трепет, будучи наэлектризован тем, что ему удалось завладеть вниманием дамы, сидевшей напротив, на которую он положил глаз нынешним летом в Венеции, а два года назад – в Париже. Он выпил еще прилично и напроочь забыл о чертовом докторе Какофилосе.

Вскоре, почти незаметно для Рипа, дамы покинули столовую. Внезапно он осознал, что сидит, развалившись в кресле, с бокалом бренди и чуть ли не впервые в жизни беседует с лордом Метролендом. Он рассказывал ему о большой игре и вдруг ощутил сбоку чье-то присутствие – будто сквозняком холодным потянуло. Обернувшись, он увидел, что к нему бочком подкрался доктор Какофилос.

– Проводите меня сегодня домой? – спросил маг. – Вы и сэр Аластор?

– Черта с два я это сделаю, – сказал Рип.

– Черта с два, – повторил Какофилос, и глубокий смысл прозвучал в его отвратительных интонациях кокни. – Я имею в вас надобность.

– Наверное, нам следует пойти наверх, – сказал лорд Метроленд. – А не то Марго станет беспокоиться.

Остаток вечера Рип провел в блаженном оцепенении. Он помнил, как Марго призналась ему, что Нора и та глупая девочка устроили сцену из-за доктора Какофилоса и обе ушли домой в ярости. Вскоре ряды гостей стали редеть, пока не оказалось, что Рип пьет виски в маленькой гостиной один на один с Аластором Трамптингтоном. Они попрощались и сошли по лестнице, поддерживая друг друга.

– Я тебя подброшу, старина.

– Нет, старина, это я подброшу тебя.

– Я люблю кататься по ночам.

– Я тоже, старина.

На ступенях крыльца холодный голос с акцентом кокни ворвался в их дружескую дискуссию:

– А не могли бы вы подбросить меня? – Ужасающая фигура в черном плаще выскочила прямо на них.

– А куда вы хотите ехать? – спросил Аластор с некоторой неприязнью.

Доктор Какофилос назвал какой-то невразумительный адрес в Блумсбери.

– Извините, старина, мне совсем не по пути.

– И мне тоже.

– Но вы сами сказали, что любите кататься по ночам.

– О боже! Ладно, запрыгивайте.

И они втроем укатили.

Рип так и не понял, каким образом они с Аластором оказались в гостиной доктора Какофилоса. Они точно зашли не выпить, потому что выпивки там не было. Не знал он также, когда это доктор Какофилос успел нарядиться в малиновую хламиду, расшитую золотыми символами, и остроконечный малиновый колпак. Просто до него совершенно внезапно дошло, что доктор Какофилос облачен во все это. А когда до него это дошло, то он начал хихикать, и

хихикал так неудержимо, что ему даже пришлось усесться на кровать. Аластора тоже обуял смех, и они оба долго еще сидели на кровати и хохотали.

Но совершенно неожиданно Рип обнаружил, что они перестали смеяться, а доктор Какофилос, по-прежнему выглядевший по-дурацки в своем жреческом одеянии, глубокомысленно речет о времени, материи, духе и о многих вещах, без малейшего представления о которых Рип прекрасно провел сорок три насыщенных событиями года.

– Итак, – возвестил доктор Какофилос, – вы должны вдохнуть огонь, и воззвать к Омразу – духу освобождения, – и отправиться в прошлое сквозь века, и вновь обрести мудрость, которую века рассудка потратили впустую. Я избрал вас, потому что таких невежд, как вы двое, я в жизни не видывал. Я обладаю слишком большим знанием, чтобы рисковать собой. А если не вернетесь вы – потеря будет невелика.

– Ну знаете, – сказал Аластор.

– И более того – вы под градусом, – заметил доктор Какофилос, внезапно перейдя на будничныи тон.

Затем его речь снова обрела поэтическую окраску, а Рип зевнул, и Аластор зевнул. Наконец Рип сказал:

– Чертовски здорово, старина, что ты нам все это поведал. В другой раз непременно зайду дослушать остальное. А теперь мне пора, знаешь ли.

– Да, – поддакнул Аластор, – вечер удался на славу.

Доктор Какофилос стянул с головы остроконечный колпак и вытер пот с лысой макушки. С нескрываемым презрением он оглядел своих откланивающихся гостей.

– Пьянчуги, – произнес он. – Вы причастны к тайне, сами того не осознавая. Через несколько минут ваша пьяная поступь обгонит века. Скажите, сэр Аластор, – спросил он, и лицо его озарила жуткая шутивая учтивость. – Имеются ли у вас какие-либо предпочтения касательно вашего перемещения? Вы можете выбрать любое столетие, какое пожелаете.

– О, право, чертовски любезно с вашей стороны... Я, знаете ли, не то чтобы большой дока в истории.

– Говорите.

– Да мне, честное слово, все равно, какое хотите. Может, времена Этельреда Неразумного¹⁰⁵? Всегда питал к нему слабость.

– А вы, мистер ван Винкль?

– Что ж, если бы я захотел переместиться, то, как истинный американец, предпочел бы отправиться в будущее – лет этак на пятьсот.

Доктор Какофилос приосанился.

– Твори свою волю, таков да будет весь закон.

– Я отвечу так: «Любовь есть закон, любовь в согласии с волей».

– Боже, ну и долго же мы проторчали в этом доме, – сказал Аластор, когда они наконец добрались до «бентли». – Жуткий старый жулик. Надо же было так надраться.

– Черт, а я бы еще выпил, – отозвался Рип. – Знаешь какое-нибудь местечко?

– Знаю, – сказал Аластор и, круто свернув за угол, врезался боковиной в почтовый фургон, который грохотал по Шафтсбери-авеню со скоростью сорок пять миль в час.

Когда Рип встал, слегка оглушенный, но, насколько он мог судить, без особых повреждений, то почти не удивился тому, что обе машины исчезли.

Ему и без того было чему удивляться: легкий бриз, чистое, усыпанное звездами небо, просторный горизонт, не заслоненный зданиями. Луна в последней своей четверти, низко

¹⁰⁵ *Этельред II Неразумный* – король Англии в 978–1013 и в 1014–1016 годы, в период датских завоевательных походов. Отличался слабовольным и нерешительным характером.

повисшая на роцех и озаряющая склон, бугристый дерн и стадо овец, мирно стригущее осоку на площади Пикадилли и в ее окрестностях, отражались в тихой заводи, тут и там пронизанной тростником.

Повинуясь инстинкту, так как его голова и глаза по-прежнему горели от выпитого вина, а в пересохшем рту стоял мерзкий привкус, Рип подошел к воде. Его лакированные туфли с каждым шагом увязали все глубже, и он остановился в нерешительности. Перед ним зиял вход на станцию метро, превращенный в развалины в духе Пиранези¹⁰⁶. Черное жерло поросло папоротниками, несколько осыпающихся ступеней вели к черной воде. «Эрос»¹⁰⁷ исчез, но пьедестал возвышался над камышами – замшелый и полуразрушенный.

– Обалдеть, – медленно произнес мистер ван Винкль. – Двадцать пятый век.

Затем он переступил порог станции и, опустившись на колени на скользкой пятой ступеньке, окунул голову в воду.

Абсолютное безмолвие окружало его, лишь овцы ритмично, еле слышно щипали траву. Облака заволокли луну, и Рип встал в благоговейном страхе перед тьмой. Они проплыли, и Рип вышел на свет, покинул грот и взобрался на травяной холмик на углу Хеймаркет.

Между деревьями на юге он мог разглядеть серебряную полосу реки. Осторожно, ибо под ногами были сплошные ямы да расщелины, он пересек то, что когда-то было Лестерской и Трафальгарской площадями. Огромные илистые равнины, затопляемые при высокой воде, простирались под ногами вдоль Стрэнда, а на краю ила и осоки виднелась группа хижин, построенных на сваях – недостижимых, поскольку их предусмотрительные хозяева подняли лестницы на закате. На утопанных земляных площадках тлели красные угли двух почти догоревших костров. Оборванный сторож спал, уткнув голову в колени. Две или три собаки рыскали под лачугами, вынюхивая объедки, но ветер дул с реки, и, хотя Рип и произвел некоторый шум, приближаясь, собаки не подняли тревоги. Беспредельный покой лежал со всех сторон среди чудовищных очертаний поросшей травой каменной кладки и бетона. Рип скрючился в сырой расщелине и ждал утра.

По-прежнему была ночь – еще темнее оттого, что зашла луна, когда закукарекали петухи – штук двадцать или тридцать, прикинул Рип – на своих деревенских насестах. Страж ожил и поворочил угли, подняв целый сноп древесных искр.

Вскоре узкая полоска света появилась ниже по течению, расширяясь в нежный летний рассвет. Птицы запели вокруг. На маленьких помостах перед хижинами появились домочадцы: женщины, почесывающие головы, встряхивающие одеяла, голые дети. Они спускали лестницы из шкур и палок. Две или три женщины с глиняными горшками в руках направились к реке, чтобы набрать воды. Они задрали одежды до пояса и вошли в воду глубоко, по самые бедра.

Из своего укрытия Рип видел всю деревню как на ладони. Хижины тянулись одной линией вдоль берега – на полмили или чуть меньше. Всего около пятидесяти, все одного размера и формы – глиняные мазанки с крышами из шкур, казавшиеся крепкими и добротными. Не менее дюжины челноков лежали на илистых отмелях. Одни были выдолблены из стволов деревьев, другие напоминали плетеные корзины, покрытые шкурами. Люди были белокожи и светловолосы, но косматы, и передвигались они вприпрыжку – будто дикари. Говорили они медленно, нараспев, словно лишенная письменности раса, сохранность знания которой зависит от устной традиции.

Слова казались знакомыми, но неразборчивыми. Больше часа Рип наблюдал за деревней, которая пробуждалась и начинала свои обычные ежедневные дела, – видел, как подвешивались над огнем котелки, как мужчины спускаются к лодкам и что-то по-рыбацки глубокомысленно

¹⁰⁶ *Пиранези Джованни Батиста* (1720–1778) – итальянский художник, прославившийся циклом гравюр с изображением римских древностей.

¹⁰⁷ «Эрос» – мемориальный фонтан Шафтсбери, широко, но неправильно известный как «Эрос», представляет собой фонтан, увенчанный крылатой статуей Антероса, расположенный на юго-восточной стороне площади Пикадилли в Лондоне.

бормочут над ними; видел, как дети карабкаются по столбам к отхожим местам внизу, – и, кажется, впервые в жизни он не знал, что ему делать. А затем, собрав всю решимость, на какую только был способен, зашагал к деревне.

Его приближение произвело молниеносный эффект. Женщины в панике похватили детей и все разом кинулись к лестницам. Мужчины у лодок бросили возиться со снастями и неуклюже стали взбираться на высокий берег. Рип улыбался и шел дальше. Мужчины сбились в кучу и не выказывали ни малейшего желания двигаться с места. Рип поднял сжатые ладони и дружески потряс ими в воздухе – он видел, как это делают боксеры, выходя на ринг. Косматые белые люди не подавали признаков узнавания.

– Доброе утро, – сказал Рип. – Это Лондон?

Мужчины удивленно переглянулись, а один глубокий старик с белой бородой слегка хихикнул. После мучительно долгой паузы предводитель кивнул и сказал:

– Лоннон.

Потом они опасливо стали окружать его, пока, осмелев, не подошли совсем близко, и начали щупать его диковинную одежду, постукивая ороговелыми ногтями по его мятой рубашке, дергая запонки и пуговицы. Женщины тем временем повизгивали от возбуждения на крышах жилищ. Когда Рип посмотрел на них и улыбнулся, они нырнули в дверные проемы и выглядывали на него из сумрачных недр. Он чувствовал себя на редкость глупо, и у него сильно кружилась голова. Мужчины тем временем принялись обсуждать его. Они присели на корточки и начали спорить – без воодушевления или убежденности. До него долетали обрывки фраз – «белый», «черный хозяин», «обмен», но по большей части их жаргон был лишен смысла. Рип тоже присел. Голоса взмывали и опадали, будто песнопения. Рип зажмурился и предпринял отчаянное усилие, чтобы проснуться, пробудиться от этого нелепого кошмара.

– Я в Лондоне, в тысяча девятьсот тридцать третьем году, остановился в отеле «Ритц». Вчера вечером я слишком много выпил у Марго. В будущем надо поостеречься. На самом деле ничего страшного. Я в «Ритце», в тысяча девятьсот тридцать третьем.

Он повторял это снова и снова, отрешив чувства от всех внешних впечатлений, приносящая свою волю устремиться к здравому смыслу. Наконец, полностью убедив себя, он поднял голову и открыл глаза... раннее утро над рекой, скопище мазанок, круг бесстрастных варварских лиц...

II

Не стоит думать, что тот, кто перескочил через пять сотен лет, станет обращать большое внимание на смену дней и ночей. Как часто прежде во время своего беспорядочного чтения Рип наталкивался на фразы вроде «С той поры время утратило для нее реальность». Наконец он понял, что они означали. Какое-то время он жил под охраной среди лондонцев. Те кормили его рыбой, грубым хлебом и угощали хмельным, тягучим пивом. Часто в предвечерний час, закончив дневные труды, женщины деревни собирались вокруг него и жадно и пристально наблюдали за каждым его движением, порой нетерпеливо (однажды к нему подобралась осанистая молодая матрона и внезапно дернула за волосы), но по большей части застенчиво – готовые захихикать или разбежаться врассыпную при любом необычном движении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.